

ПРОЛІСКИ ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ

Спогади
колишніх малолітніх в'язнів фашизму

ВИДАВНИЧИЙ ДІМ «ЦИВІЛІЗАЦІЯ»

ПОДСНЕЖНИКИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Воспоминания
бывших малолетних узников фашизма

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

ПРОЛІСКИ ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ

СПОГАДИ
КОЛИШНІХ МАЛОЛІТНІХ В'ЯЗНІВ ФАШИЗМУ

ПОДСНЕЖНИКИ ЗА КОЛЮЧЕЮ ПРОВОЛОКОЮ

ВОСПОМИНАНИЯ
БЫВШИХ МАЛОЛЕТНИХ УЗНИКОВ ФАШИЗМА

ПРОЛІСКИ ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ

**Спогади
колишніх малолітніх в'язнів фашизму**

Автори-упорядники:
**Олег ВАСЮКОВ
Микола ПЕТРЕНКО
Семен ПОДОЛЬСЬКИЙ**

Наукова редакція кандидата філософських наук, доцента
Олега ВАСЮКОВА

Рецензент доктор філософських наук, професор
Рудольф МИРСЬКИЙ

Головний редактор і керівник видання книги
Олег ЛЮТИКОВ

**ЛЬВІВ
ВИДАВНИЧИЙ ДІМ «ЦИВІЛІЗАЦІЯ»
2004**

ПОДСНЕЖНИКИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

**Воспоминания
бывших малолетних узников фашизма**

Авторы-составители:
**Олег ВАСЮКОВ
Мыкола ПЕТРЕНКО
Семён ПОДОЛЬСКИЙ**

Научная редакция кандидата философских наук, доцента
Олега ВАСЮКОВА

Рецензент доктор философских наук, профессор
Рудольф МИРСКИЙ

Главный редактор и руководитель издания книги
Олег ЛЮТИКОВ

**ЛЬВОВ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»
2004**

SNOWDROPS BEHIND BARBED WIRE

**Memoirs
of former children's prisoners of fascism**

Authors - composers:

**Oleg VASYUKOW
Mykola PETRENKO
Semyon PODOLSKI**

Scientific editor Candidate of philosophical sciences,
senior lecturer

Oleg VASYUKOW

Reviewed by Doctor of philosophical sciences,
professor

Rudolf MIRSKI

Editor-in-chief
Oleg LYUTIKOV

THE PUBLISHING HOUSE «CIVILIZATION»

LVIV

2004

PUBLISHED IN UKRAINE

**SCHNEEGLÖCKCHEN
HINTER DEM STACHELDRAHT
Erinnerungen von den ehemaligen
minderjährigen Faschismusgefangenen**

Autoren - Zusammensteller:

Oleg Wasiukow, Mykola Petrenko, Semion Podolski

Wissenschaftliche Redaktion
des Kandidaten der philosophischen Wissenschaften, Dozenten
Oleg Wasiukow

Rezensent Doktor der philosophischen Wissenschaften, Professor
Rudolf Mirski

Chefredakteur und Leiter der Herausgabe
Oleg Lutikow

Verlegerisches Heim «Zivilisation»

Lviv

2004

Herausgegeben in der Ukraine

**DES PERCE-NEIGE DERRIÈRE
LES BARBELÉS
Souvenirs d'anciens enfants prisonniers du fascisme**

Textes recueillis et rédigés par:

Oleg Vassukov, Nicolas Petrenko, Semen Podolski

La rédaction scientifique: agrégé de philosophie
Oleg Vassukov

Recension: Docteur en philosophie, le professeur
Rudolf Mirski.

Le redacteur en chef, directeur de l'édition du livre
Oleg Lutikov

Les éditions «La civilisation»

Lviv

2004

Édité en Ukraine

PIERWIOSNKI ZA DRUTEM KOLCZASTYM

Wspomnienia byłych niepełnoletnich więźniów faszyzmu

Autorzy-ulożyciele:

Oleg Wasiukow, Mykoła Petrenko, Semion Podolski

Redakcja naukowa kandydata filozofii docenta

Olega Wasiukowa

Recenzent doktor filozofii, profesor

Rudolf Mirski

Redaktor naczelny i kierownik wydania księgi

Oleg Lutikow

Wydawnictwo «Cywilizacja»

Lwów

2004

Wydano w Ukrainie

ПАДСНЕЖНІКІ ЗА КАЛЮЧЫМ ДРОТАМ

Успаміны былых малалетніх вязнеў фашызма

Аўтары-укладальнікі:

Алег Васюкоў, Мікола Петрэнка, Сямён Падольскі

Навукова рэдакцыя кандыдата філасофскіх навук, дацэнта

Алега Васюкова

Рэцэнзент доктар філасофскіх навук, прафесар

Рудольф Мірскі

Галоўны рэдактар і кіраўнік выдання кнігі

Алег Лютікоў

Львов

Выдавецкі дом «Цывілізацыя»

2004

Выдано в Україні

פעמוניות שלג מאחורי גדר תיל

זכרונות ילדי השואה על הפאשיזם

**מחברים : אולג וסוקוב
מיקולה פטרנקו
סימיון פודולסקי**

**עורך מדעי ראשי: דוצנט
אולג וסוקוב**

**מבקר מדעי : ד"ר למדעי הפילוסופיה
פרופ' רודולף מירסקי**

**עורך ראשי ומהנל הוצאה לאור
אולג לוטיקוב**

**לבוב
בית דפוס " ציוויליזציה "
2004
הוצאה לאור באוקראינה**

ББК 63.3(0)62

П 78

П 78 Проліски за колючим дротом. Спогади колишніх малолітніх в'язнів фашизму / автори-упорядники: **О. К. Васюков, М. Є. Петренко, С. Р. Подольський** — Л.: Видавничий дім «Цивілізація», 2004. — 240 с.

ISBN 966-7719-01-4

В цій книзі антифашистського спрямування наведені спогади декількох десятків колишніх малолітніх в'язнів фашизму про понівечене дитинство, юність, страждання, загибель рідних та близьких, про геноцид, антилюдську сутність фашизму. Книга увічне пам'ять жертв фашизму, закликає не допустити його відродження в будь-якій формі, в будь-якій країні.

Підготовка і випуск книги:

О. Ю. Лютіков — головний редактор, керівник видання книги

О. К. Васюков — наук. редактор, кандидат філос. наук, доцент

С. П. Лютікова — редактор

І. М. Корчевський — художник

Рецензент доктор філос. наук, професор

Р. Я. Мирський

**Видано в Україні
Издано в Украине
Published in Ukraine**

© Видавничий дім «Цивілізація». 2004

© Васюков О. К., Петренко М. Є.,

Подольський С. Р. — упорядкування. 2004

ISBN 966-7719-01-4

ББК 63.3(0)62
П 78

П 78 **Подснежники за колючей проволокой.** Воспоминания бывших малолетних узников фашизма / авторы-составители: **О. К. Васюков, М. Е. Петренко, С. Р. Подольский** — Л.: Издательский дом «Цивилизация», 2004. — 240 с.
ISBN 966-7719-01-4

В этой книге антифашистской направленности приведены воспоминания нескольких десятков бывших малолетних узников фашизма об искаленном детстве, юности, страданиях, гибели родных и близких, о геноциде. Книга увековечивает память о жертвах фашизма, призывает не допустить его возрождения в какой-либо форме, в какой-либо стране.

Подготовка и выпуск книги:

О. Ю. Лютиков — главный редактор, руководитель издания книги
О. К. Васюков — науч. редактор, кандидат филос. наук, доцент
С. П. Лютикова — редактор
И. М. Корчевский — художник

Рецензент доктор филос. наук, профессор
Р. Я. Мирский

Видано в Україні
Издано в Украине
Published in Ukraine

ISBN 966-7719-01-4

© Издательский дом «Цивилизация». 2004
© Васюков О. К., Петренко М. Е.,
Подольский С. Р. — составление. 2004

...РОДОМ З ДИТИНСТВА, ОБПАЛЕНОГО ВІЙНОЮ

(Замість передмови)

Від Антуана де Сент-Екзюпері, з його знаменитої алегоричної казки «Маленький принц», пішов у світ крилатий вислів: «Всі ми родом з дитинства».

Так, це справедливо: саме дитинство, в якому формуються усі основні риси і особливості людської особистості, накладає свій незгладимий відбиток на усе наступне життя людини, на стан і динаміку її фізичного і психічного здоров'я, на її характер, нахили, здібності, соціальні цінності і пріоритети, визначаючи, у кінцевому підсумку, навіть її долю. Звичайно, багато тут залежить від умов і обставин, в яких протікає дитинство людини, тобто мова йде про те, чи були ці обставини нормальними, за умов миру чи війни.

Звідси кардинальне питання: чи могло бути нормальним дитинство у покоління, обпаленого пекельним вогнем такої страшною і жорстокою війни, якою була для нашого народу Велика Вітчизняна війна проти німецько-фашистських загарбників з їх звірячою, людиноненависницькою ідеологією, політикою і практикою бузувірськи кривавого расизму, нацизму і тотального геноциду проти цілих народів, найперше, проти єврейської нації?

І взагалі: чи було воно, це дитинство, у тих, зокрема, сотень тисяч дітей і підлітків, які з моменту вторгнення на нашу землю орд гітлерівських вбивць зразу ж опинились за колючим дротом концтаборів і гетто, перетворених на апокаліпсичні фабрики смерті — з шибеницями, душогубками, газовими камерами, печами крематоріїв, пірамідами з колод і трупів для спалювання жертв геноциду, з глибокими ямами і

ровами, такими як Бабин Яр у Києві або Дробицький Яр під Харковом, де були розстріляні і закопані, нерідко ще живими (через що земля довго над ними ворушилася), десятки і сотні тисяч ні в чому невинних жінок, дітей, стариків?

Ні! Дитинства у цього покоління дітей не було! Воно підступно було вкрадене і безжально розтоптане разом із самим життям кованим фашистським чоботом!

А дитинство тих, хто, пройшовши усі дев'ять Дантових кіл концтабірних тортур і жахів, муки страждань всіх воєнних лихоліть, і все-таки вижив, залишилося в душі, в пам'яті, в серці і в тілі навіки скаліченим, обпаленим спопеляючим вогнем війни.

Ось чому ми усі — колишні малолітні в'язні фашистських концтаборів і гетто, колишні неповнолітні «остарбайтери», примусово вивезені окупантами у Німеччину на рабські роботи, — **родом з дитинства, обпаленого війною!**

Як мало нас врятувалося від загибелі у роки війни! Як мало нас залишилося живими сьогодні! І як же важливо, щоб спогади про усе те, що нам довелося пережити у ту страшну війну, зберегла народна і вселюдська пам'ять, щоб розповіді, документальні свідоцтва про страждання і мужність жертв фашизму не канули в безвість, не вмерли разом з нами, а були записані, опубліковані і стали складовою частиною духовного досвіду наших сучасників, наших дітей, онуків, правнуків, аби їм і їх дітям, онукам і правнукам ніколи не довелося пережити отого, що випало на долю нашого покоління!

На фоні розгорнутих в останній час підлих і цинічних спроб з боку неонацистських сил в деяких країнах світу применшити злочини фашистів проти людства під час Другої світової війни і, зокрема, заперечити навіть сам факт Холокосту — тотального геноциду гітлерівських вбивць проти єврейського народу — ці, роздираючі душу спогади-свідчення жертв фашизму, що чудом вижили, набувають особливої актуальності і значення у боротьбі проти намірів реанімації коричневої чуми. У цьому зв'язку вважаю святим обов'язком у передмові до книги «Проліски за колючим дротом», від свого імені, а також від імені моїх друзів і колег-співавторів, упо-

рядників, редакторів і видавця цього унікального видання висловити глибоку вдячність і низько поклонитися всім тим людям — колишнім малолітнім в'язням фашизму, мученикам і героям (героям вже тому, що перемогли смерть, вижили!) нашого обпаленого війною дитинства — за те, що вони знайшли в собі фізичні і духовні сили повернутися пам'яттю до страшного воєнного минулого, знову переживши його, кров'ю серця і сльозами записати і подати до збірника свої безцінні спогади, які, говорячи словами з листа до нас знаменитого творця антифашистського кінофільму «Список Шіндлера», президента Міжнародного Фонду візуальної історії Холокосту Стівена Спілберга (що висловився з нагоди аналогічної події), дадуть «поколінням можливість відчувати свій особистий зв'язок з історією», бо «у далекому майбутньому люди зможуть побачити обличчя, почути голоси, дізнатися про долі», а, значить, «зможуть слухати і вчитися і завжди пам'ятати».

А завершити це вступне слово хочу рядками із вміщеної у цій книзі і присвяченої усім жертвам фашистського геноциду моєї поеми-реквієму «Дзвони пам'яті й перестороги»:

Нацистських злочинів несила описать
У вмитих кров'ю і сльозами строфах,
До пильності світ будуть закликать
Ще сотні років жертви Катастрофи!

Олег ВАСЮКОВ,
науковий редактор книги,
кандидат філософських наук,
доцент, колишній малолітній
в'язень фашизму, інвалід війни

...РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА, ОПАЛЕННОГО ВОЙНОЙ

(Вместо предисловия)

От Антуана де Сент-Экзюпери, из его знаменитой аллегорической сказки «Маленький принц» пошло в мир крылатое выражение: «Все мы родом из детства».

Да, это справедливо: именно детство, в котором формируются все основные черты и особенности человеческой личности, накладывает свой неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь человека, на состояние и динамику его физического и психического здоровья, на его характер, склонности, способности, социальные ценности и приоритеты, определяя, в конечном итоге, даже его судьбу. Конечно, многое здесь зависит от условий и обстоятельств, в которых протекает детство человека, то есть речь идет о том, были ли эти обстоятельства нормальными, в условиях мира или войны.

Отсюда кардинальный вопрос: а могло ли быть нормальным детство у поколения, опаленного адским огнем такой страшной и жестокой войны, какую была для нашего народа Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков с их звериной, человеконенавистнической идеологией, политикой и практикой изуверски кровавого расизма, нацизма и тотального геноцида против целых народов, прежде всего, против еврейской нации?

И вообще: а было ли оно, это детство, у тех, в частности, сотен тысяч детей и подростков, которые с момента вторжения на нашу землю орд гитлеровских убийц сразу же оказались за колючей проволокой концлагерей и гетто, превращенных в апокалипсические фабрики смерти — с виселицами,

душегубками, газовыми камерами, печами крематориев, пирамидами из бревен и трупов для сжигания жертв геноцида, с глубокими ямами и рвами, такими как Бабий Яр в Киеве или Дробицкий Яр под Харьковом, где были расстреляны и закопаны, нередко еще живыми (от чего земля над ними долго еще шевелилась), десятки и сотни тысяч ни в чем неповинных женщин, детей, стариков?

Нет! Детства у этого поколения детей не было! Оно вероломно было украдено и безжалостно растоптано вместе с самой жизнью кованым фашистским сапогом!

А детство тех, кто прошел все девять Дантовых кругов концлагерных пыток и ужасов, муки страданий всех военных лихолетий и все-таки выжил, осталось в душе, в памяти, в сердце и теле навеки искалеченным, опаленным испепеляющим огнем войны.

Вот почему мы все — бывшие малолетние узники фашистских концлагерей и гетто, бывшие несовершеннолетние «остарбайтеры», насильно вывезенные оккупантами в Германию на рабские работы, — **родом из детства, опаленного войной!**

Как мало нас спаслось от гибели в годы войны! Как мало нас осталось в живых сегодня! И как же важно, чтобы воспоминания обо всем том, что нам довелось пережить в ту страшную войну, сохранила народная и всечеловеческая память, чтобы рассказы, документальные свидетельства о страданиях и мужестве жертв фашизма не канули в безвестность, не умерли вместе с нами, а были записаны, опубликованы и стали составной частью духовного опыта наших современников, наших детей, внуков, правнуков, дабы им и их детям, внукам, правнукам никогда не довелось пережить то, что выпало на долю нашего поколения!

На фоне развернутых в последнее время подлых и циничных попыток со стороны неонацистских сил в некоторых странах мира преуменьшить преступления фашистов против человечества во время Второй мировой войны, в частности, отрицать даже сам факт Холокоста — тотального геноцида гитлеровских убийц против еврейского народа, эти душера-

здирающие воспоминания-свидетельства жертв фашизма, которые чудом выжили, приобретают особенную актуальность и значение в борьбе против попыток реанимации коричневой чумы. В этой связи считаю святой обязанностью в предисловии к книге «Подснежники за колючей проволокой» от своего имени, а также от имени своих друзей и коллег-соавторов, составителей, редакторов и издателя этого сборника выразить глубокую благодарность и низко поклониться всем тем людям — бывшим малолетним узникам фашизма, мученикам и героям (герои уже потому, что победили смерть, выжили!) нашего опаленного войной детства — за то, что они нашли в себе физические и духовные силы возвратиться памятью в то страшное военное прошлое, вновь пережив его, кровью сердца и слезами записать и подать в этот сборник свои бесценные воспоминания, которые, говоря словами из письма к нам знаменитого творца антифашистского кинофильма «Список Шиндлера», президента Международного Фонда визуальной истории Холокоста Стивена Спилберга (высказавшегося по аналогичному случаю) дадут «поколениям возможность ощутить свою личную связь с историей», ибо «в далеком будущем люди смогут увидеть лица, услышать голоса, узнать о судьбах», а, значит, «смогут слушать и учиться и всегда помнить».

А завершить это вступительное слово я хочу строками из помещенной в этой книге и посвященной памяти всех жертв фашистского геноцида моей поэмы-реквиема «Колокола памяти и предостережения»:

Нацистских преступлений описать
Нет сил в омытых кровью сердца строках,
Мир к бдительности будут призывать
Еще столетия жертвы Катастрофы!

Олег ВАСЮКОВ,
научный редактор книги,
кандидат философских наук,
доцент, бывший малолетний
узник фашизма, инвалид войны

ПОМНИТЬ О ПОГИБШИХ, ЗАБОТИТЬСЯ О ЖИВЫХ

Случилось так, что в годы Второй мировой войны каждому из нас был уготован нацистами страшный, трагический путь в ад. На смерть в фашистских лагерях были обречены сотни тысяч концлагерников, узников гетто, «остарбайтеров». В том числе и дети. Эти дети — каждый в отдельности и все вместе — стали невосполнимой потерей для родных и близких, для наших государств и народов, для нашего прошлого и нашего будущего.

И вот в 1988 году в городе Киеве было решено: оставшимся в живых — объединиться! В столице Украины, по предложению 800 страдальцев гитлеровской неволи, преимущественно членов семей участников Движения Сопротивления, по инициативе и при поддержке общественности, по наработкам энтузиастов-поисковиков, энтузиастов-исследователей родился Союз бывших малолетних узников фашизма, объединяющий тех, кому по-прежнему дороги самые глубокие человеческие идеалы справедливости, терпимости, взаимной выручки, порядочности, бескорыстия и благородства.

Сердечная благодарность участникам встречи восемьдесят восьмого — ветеранам, горячим патриотам движения, неутомимым глашатаям его идей! Они, внеся лепту добрых дел при рождении нашего Союза, все эти годы оставались и остаются верны ему и находятся на боевом посту активиста, делят с другими членами нашей организации радость успехов, горечь ошибок, тянут тяжелейший воз забот, обязанностей и ответственности перед всеми! Отрадно отметить, что среди участников той памятной встречи были и представители Львовского областного отделения Союза: Гарц Фаина Моисеевна, Бабухина Александра Кузьминична и Филоненко Мария Григорьевна.

Проведением в 1988 году, в знаменательный день 22 июня, встречи бывших узников фашизма преследовались не случайные, не сиюминутные и, конечно, не мелкоконъюнктурные цели. Нет, эти цели были совершенно другого рода — в высшей степени благородные и смелые.

В годовщину дня начала войны, дня, в который было безжалостно перечеркнуто наше мирное житьё-бытьё и разделено всё, чем дышали, гордились, что берегли и лелеяли, на немыслимые и теперь такие далёкие и разнополюсные «до» и «после», организаторы встречи устами её участников намеревались напомнить не только о народных бедах и победах, достигнутых ценой невероятных усилий и потерь, в том числе и мирного населения, и прежде всего, может быть, именно среди мирного населения. Они хотели также сказать: «Мы помним о вас!» — тем, от кого в своё время власти отвернулись, кого по сути сдали врагу, кого считали возможным и презирать, и упрекать, и унижать недоверием, тем, кому в течение десятилетий, зачастую, отказывали в соответствующей учёбе, работе, профессиональном росте. Они вознамерились во весь голос произнести: «Дети-узники — не «изменники» и не «шпионы», они — члены семей патриотов, жертвы преследований врага, жертвы нацизма, жертвы войны!»

Почему встреча происходила в Украине, в Киеве? В том числе и потому, что весной 1945 года в сторону Днепра из Польши, Австрии, Германии потянулись вереницы поездов с нашими ребятами, вызволенными из плена, которых необходимо было лечить, учить, которым надлежало возвращать радость общения и звонкий смех — визитную карточку счастья, которых надлежало освобождать от постоянного чувства страха быть схваченными и отправленными если не «на камин» — для сожжения, то в «спецривир» — для забора крови, смертельно опасных уколов под лопатку.

В том числе и потому, что голодная, холодная, тяжело страдавшая от нашествия врага Украина никого от себя не оттолкнула, никому не отказала в хлебе насущном, в крыше над головой. Всех приютила, всех обогрела, всем нашла место и за столом, и за школьной партой. Для малолетних страдаль-

цев гитлеровской неволи в Киеве, Черкассах, Днепродзержинске, Харькове, Львове и в других городах открылись спецдетдома. Мы знаем их поименно. В одной лишь столице Украины дети-узники воспитывались в Пуца-Водице, Святошино, на Лукьяновке, Сырце.

Мысленно перенесаясь в день 22 июня 1988 года, в переполненный зал Киевского окружного дома офицеров, вспоминаем его рыдания, его стоны, его аплодисменты. Поднявшись на трибуну, ораторы говорили о болях и обидах обманутых, униженных, оскорбленных людей. И казалось, как напишет впоследствии белорусский литератор Сергей Панизник: «Эта огромная глыба горя, словно вечевой колокол, раскачивала день летнего солнцестояния. И плыл, плыл над землей могучий и святой звон ваших душ, ваших надежд. Плыл в историю, в вечность».

За 12 лет своего легализованного и 37 лет фактического существования движение бывших малолетних узников фашизма, у истоков которого стояли энтузиасты, борцы-одиночки, оно превратилось в солидную организацию и весьма влиятельную силу. С ней считаются, о ней говорят. Голос ее представителей звучит в президентских, правительственных структурах, в органах законодательной и исполнительной власти, в органах местного самоуправления. Нашу работу, нашу позицию знают за рубежом, в парламентах, политических партиях, фондах, конфессиях.

Сегодня международное движение бывших малолетних узников объединяет 550 тысяч человек, живущих в 9 странах СНГ и Балтии, в том числе, разумеется, и в Украине. По своей направленности, решаемым задачам, намеченным целям оно выражает интересы всех страдальцев фашистской неволи, жертв гитлеровского геноцида.

В настоящее время усилия движения бывших малолетних узников сосредоточены на завершении того, что начали много лет назад его основатели. А именно: на создании для бывших малолетних узников фашизма таких условий существования, которые были бы достойны всего выстраданного ими и позволяли каждому нормально, во всяком случае, не в оскорби-

тельно постыдной бедности, прожить остаток дней, отведенных ему судьбой. Помочь этим людям обязаны все, кто так или иначе не может и не вправе считать себя свободным от выполнения этой гуманистической работы, кто хочет искупить свою вину перед ними.

Разговор не вообще, а конкретный. Мы обращаемся к Федеративной Республике Германии, возникшей на руинах Третьего рейха, к странам, которые в годы Второй мировой войны были союзниками Гитлера в вооруженной борьбе против Советского Союза, к новым независимым государствам, образовавшимся на территории СССР. От них, от их воли, от их материальных и моральных усилий зависит, как скоро, в какой форме и насколько полно будут возвращены долги узникам фашизма — гражданам, которые проживают на территории СНГ и Балтии.

Нам глубоко импонируют стремление и усилия Федеративной Республики Германии, её правительства смыть со страны, с нации позор коричневого прошлого. Импонирует и то, что в этом направлении в последнее время предпринимает руководство Австрии.

Строить светлое будущее новой Европы невозможно без достижения полного взаимопонимания и взаимопримирения между народами, которые понесли наибольшие потери в минувшей войне и подверглись наиболее жестокому геноциду, безжалостному истреблению, что привело к подрыву их физического потенциала, разрушению здоровых жизненных сил, самым отрицательным образом сказалось на динамике дальнейшего развития, состоянии духовной сферы наций. Но как можно рассматривать в качестве полноценной компенсации за причиненные страдания и ущерб, нанесенный здоровью людей, денежную помощь, которая к нынешнему времени была оказана страдальцам гитлеровской неволи — гражданам бывшего СССР, если эта помощь не идет ни в какое сравнение с той компенсацией, которую получили страдальцы гитлеровской неволи — граждане стран Западной и Центральной Европы? Поэтому мы приветствуем решения, принятые в Германии летом 2000 года по созданию Компенсационных фон-

дов, и надеемся, что их реализация не затянется на длительное время.

С утроенной энергией мы будем добиваться справедливых компенсационных выплат для всех, без исключения, жертв нацизма — граждан новых независимых государств.

Среди погибших, расстрелянных, замученных, сожжённых были граждане всех национальностей, как и среди тех, кто остался в живых. Мы все, выжившие бывшие узники концлагерей и гетто, независимо от национальности, одинаково ощущаем тяжелые, нередко фатальные, трагические последствия перенесенных мучений, страдаем и умираем от одних и тех же страшных болезней.

По документальным данным социологических исследований смертность среди бывших узников вдвое больше, нежели смертность среди других аналогичных по возрасту групп населения. Только за последний год мы потеряли десятки тысяч наших товарищей. 120 тысяч (20 %) членов УСУЖН — инвалиды, 350 тысяч страдают опасными для жизни хроническими заболеваниями, из каждых десяти жертв нацизма — пятеро остались одинокими. Каждая третья женщина не познала радости материнства. Физические страдания и нервные потрясения жертв нацизма отпечатались на психическом и физическом состоянии их детей, которые, в большинстве, больные и инвалиды. Поскольку 90 % членов нашего Союза пенсионеры, а пенсионные выплаты значительно ниже прожиточного минимума, их материальное положение нетрудно представить. Многие из них живут на грани голода, находят-ся за чертой бедности.

Создание условий для достойного существования жертв нацизма немыслимо без разработки и принятия в наших странах специальных законов, определяющих правовой статус данной категории граждан, гарантии их социальной защиты, возможности удовлетворения их насущных жизненных потребностей как за счет внутренних ресурсов, так и за счет внешних поступлений, главным образом в виде финансового возмещения за причинённый ущерб в неволе в период войны, благотворительных взносов предприятий, фондов, банков, включая

поставки гуманитарных грузов. Это подтверждено историческим опытом таких стран как Франция, Италия, Польша, Бельгия, Голландия, Люксембург и других.

Несколько лет назад участники движения бывших малолетних узников не только предложили принять в наших странах законы о жертвах нацизма, но и разработали их проекты, которые затем, как, например, в Украине, были предложены вниманию законодательной власти. За это время мы значительно продвинулись вперёд. В феврале 2000 года был подписан Указ Президента Украины «О проведении в 2001 году Дней памяти Бабьего Яра», а в марте того же года Верховной Радой Украины принят Закон Украины «О жертвах нацистских преследований». Их принятие высоко оценено и в нашей общественной организации, и, нам это известно, в нашей стране в целом. Теперь дело за их реализацией. И пусть как можно лучше, эффективнее сработает сила положительного примера Украины!

Подобно тому как настойчиво мы добивались для бывших малолетних узников льгот, справедливых выплат со стороны Германии, так и сейчас мы должны бороться за интересы страдальцев гитлеровской неволи, должны стоять на страже правды и давать отпор любителям поживиться за счет жертв нацизма.

Исповедуя идеологию добра, милосердия, гуманности, мы выступаем против придания движению какой бы то ни было политической окраски, ибо никогда не вторгались и не вторгаемся ни в сферу мировоззренческой ориентации узников, ни в сферу их партийных симпатий, а тем более партийной принадлежности. Сие — запретная для нас тема. Мы являемся движением политически нейтральным. Мы — объединение людей по признаку пережитого ими за колючей проволокой. Главное для нас — участие человека в движении, его помощь другим и себе. Нынешний статус движения необходимо сохранить и на будущее.

Движение бывших малолетних узников показывает пример общественного согласия, столь необходимого сегодня во всех странах. Думается, что эта сторона деятельности нашего Союза ещё будет по достоинству оценена.

По воле судьбы, по стечению жизненных обстоятельств бывшие малолетние узники являются последними свидетелями ужасов гитлеровской неволи. А это значит, что память о прошлом они пронесут дальше и дольше других. Именно им выпало на долю дописать заключительную главу книги о страданиях, испытанных за колючей проволокой фашизма поколением живущих сейчас.

Мы были вольны создать наш Союз, но мы не должны быть вольны его распускать. Судьба распорядилась так, что наш Союз уйдет из жизни только вместе с последним малолетним узником фашизма.

Сегодня много говорят о передаче эстафеты старшего поколения младшим — нашим детям, внукам. Необходимость такой передачи очевидна и сомнений не вызывает. Мы должны как можно активнее и шире вовлекать в движение молодых учёных, литераторов, студентов, школьников.

В эмблеме нашего движения две дуги — светлая и тёмная, обрамляющие земной шар с навеки «изъятой» из его сердцевины частью. В этом заключается простой и великий смысл. Живые должны помнить о погибших. Погибшие — наша никогда не утихающая боль¹.

Семен ПОДОЛЬСКИЙ,
председатель Львовского
областного отделения
Украинского союза
узников — жертв нацизма²

¹ В статье использованы материалы, факты, цифры, приведенные в докладах и выступлениях на конференциях и встречах председателя Международного движения бывших малолетних узников фашизма В. В. Литвинова и председателя Международного союза бывших малолетних узников фашизма Н. А. Махутова.

² 8 февраля 2000 г. Украинский союз бывших малолетних узников фашизма переименован в Украинский союз узников — жертв нацизма.

Олег ВАСЮКОВ

НАШ ПЕРШИЙ СКРОМНИЙ ЮВІЛЕЙ

До 10-ої річниці утворення Української спілки колишніх малолітніх в'язнів фашизму

Побратимам і посестрам по тяжкій долі колишніх малолітніх в'язнів фашистських концтаборів та гетто із побажанням стійкості і мужності у борні за гідне людини життя присвячую

Ну, що ж! Вже і у в'язнів малолітніх
З'явився свій — хай скромний — ювілей.
Потрібно було більше півстоліття,
Аби гіркий здобуць цей привілей —
Відзначить десять років існування
Отих спілчанців, хто іще не вмер,
Хто з днів війни — днів горя і страждання
Несе в собі свій біль і дотепер,

Хто все пройшов – і зашморги, і мури
Фашистських гетто і концтаборів,
А по війні й моральні ще тортури
Од всякого гатунку бовдурні
За те, що за колючим дротом в гетто
Ми вистояли у борні зі смертю,
За те, що ми були «під окупантами»
На зайнятих фашистом територіях,
Тому, бач, не згоріли в крематоріях,
Бо, може, були всі «колаборантами»...
Нехай сьогодні, врешті, нас признали
Як найстражденніших з-поміж усіх дітей,
Та гідних пенсій нам іще не дали,
Як у цивілізованих людей
В країнах тих, де вбивцями фашистськими
Були дитячі долі покалічені.
О браття й сестри! В'язні малолітні!
За те, що ми живі ще на цей час,
Лиш Господу подякуєм уклінно
Та Спілці, що турбується про нас,
Що не плазує, куплена панамми,
Не курить фіміам, не лле елей,
А у борні за Правду разом з нами
Стріча наш перший скромний ювілей!
То ж вище голови, спілчанці-побратими,
Хоч всіх нас посріблила сивина,
Та в серці й пам'яті палає неугасимо
Звитяги нашої та Звільнення Весна!
А, значить, ми, що пережили муки
Та біди у тяжкі роки війни,
Все зробимо, аби хоч наші внуки
Не знали горя того в наші дні.
За те, що ми існуємо в цьому світі,
Свій ювілей ще можемо відзначать,
Низький уклін і шани свіжі квіти
Всім, хто за нас віддав своє життя!

12.06.1998 р., м. Львів

Микола ПЕТРЕНКО

НЕ МАЄМО ПРАВА ЗАБУВАТИ

**КУДИ ВОНИ ВСІ, НАЙДОРОЖЧІ,
КУДИ ПОЗНИКАЛИ?..**

Куди вони всі, найдорожчі,
Куди позникали?
У зошит, у глянцеви́й зошит,
Лягають овали:
Це — лица.
Ні, в сотні раз більше:
Це — друзі юначі.
Ти віриш, ти й досі ще віриш,
Що знов їх побачиш.
Що кулі усіх поминали,
Що смерть їм лиш сниться...
Із пам'яті знову — овали,
Знекровлені лица.

Із пам'яті знову — бараки,
Повиті дротами.
І прізвищ немає — лиш знаки,
Кружки з номерами.
Та віра, яку не збороти,
Та гідність — понині!
Ти проліски сиплеш на зошит,
Всі білі та сині...

Цю фотографію, яку ви бачите в книзі, я взяв із особової справи поліцейського управління табору примусової праці Штокбах, одного з філіалів горезвісного Бухенвальда. Перед очима й досі той день — 12 квітня 1945 року, день нашого визволення американською бронечастиною, день нашого найбільшого свята, до того ж весняний, сонячний, квітучий день.

Напевно, кожна людина, багато чувши, багато роздумуючи про Господній рай, хоч якось намагалася уявити, а як же там, в тому раю? Так от: ті дні, дні нашого визволення із фашистського пекла, досі мені видаються саме райськими днями: якась неймовірна легкість у всьому юному тілі, душевна піднесеність, оточення лише з доброзичливців, таких же щасливих і піднесених вчорашніх невільників.

Промине кілька тижнів, промине місяць — і тобі стане якось млоснувати в тому неробському чужоземному раю: е що їсти, можна роздобути й випивку — пили ми тоді мало, та все ж... Чого ж тоді бракує? Відсипайся, від'їдайся, співай, жартуй, наговорюйся з друзями, блукай по табірних околицях, вирушай в місто, в недалекий Геттштедт...

Та все пекучіше ятрилася під серцем ностальгійна жага повернення на рідну землю — де, знали ми, руїни й нестатки, де недоїд і знову важка праця. Але ж — то рідна земля, там рідні батько й мати, якщо лишилися живими, братики й сестрички, сусіди, сельчани, шкільні друзі, тихоплинна Сула, козацькі могили в степу...

У перший день визволення я, член комітету самооборони табору, разом із кількома іншими в'язнями порпалися в па-

перах поліцейського управління. Ось наші картки з дактилоскопічними відбитками пальців, із виписками правопорушень, зауважень, попереджень, штрафів. Ось папки з доносами тайників — самих же в'язнів на в'язнів.

Ми відклеювали свої фотографії, обрізали нижні краї з номерами: навіщо нам те нагадування в подальшому вільному житті, а єдина табірна фотографія знадобиться, нагадає про ті жахливі роки...

Я знайшов свою — за номером 9264. Повирізав ще кілька фотографій: друзі з мого барака, з одного цеху. А ось цілий стосик карточок тих, кого в таборі вже не було. Це — велика група в'язнів, котрих напередодні визволення відібрали в окрему колону і невідомо куди депортували. Між ними кілька близьких мені людей...

Вони з'явилися в таборі чи не найпізніше серед українських невільників: група севастопольських школярів, котрі витримали більше як річну облогу славетного міста, зазнали лиха чи не найбільше з-поміж нас, але й навчилися триматися, боротися, не коритися також, беззаперечно, краще від нас.

Майже із кожним севастопольцем мене щось зв'язувало. Віха — це Віталій (севастопольці якось кумедно переіначували свої імена, за законами вулиці, чи що...) З ним мені якось випало у нічну зміну розвантажувати вагон мідного дроту. На наше щастя-нещастя, в кутку вагона виявилось чималенько залишків пшеничного зерна. Ми, четверо вантажників, напакували свої кишені, понасипали за пазухи. І гризли, гризли. Пшениця виявилася протравленою хімікатами для посіву, й ми потруїлися. Кілька днів не могли триматися на ногах, у нас повилазило волосся, щоправда, пізніше повідросло...

З Кузею, тобто, із Кузюткіним, ми вибиралися із заводу через паркан до картопляного поля. Він спіймався, але не виказав напарника... Номер 9003 (попередня четвірка — то індекс) — це Василь. Тяжко захворів на сухоти, уже перед самим визволенням. Розлучилися з ним уже після переїзду в радянську окупаційну зону у «фільтраційному» таборі під Торгау...

Павло Усик — він із знаком ОСТ, який мусили носити всі вивезені із окупованих областей колишнього Союзу. Він з іншого табору, з-під Карлсруе. Але ж мій однокласник.

Далі: Тоха (Антон Тухачевський) і Ваню — Іван Марченко, обидва севастопольці...

Кілька разів на запрошення німецьких антифашистів, телебачення округу Галле я відвідував ті місця, де в роки війни розташовувався особливий табір Штокбах при військовому металургійному концерні в Геттштедті. Єдиний з усіх в'язнів, хто приїздив туди, в колишнє пекло, був я. Адже я писав про табірне життя, про віру в перемогу й нескоримість; за моїми публікаціями німецькі журналісти розшукали «жінку у чорному», німецьку антифашистку Гедвіг Штраус, яка в роки війни втратила всіх своїх рідних і багато допомагала в'язням. Через неї головно мене й запросили приїхати, бо з моєю творчістю познайомилися пізніше. Разом із нею, з групою антифашистів та журналістів, ми й побували на місці табору Штокбах. Його вже не існувало. Лишився лишень поліцейський барак та ще камінь пам'ятний, та поряд план колишнього табору: пам'ять таки має бути збережена, попри все. Це для нас, львів'ян, як докір: адже ми досі не спроможемося поставити гідного пам'ятника на місці концтабору Янівський, де загинуло майже двісті тисяч громадян України та й інших країн. Не увіковічили пам'яті й ста сорока тисяч військовополонених, загиблих на місці Цитаделі...

В Штокбасі нас було не так уже й багато, до трьох тисяч. Більше юнаки й дівчата з України, трохи з Білорусії, з Ленінградської області. А ще: два польські бараки, один югославський, один для італійських військовополонених — після капітуляції. Недовго перебувала у таборі рота індійських мусульман, із англійської армії, велика група датських жандармів та тюремників — після висадки союзників у Нормандії. Тоді ж прибув ешелон гальбюден — напівевреїв, з Ельзасу...

Я знаю, що по опублікованій фотографії ще й понині можуть знайтися ті, хто міг би відгукнутися. Як трапилося з публікацією моєї поеми «Кленовий листок, маки і номер», присвяченої моїй сестрі Насті. При першому опублікуванні я

зазначив: «сестрі, яка загинула у фашистському концтаборі...» Коли ж за недовгий час отримав листа із полтавського села Юсківці від Надії Колодяжної: «Випадково дали мені прочитати книжку із вашою поемою. Але чому ви пишете, що сестра загинула? Ми з нею були в таборі разом, вона після визволення вийшла заміж за французького військовополоненого і кудись вони виїхали...» Ми зустрілися з Надією, з іншими сестриними спів'язнями. Разом розпочали пошук — і через сорок вісім років після розлуки таки зустрілися, вона приїхала до нас із далекої Австралії. Пояснювала: спершу на її листи не було відповіді. То й зрозуміло: тоді за владною настановою всіх одружених з іноземцями вважали ворогами народу, і вона боялася, що її силоміць змусять повернутися, відправлять в сибірське заслання...

Фотографії із поліцейського дос'є табору Штокбах. Одні із свідків давніх страшних років. Пам'ять про людей, більшість із яких пройшла аж надто тернистий життєвий шлях, навіть ті, що не загинули. І ми не маємо права їх забувати.

ПЕТРЕНКО Микола Євгенович. Народився 6 листопада 1925 р. в містечку Лохвиця на Полтавщині.

Ув'язнений: концтабори Сирець, Янівський, Бухенвальд — транзитом; табір Штокбах — два з половиною роки.

Член Спілки письменників України. Автор понад 40 книг: поезія, проза, вірші для дітей, п'єси, пісні, гумор і сатира. Основні теми — пам'ять про невилічні роки, про нескоримість і віру в перемогу, боротьба за мир, міжнародну солідарність колишніх в'язнів. Лауреат літературних премій імені Павла Тичини та Юрія Яновського. Нагороджений Почесною грамотою Президії Верховної Ради України, Великим золотим знаком Товариства німецько-радянської дружби та срібною медаллю Товариства німецьких антифашистів.

№ 9264

Про ту «червоношкіру паспортину»
Хіба що чув, читав хіба з книжок:
В шістнадцять років в кам'яній долині
Жандарм вручав на шворочці кружок:

— Ось номер твій!.. — на шию, як собаці.
— Ну, повтори, щоб завше пам'ятав!..
Стояла тиша мертва у бараці,
Лиш хтось в кутку знесилено стогнав.

— Ну!..
— Дев'ять, два і шістдесят чотири... —
Прошепотів я цифри без пуття.
Мені було шістнадцять. Як я виріс.
І як я гірко входив у життя...

РОЗЛУКА ІЗ СЕСТРОЮ

(ФРАГМЕНТ)

Вже третій місяць ми неначе й близько,
А стрінутись не можемо ніяк.
І ось, немов осінній лист — записка
З твого барака та у мій барак.

Зболілу тугу вісткою розраю,
Хоча на тім сіренькім папірці
Лиш кілька слів: що скучила до краю,
Що заблукалися радості гінці.

Та ти не гнешся. І щоб я не гнувся.
Щоб я тримався, як би не було!..
Кленовий лист на гілці стрепенувся,
Кленовий лист за вітром понесло...

* * *

Розділили: два різні конвої,
Дві колони, нарозхрист шляхи.
Сивий шал крутії снігової,
Мерехтіння сухої юги.

Два шляхи, дві дороги розбиті,
Дві колони — моя і твоя.
Очі вахмана з олова литі,
І нагайка в'юнका, мов змія.

Та однак ти підскочила:
— Брате!.. —
І в кулак мені — півсухаря...
Два шляхи, дві дороги заляті,
Спалах болю, мов скрик журавля.

І лице твоє, біле і строге,
Від нагайки кривавий рубець.
Два пекельні шляхи, дві дороги,
Далекий незнаний кінець...

* * *

Відлине все — і сум, і глум, і відчай,
Відлине все — лишиться номер твій.
Він житиме — його чекає вічність! —
Малий кружок на нитці суровій.

Що змиє час, що забуття залічить,
Що рознесе по світу вітровій.
Та час гряде — твій номер буде свідчить,
Супроти пекла свідчить, номер твій!..

МУЗИКА ДЛЯ КОБРИ

Стократно тіло розіп'яте
У цій катівні навісній...
Гер вахман «Місячну сонату»
Заграв на скрипці чарівній.
Його душа, як гаддя злісне,
За вахту насоталась вщерть.
Невже це їй у вечір пізній
Він грає про любов і смерть?
Невже це їй промінну краплю
Дарує небо з висоти?..
А скрипка грала: я потраплю
Іще шугнути за дроти.
І якось, вирвавшись за обрій,
В якійсь негаданій порі,
Побачу, як танцює кобра
Серед базару в Бухарі.
Під музику, як ця соната,
Зав'юниться гінкий екстаз —
І серце, всоте розіп'яте,
Затерпне ще єдиний раз.
Я придивитися захочу —
Крізь пам'ять, крізь далекий жах —
І вахмана гадючі очі
Побачу в кобриних очах.
О музики блакитні звуки,
Як хвилі доброї ріки!..
Гер вахман відмиває руки
І тулить скрипку до щок.

СПІВУЧІ КОНІ

*«Співучими кіньми» називали
есесівці в'язнів концтабору, коли
запрягали їх у вози, навантажені
каменем, і примушували співати...*

Ви чули, як співають коні?
Вас чарували ті пісні?..
Іскряться квіти на попоні —
В зеленім лузі навесні.

А кінь співа. І ходить колом,
Дзвінким копитом кресь та кресь!.. —
Нечуване мистецьке коло
Під перший весняний оркестр.

Ви чули, як співають коні,
Коли зриваються в галоп?
Коли в шаленому розгоні
Ворожа шабля креше лоб?..

Ви чули, як співають коні,
Батіг свистить, а кінь співа,
І ручаї течуть солоні,
І ходить колом голова.

А кінь співа...
Співучі душі
З болота рвуть камінний віз.
А слухачів огидні туші
Мчать з батогом напереріз.

В розпуці Шіллер рве балади,
Шматує партитуру Бах:
Там пада кінь!..
І другий пада!..
І блякнуть ноти на губах...

Та спів луна!
В страшнім розгоні
Він пролетить в нові світи.
Послухай, як співають коні —
Пісні проклять, зневаги, мсти!..

НЕСКОРЕНИЙ «КОБЗАР»

За всевладдям дротів
В душах пружиться певність грозово,
Не стихає невидима пря:
Позичає барак у барака
Немеркнуче слово,
Позичає собі «Кобзаря».

Ні, не книгу —
Всі книги згоріли давно
На кострищі,
На плацу перед строем, отам.
Та барак позичав того «Кобзаря»,
Що не знищить,
Що не вбити фашистським катам.

Позичає старенького в'язня.
Він хирий і хворий,
Той учитель сільський
З-під Черкас.
Та він знає, премудрий,
Напам'ять Шевченкові твори,
Знає всі —
І готує для нас.

Тож барак виділяє
Від кожної пайки частину,
Щоб на силі його підпасти,
Тож барак відриває
Від ночі безцінну годину,
До дверей
Виставляє пости.

Ну, тепер зачинай!
І у мороці лютої ночі
Кобзарева душа ожива,
І прив'ялі серця
Опромінюють думи пророчі,
Пропікають вогненні слова.

Ні, не знищити нас!
Не втоптати у порошок, не вбити!
В рабську ницість не вкинути, ні!
Будем мрію плекати
І душі для помсти сталити,
Будем волю шукать у вогні!

І оновиться світ!
І земля завіттує садами,
Запалає братерства зоря! —
Палахкочуть слова,
І з пільми виростає над нами
Нескорима душа Кобзаря.

За всевладдям дротів
Громохтить
Кобзарева година,
Непокірності нашої знак.
...А за тиждень
Збере Перебендя
Манатки в торбину —
Бо вже просять
У інший барак.

Трибунал

Ніч осіння, ніч чорна,
Місяць в хмари упав.
Серед ночі в уборній
Трибунал засідав.
Трое суддів суворих,
Непідкупних, прямих.
А четвертий — то ворог
Найпідліший для них.
Руки зв'язані в гада,
Квач у роті — мовчи!..
— За доноси!
— За зраду!
— За дешеві харчі!
— П'ять на совісті в тебе!
— П'ять найкращих із нас!..
— Ну, баритись не треба,
Теревенить не час!..
— Ач, наїв, підлий, ряжку,
Навіть дірка мала!.. —
Тіло плюхнулось важко,
Знову тиша і мла...
Ніч осіння, ніч чорна,
Де четвертий пропав?
Серед ночі в уборній
Трибунал засідав...

ПРОЛІСОК

Коли земля звільнялась від снігів
І теплий вітер рвав закриті двері,
Блакитний пролісок у нас розцвів,
Один-єдиний в кам'янім кар'єрі.

Було не раз: в спочинку куцу мить
Схилюсь над ним, схилюсь і ледь не плачу:
Мов бачу в ньому не живу блакить,
А наче все своє дитинство бачу.

Над ним зненацька поліцай застав.
О, він не вдарив, ні, й не намірявся:
Він просто пролісок той розтоплав
І розсміявся...

ВИЗВОЛЕННЯ

Я думав: я поет. І строф дзвінких немало,
щоб привітати волю, назбирав.
Та в ту хвилину десь усе пропало,
І я ні слова навіть не сказав.

Танк дріт зім'яв, неначе павутину.
Ворота розчинились без ключів.
Старий боець ступив назустріч:
— Сину!.. —
І я заплакав на його плечі.

А він дістав із ранця хліба лишки,
З машини супу в казанку приніс,
І все дививсь, щоб я поїв до кришки,
І все питав у мене, чи наївсь...

МУЗЕЙ ДИТЯЧОГО ВЗУТТЯ В ОСВЕНЦІМІ

«Безсмертні тільки діти і тварини...»
Тварини — так. І діти, певно, теж.
Всевадний досвід мимо, мимо лине
На крилах закривавлених пожеж.

І все ж лишає таємничу шпарку,
Заглянь, і будеш знати: так чи ні?
Веде жандарм на повідку вівчарку,
Бреде колона по сухій стерні.

О, тут замало істин і теорій:
— Дітей — праворуч!.. Так, сюди, сюди!..
Димить, димить над світом крематорій
Пашекою безжальної біди.

— Роззутися!.. — і знову оклик зичний. —
Роззутися і віднести на склад!..
Стають в ряди безсмертні черевички,
Сандалі, шуги — у безсмертний ряд.

Димить в зубах есесівських цигарка,
Димить труба — он там, за ворітьми.
Прощається з колоною вівчарка:
Безсмертна — із безсмертними дітьми.

ЖІНКА В ЧОРНОМУ

*Німецькій матері Гедвіг Штраус, м. Геттштедт,
де під час війни був концтабір Штокбах*

Пам'ять знову літа перегорне
І у табір закине мене —
Там появиться жінка у чорному,
Наче все покоління тужне.
Там ітиме суворою ранню,
Простягатиме руки сумні,
Подаватиме скибку останню
І проситиме:
— Дайте й мені!..
Дайте дружби, бо більше несила,
Не цурайтесь моєї мольби...
Я послала єдиного сина,
Щоб він різав, і вішав, і бив.
Щоб курилася тугою чорною
Позад нього планета стара...
Та вернувся мій син похоронкою
Із глибин голубого Дніпра.
Та вернувся пекельним прокляттям
Із майбутніх і давніх століть...
Нате хліба і солі вам нате,
Нате серце —
Та тільки простіть!..
Так ітиме від в'язня до в'язня,
Виливатиме тугу до дна,
І на вітрі сивітимуть пасма,
Доки геть посивіє вона.
Сиві коси під хусткою чорною
Пропливуть у німій далині...
Пам'ять знову літа перегорне,
Та простить — чи ж дозволить мені?..

ВІЧНЕ ПОВЕРНЕННЯ

На нас не присилали похоронних
Від крематорних топок писарі.
Тому ще й досі на усіх перонах
Чекають нас тужливі матері.

Усіх чекають — і Петра, і Ніну,
Стоять над залізницями і ждуть.
Йдуть ешелони з Кельна і Берліна,
З Дахау і Освенціма ідуть.

На цій землі нема такої сили,
Щоб наказала матері: не жди!..
Гніздяться птахи і бузку вродило,
Уже й плодами вкрилися сади.

І ми — усі! — вертаємось додому
Крізь перехрестя лютої доби:
Хто піснею, хто спогадом, хто громом,
Хто димом з крематорної труби.

СЕСТРА СПІВАЛА...

В Австралії, у мандрівничім тлумі,
За сто сім гін від рідного Дніпра,
Сестра співала Кобзареві думи,
Розлукою мордована сестра.

Лишився в серці, як ошматок плахти,
Отой мотив, самотній сірий грак... —
В Австралії, де пікелеві шахти,
Куди її завів гіркий контракт, —

Від таборів невільничих, від скрути,
З малесеньким дитятком в пелені...
Сестра співала — і було вам чути,
Кобзарю, чути вам було чи ні?

Сини зростуть — щоб якимось пригадати
У тих краях небачені дива:
Яку ж то думу їм співала мати?
Які ж були у думі тій слова?..

За сто сім гін від чебрецю і м'яти
Сестра мені писатиме колись:
Хотіла всі жалі переспівати —
Щоб за сто сьомим морем прижились...

МИ ДІТИ ТАБОРІВ І ГЕТТО

Шумлять вітри суворі понад нами
І скрізь по світу чуються слова:
Ми діти, що зростали за дротами,
Мов крізь асфальт пробилася трава.

Нас кожен день ятрив колюччям гострим,
Ми звідали знущання, голод, жах,
Під знаком номерів, зірок та «остів»,
Та все-таки — із вірою в очах!

Здавалось, жити не було спромоги
В кільці фашистських гетто, таборів,
Та ми жили, діждались перемоги,
І в світ пішли — а він не подобрів.

Бо те вождівське «вороги народу»
Затьмило шлях до сонця, весен, знань,
І важко нам було любити свободу
І зводитись до нових поривань.

Та ми несхитні: адже правда з нами,
І сонце більш не згубиться в імлі,
Ми діти, що зростали за дротами,
Бажаєм жити в мирі на землі.

Ми вірим у найвищі ідеали,
Що будуть квітнуть весни навкрути,
А ті борги, що нам заборгували,
Хай сплатять нам вчорашні вороги.

І хай повік лунають над світами
Слова любові, праведних ідей:
Ми діти, що зростали за дротами,
Щоб щастя й мир прийшли для всіх людей!

ПИСАРЕНКО
Лидия Тихоновна

КРЕМАТОРИЙ НЕ ГАС НИ ДНЕМ, НИ НОЧЬЮ

**Воспоминания о пребывании в концлагере Освенцим
(Аушвиц-Биркенау) с 4.02.1944 г. по 18.01.1945 г.**

1. Прибытие в Освенцим

Первое, что бросилось в глаза, когда поезд, в котором я ехала с другими арестованными, подошел к станции с немецким названием «Auschwitz», — это многочисленные колонны идущих девушек и женщин в полосатых одеждах, в платочках, повязанных на головах по одной форме — под подбородок. Шли они все, понурия головы, еле волоча ноги. Вокруг их рядов «по три», через одинаковые промежутки шли постовые немцы с оружием и собаками-овчарками. Лиц женщин рассмотреть было нельзя. Женщин вели на значительном расстоянии от поезда.

Тут раздался крик: «Выходи!» — и нас стали выгонять из вагонов. У дверей уже стояла охрана — вооруженные немцы

с собаками. Нам велели строиться по пять. Эсэсманы с собаками окружили нас. Я иду рядом с девушкой из Белоруссии, с другой стороны — молодая полька. Она понимает по-немецки, и эсэсовец, идущий рядом, говорит ей, что в Аушвице нас всех остригут, и что вообще в этом лагере остаются живыми очень немногие. Остальных отравляют газом и сжигают. Об этом я слыхала еще в тюрьме в городе Гёрлице.

Подходим к лагерю. На горизонте — горы. Лагерь тянется на километр или больше, обнесен колючей проволокой высотой приблизительно в 2,5 метра. Перед проволокой глубокий ров метра в 4 шириной.

В лагере грязь-месиво. Заключенные ходят почти босые по этой грязи. Платья — в полоску. Куда ни посмотришь — прямо рябит в глазах от этих полосок. Повели нас в один из барakov. Мужчин отделили еще на станции. Нас, человек 200 женщин, вводят в барак. Бараки из шелёвок, выкрашены в зеленый цвет. Внутри барakov — земляной пол, никаких печей, никаких скамеек. Стоим, жмемся друг к другу. Валя плачет. Приходят немцы военные (гражданских не видим уже давно, с тех пор, когда формировался транспорт, кажется, в Бреслау). У немцев списки, им помогают женщины в «полосатках». Вызывают по фамилии к столу, отбирают все драгоценные вещи (у кого есть): часы, кольца, браслеты. Потом велят завернуть рукава, и женщины в «полосатках» накалывают на левой руке номера специальными ручками. У меня № 75081, у Вали — № 75080. Все плачут, не столько от боли, сколько от мысли, что ты клеймённая, значит, нет больше надежды выйти на волю. Пронумеровав всех, велят запомнить номера. Отныне нет у тебя больше фамилии, есть *Heflflingsnummer*.

Ведут в баню. Здесь велят раздеваться догола, почти всех стригут. Пока до меня не дошла очередь, мы с Валею стоим в сторонке. Сейчас я лишусь своих длинных кос. К нам подходят девушки в полосатых платьях и пиджаках. Волосы у них короткие, как у мужчин. Девушки говорят по-польски, что, если у нас нет вшей, волосы нам оставят. В руках у одной девушки ножницы, у другой — машинка для стрижки волос.

Велят мне расплести косы. Посмотрев мою голову, меня толкают в другую комнату и говорят: имеешь счастье, что

останешься с волосами. Неделю назад пришел приказ от коменданта лагеря — чистые волосы оставлять, не стричь.

Идем в душевую. Вода — как лёд. Брызгают на нас каким-то раствором. В бане работают мужчины. Снова гонят в другую комнату. Все это сопровождается криком: «Schneller, Schneller!» — и пинками. В другой комнате (если так можно назвать длинный зал с цементным полом, с выбитыми стеклами, в которые сыпет снег) мы стоим в очереди, ожидая лагерное «обмундирование»: рубашка в полоску, такие же в полоску трусы, платье с рукавами в широкую полоску, такого же материала кофточка, которую здесь называют «Jake». Это жакет без подкладки.

Платье у меня дырявое и длинное. Но хорошо, что длинное, так как чулки дали тоже дырявые, шелковые. Ботинки на деревянной подошве. Я гляжу на Валю, она — на меня, и не узнаем друг друга. Холодно, платья из грубого материала колются, но ничуть не греют. На голову нам дают тоненькие газовые хусточки, велят завязывать под подбородок. Платья завязывать не разрешается — это лагерный закон. Чулки падают, завязки уже лопнули, а других не дают.

Каждому дают кусок ткани с красным треугольником и с таким же номером, как на руке, и велят пришить к жакету на левой стороне груди. У нас буква «R» — русские, у полек — «P». Это — «винкель».

Наконец-то, уже к вечеру, нас ведут в барак, где мы будем жить. У входа в барак очередь — это вернулись с работы заключенные женщины, а так как их человек 200, да нас столько же, а вход один, то стоим и мёрзим. Ноги одеревенели.

У всех заключенных сзади привязана миска. Как мы позже узнали, в неё на работе гефтлинки получают обед.

В бараке на стенах иней. Стены кирпичные, неоштукатуренные, пол земляной, поэтому и здесь месится грязь. Вдоль всех четырех стен устроены нары из досок — «кои», да так, что в них надо влезать, как влезает собака в будку. Нары в три этажа. Кто спит наверху — может разогнуть спину и сесть, первому и второму этажам сидеть можно только согнувшись.

Печки здесь нет. Барак никогда не топится.

Нам дают суп из какой-то прелой, сладковатой, но очень противной муки. Наливают его в ржавые консервные банки. Мисок нам ещё не выдали. Ложек вообще не дают. Пьем суп, как воду. Хлеба получаем 250 грамм — это суточный паёк. Но мы, проголодавшись (нас не кормили двое суток), проглатываем этот хлеб за раз. Дают «кою» (по-польски «лыжко») на 5 человек. Мы залезаем в неё (на 2-м этаже). Там один соломенный матрац и одно рваное, когда-то суконное, а теперь просто тряпка, одеяло. Ложимся все на один бок, плотно прижимаясь друг к другу, иначе нет места, да оно так и теплее. Спим в платьях, жакетами укрываем головы, ботинки ставим под голову, так как нас предупредили, что, если их украдут те, у которых свои уже порвались, других нам не дадут, и придется ходить на работу босиком. А на дворе февраль: снег, по утрам морозы. Перед сном все пятеро тихонько плачем. Завтра рано вставать на работу.

2. Первый рабочий день в Освенциме

Кажется, только закрыли глаза, а уже свисток — вставать. Ночная ваха бьет по ногам палкой. Подхватываемся, обувая ботинки («буты»), и мы уже готовы. Умываться негде и нечем. Приносят кофе («каву»). Это утренний завтрак. Хлеб мы свой съели вчера, так что полощем кишки кавой. Она, конечно, без сахара.

Свисток и крик: «На апель!» Выгоняют из барака (блока). На дворе еще совершенно темно, только освещены будки с постовыми у проволоки, да около каждого барака горит лампочка.

Холодно. Падает снег. Мы дрожим, стучим зубами. Ногами стучать не положено — «достанешь в пыск» (морду).

«Апель» — построение всех заключенных барака «по пять» и пересчет их. Стоим на апелье целый час, пока нас пересчитают военные женщины-немки. Стоять нужно, не шевелясь, опустив руки «по швам».

После апеля нас распределяют на работу. Старые (по времени пребывания в лагере) «гефтлиинги» куда-то уходят строем. Мы же (zugangí) идём возить *golwagen* — телегу с бочкой, в которую выбирают нечистоты из уборной. Впрягаемся в эту телегу — человек 20. Везти нужно за лагерь, километра два. Грязь такая по дороге, что бутылки то и дело остаются в грязи. Еле вытаскиваем их ценою больших усилий. Руки мерзнут, так как рукавиц не дали (не положено), а тянем телегу за железные прутья. В одном месте наша «рольвага» застряла в грязи. Здесь я впервые за свою жизнь получила палкой по спине. Многие девочки потеряли в грязи бутылки и идут по снежной грязи босиком. Я тихонько плачу от боли, от холода, от голода.

3. Болезнь

Дни проходили ужасно долго. Казалось, я была уже в лагере несколько лет, а прошло всего две недели. За день у меня так замерзали ноги, что к утру они не согревались. Однажды утром я проснулась, а ноги колеют, что хоть кричи. Попробовала слезть с «кои» на пол и упала. Ноги у меня распухли, бутылки не обуваются. Я уже не плачу, а приходится стонать сквозь стиснутые зубы. Нужно идти на «ревив» (бараки, где лежат больные). У ревива к утру лежат сотни трупов. Это умершие за ночь. Их увозят и сжигают в крематории, который не гаснет ни днем, ни ночью. Пламя из трубы вырывается на несколько метров в высоту. А трубы длинные, как на фабриках. В пасмурные дни дым стелется над лагерем, и запах палёных тел просто душит.

На ревив меня отвели под руки. Я попрощалась с Валею и Марусей (из Винницкой области), так как чувствовала, что больше их не увижу. Те польки, которые ехали с нами одним транспортом, уже попали на ревив, у них оказался тиф.

На ревиве температура у меня оказалась 38,9 градуса. Подозрение на тиф. Меня ведут в барак № 12, где лежат тифозные.

4. Ревир

В бараке № 12 мою полосатую одежду и буты забрали и унесли в мой барак, пусть другие одевают на работу. А мне велели замотаться в одеяло («коц» по-польски), дали шлепанцы (деревянные колодочки с наносничком из брезента), а потом и одеяло забрали, оставили голую.

Велели ложиться на «кою» с одной старой полькой, которая уже переболела тифом и «выздоровливала». Снова моё ложе на втором этаже. Полька лежит в рубаше, а я в чем мать родила. Холодно, а прижаться к ней нельзя — у неё на теле пролежни, и она все время стонет. С третьего этажа закричали русские девочки. У них у всех поносы («дурхваль») от лагерной пищи, вдобавок ко всему ужасная чесотка, до ран. Они сразу поняли, что я новенькая, так как тело у меня ещё чистое. А запах в бараке от поносов, как в уборной. Девочки сказали, что чесотки мне не миновать.

Утром мне принесли одеть блузку-распашенку. Я и ей рада — всё же теплее. Внизу под нами зашумели: это вытягивают за ноги труп югославки. Сверху умерли две русские девушки.

Моя полька дает мне кусочек лука, который является в лагере большой ценностью. Еще она мне советует, что, когда придет на обход врач, попросить её, чтобы меня перевели в другой блок, пока я не заразилась тифом. Я так и сделала. Врачом оказалась польская еврейка из заключенных. Она меня перевела в барак № 10 к выздоравливающим, так как температура у меня уже оказалась нормальной.

В 10-м бараке снова лежу голая, уже на третьем этаже, на койке с девушкой-полькой. В этом блоке со мной трое русских, остальные польки. Евреек на «ревил» совсем не принимают, они умирают прямо в рабочих бараках.

У меня температура 34,5 градуса. Хожу еле-еле, держась за койки. Ноги по ночам болят, хоть криком кричи. Тело уже

чешется, но сыпи еще нет. Вши ползают по одеялу, по телу, в голове у меня их полно — теперь уж у меня остригут косы.

Под нами лежит красивая молодая полька, у нее последняя стадия туберкулеза. Она знает, что скоро умрет.

10-й барак достопримечателен тем, что посередине его стоит сложенная из красного кирпича печка. На этой печке садятся те, кому делают перевязки, на этой же печи беременные женщины рожают. Ведь в лагерь берут несмотря ни на что. При мне рожали две польки. Одна родила мертвого ребенка, другая благополучно. Ребенку (мальчику) на другой день его жизни на бедре накололи номер по порядку мужского лагеря.

Принесли в барак русскую женщину, которая ехала со мной одним транспортом. Ее арестовали вместе с мужем, но его куда-то отправили, а она была беременна, родила мертвого ребенка и «сошла с ума». Она все кричала, чтобы ей отдали ребенка. Потом ее унесли. Больше она не вернулась.

В 10-м бараке я пролежала 10 дней. В последний день моего пребывания все больные, хоть ползком, но обязательно должны были пройти перед военным врачом. Это называлось селекцией. Он отправлял одних в одну сторону — на выписку, других — в другую, в крематорий. Я попала на выписку. Наутро меня одели и перевели в 26-й блок. Там я была до перевода в рабочий лагерь.

Олег ВАСЮКОВ

ДЗВОНИ ПАМ'ЯТІ Й ПЕРЕСТОРОГИ
(триптих)

З циклу віршів «Холокост — трагедія ХХ століття»

Пам'яті жертв нацизму присвячується

БУЛИ І В ЖЕРТВ НАЦИЗМУ РІЗНІ ДОЛІ

*«Кожному своє» — слова з Дантового
«Пекла», уніфічно використані гітлерівськими
людоджефами як напис на брамі одного з най-
більш страхотливих фашистських концтаборів
смерті під час Другої світової війни*

Толстой сказав: щасливі всі подібні,
В нещасті ж нещасливі всі по-різному...
Але найтяжча доля у війні тій
Була в мільйонів в'язнів — жертв фашизму.

Усі, хто був в нацистських таборах,
Пройшов всі кола Дантового пекла,
Той знає, що таке пекельний страх,
Страшніший навіть од самої смерті.
Але і там, де над усім був жах,
Для кожного була тортур градація:
Одних там спалювали у печах,
А інших змушували підкидати дрівцята.
Про це кричать і досі в снах страшних
Оті невільники, що їх садист з гестапо
Навчав, як підкладать поліна й хмиз
У піч, де в'язня того спалювали брата.
А ще нагадував фашист, що напис є
Для табірників: «Кожному своє!»
Тому виконуй, що тобі наказано,
Якщо у камеру піти не хочеш газову...
Були такі, що йшли —

в печах згорали.

Були й такі,
що дрова підкидали,
А по війні за той «Arbeit» паскудний
Спокутували в магаданських рудниках
Й себе кляли, що вслід за дровами
Не кинулись у піч ту сторчголово.
Тоді б ім'я їх між імен загиблих
На плитах Пам'яті в музеях було видно
І не душив би в снах той дим їдкий,
Що йшов од обгорілих тіл людських.

НЕ ЗАБУДЕМО, НЕ ПРОСТИМО!

*«Не забудемо, не простимо!» – священ-
на клятва часів Великої Вітчизняної війни
нашого народу проти німецько-фашистських
загарбників та їх посібників з числа місце-
вих зрадників й запроданців*

Толстой сказав: щасливі всі подібні,
В нещасті ж нещасливі всі по-різному...
Найбільш трагічна доля у війні тій
Спіткала малолітніх жертв фашизму.
Це їх – беззахисних – вбивали і душили
Есесівці й місцеві поліцаї,
А по війні отих, що уцілили,
«На відбудови» першими кидали,
Не забуваючи при цьому дорікати,
Що «в'язнів не шанує відділ кадрів».
А «п'ята» як була графа в анкеті
«Непрохідна» в кого з абітурієнтів,
То хоч Ейнштейн, Ландау він чи Гілельс,
Про факультет престижний хай не мріє.

Отож нещасним вже і по війні
Прийшлося сьорбнути горя без вини.
Здавалося б, під старість стане краще,
Скінчатся злидні, біди і страждання,
Та щось не поспішає доля наша
Всміхнутись нам хоча б у дні останні.

А ще най знає світ, що не подачок
Зі столу ситих треба нам, як старцям,
А справжніх і негайних КОМПЕНСАЦІЙ
За наші всі страждання і нещастя!
Бо смерть ніяк й нікого не чекає –
Колишні в'язні швидко вимирають!

Як в дні борін з фашистським душогубом,
Коли вирішувалося: «ХТО КОГО»,
Устаньмо й присягнемо: «НЕ ЗАБУДЕМО!»,
«НЕ СКОРИМОСЯ!» і «НЕ ПРОСТИМО!»

ДЗВОНІ ПАМ'ЯТІ Й ПЕРЕСТОРОГИ

За офіційними даними світових наукових центрів, а також за матеріалами Нюрнберзького міжнародного судового процесу над головними німецько-фашистськими військовими злочинцями з 9-ти мільйонів довоєнного єврейського населення Європи під час Другої світової війни нацистами було знищено понад 6 мільйонів євреїв, тобто більше двох третин усього європейського єврейства

Толстой сказав: щасливці всі подібні,
В нещасті ж нещасливі всі по-різному...
Та найстрашніша доля у війні тій
Була у жертв невинних геноциду.
Допоки не написано історію —
Правдиву до кінця! — про КАТАСТРОФУ,
Про злочини нацизму, крематорії,
Не буде в світі злагоди і спокою!
Відомі злочини фашистів, а проте
Слід нагадати найбільший злочин «рейху»:
Євреїв убивали лиш за те,
Що народилися вони євреями.
І злочин цей ні з чим не порівнять,
Не описати у скорботних строфах:
До пильності світ будуть закликать

Ще сотні років жертви КАТАСТРОФИ!
Хоч в таборах чекав щомиті всіх
Смертельний удар фашистських людоджерів,
Та всяк плекав малий хоч шанс в душі
На порятунок... Тільки не євреї.
Єврея знищував кривавий кат-нацист
За те лиш, що євреєм він вродивсь.
Євреїв жертви, втрати і страждання
Не йдуть ні з чим ні в які порівняння,
Хоч дехто б і хотів їх «урівняти»,
Щоб геноцид од людства приховати,
А там, дивись, і обіліть нацистів:
Мовляв, не геноцид — «війни статистика».
То ж за мільйони жертв, дитячі сльози,
За море крові, душі спопелілі
Не відкупитись грошовитим бонзам
Подачками ні з Берну, ні з Берліну —
І то лишень глибоким старикам,
Що вже й не ходять власними ногами...
А що робить, кому вісімдесят
Не виповнилось?

У нужді сконати?!

Можливо, це у плани тих і входить,
Хто виплатами жертвам верховодить,
І в плани тих, що це у їх підвалах
«Нацистське золото» у сейфах зберігалось,
Зростаючи щоднини, мов гриби.
На крові переплавлених зубів
Мільйонів жертв фашистського терору,
Що Гітлер запровадив над народом,
Приреченим з-поміж племен і націй
На ГЕНОЦИД — на повну ліквідацію...
То ж в ДЗВОНИ ПАМ'ЯТІ Й ПЕРЕСТОРОГИ
Ударимо, аби людей збудити
Й неофашизму перетнуть дорогу,
Щоб мук і горя не зазнали діти

І внуки тих, що у концтаборах
Фашистських вже пройшли пекельний шлях!
Про це нагадують, б'ючи в серця і нині
Тривожні дзвони Бухенвальду і Хатині,
Про це волають душі, що витають
Над Дробицьким і Бабиним Ярами,
Над Янівським цвинтарем, над печами
«Майданеків», «Освенцімів», «Дахау»...

Нацистів злочини ні з чим не порівнять,
Не описати у скорботних строфах,
До пильності світ будуть закликать
Ще сотні років жертви КАТАСТРОФИ!

Микола ПЕТРЕНКО

ЯКІВ ШУДРІХ — НЕСКОРЕНИЙ СПІВЕЦЬ ЛЬВІВСЬКОГО ГЕТТО

Про Якова Шудріха понині розповідають легенди. Виходець з убогої єврейської родини, він у передвоєнне лихоліття марно намагався реалізувати свої поетичні здібності на літературному поприщі. Попри все, друкуватися йому таланило мало. А писав він цікаво, теми піднімав гострі й болючі — із життя трудових низів, моральності й історії. Є в його доробку й поема про ватажка гуцульських опришків Олексу Довбуша. Друкувався і в українській пресі — завдячуючи своїм однодумцям Василю Бобинському, Петрові Козланюку.

За свою правдолюбну вдачу двічі потрапляв до польських в'язниць — це також знаходило свій відгук у творах поета.

З початком війни, з часу окупації Львова німецькими загарбниками Яків Шудріх потрапляє до львівського гетто, а відтак і до Янівського концтабору. З тих часів дійшли до нас уривки кількох його пристрасних антифашистських віршів із закликом до боротьби, до непокори. Він і загинув із зброєю в руках, готуючися до втечі з табору. В цій книзі подається кілька фрагментів із табірних віршів Якова Шудріха, переклади яких на українську мову я, також колишній в'язень Янівського концтабору, зробив для того, щоб зберегти пам'ять про цього поета-мученика та поширити в суспільстві кращі зразки його антифашистської творчості.

Яків ШУДРІХ

**ЧЕСНИМ ГНІВОМ
НАСНАЖЕНА ПІСНЯ...**

ПІСНЯ МОЯ

(фрагмент із пісні Львівського гетто)

Чесним гнівом наснажена,
Наче я сам,
Трубадур від робітні.
Близько той день,
Коли клас мій зневажений
Виросте в праці,
У силі розквітне.
Ворог прийшов,
Щоб трощити і нищити —
Чорної цілі
Сягнути не зможе він:
Пісне моя,
Тобі в гідності вищати,
Знати, що в битві
Лиш ми переможемо!..

ФРАГМЕНТ ІЗ ВІРША,

писаного 22 червня 1942 року в лісі під Львовом

Я всміхаюсь —
А серце навпіл
Розриває заряд нелюбові, —
За страждання
Уярмлених сіл,
За потоки
Невинної крові.

За зневажену
Гідність рідні,
Смерть сестри
Під нагайкою ката.
Лютий кате,
У чорнім вогні —
Щезни!
Згинь!
Будь навіки проклятим!..

РУКИ (фрагмент із вірша)

Бачу ті руки,
Що держать жорсткі батоги,
Що вибивають із нас
Гідність одвічну.
Що волю
Батожать і в'яжуть.
Всохнуть ті руки!
Зникнете й ви, вороги, —
Інші вас прийдуть карати —
За зненависть нашу.
Бачу я обриси
Інших піднесених рук —
Множаться в силі вони,
Тужавіють:
Все ближче та ближче!
Час наступає —
Відплата за біль
Наших мук:
Руки ті
Нелюдів клятих
Доценту понищать!

*Львівське гетто — концтабір Янівський,
зима 1942 — 1943 років*

ПОДОЛЬСКИЙ
Семен Рафуилович

ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

Детская память очень цепкая и долго сохраняет фрагменты жизни, взволновавшие когда-то.

Война началась, когда мне еще не исполнилось и пяти лет, но первый ее фрагмент — сборы отца на фронт, его проводы на вокзал (он был добровольцем), помню, как будто это было вчера. Запомнил отца стоящим на подножке вагона, который увозил его в неизвестность.

Горе, которое пришло к нам, я тогда, мальчишка, не совсем осознавал, и слово «война» мне ничего не говорило о той беде, которую нам придется пережить. Сборы в эвакуацию, движение по пыльной бесконечной дороге на подводе подальше от разрывов бомб и снарядов (а они становились отчетливее и опаснее) казались мне всего лишь неожиданной прогулкой. Когда нас окружили немцы с засученными рукавами и автоматами наперевес, запретили двигаться дальше и потребовали возвращаться, я впервые столкнулся с насилием и понял, что это не прогулка. А потом начался настоящий ужас:

насильственне возвращение домой в город Бершадь, обязательность проживания евреев на определенных улицах, изоляция от украинцев и жителей всех иных национальностей, начало истинного геноцида, развязанного фашистским режимом. Нас ждала участь миллионов евреев — беспощадное уничтожение.

Гетто в Бершади было организовано в августе — сентябре 1941 года. Оно ничем не отличалось от подобных мест, создаваемых немецкими властями на оккупированной территории. Колючая проволока, жизнь в невыносимых условиях без права покидать огороженную территорию, постоянный страх за жизнь свою и близких, ощущение холода и голода.

Дом, в котором мы находились с матерью и сестрой (а он состоял из одной комнаты, коридора, одновременно служившего кухней, и чердака), превратился в место, где проживало несколько семей. К этому времени начали сгонять в Бершадское гетто евреев из Молдавии и Буковины.

Очень хорошо помню, как у нас в доме по ночам появлялись люди и подолгу о чем-то говорили. Детским нутром я понимал, что это хорошие люди, друзья моей матери — ведь она с ними! Я, конечно, ничего не понимал из того, о чем они говорили, но ощущалось, что это люди сильные, не очень боятся существующего режима, что они хотят улучшить жизнь в гетто и ускорить день освобождения.

Гетто было расположено так, что наш дом находился как раз в центре, где всегда собирались люди для решения проблем, связанных с режимом немецко-румынской администрации: зачитка указов, отправка на работы, проведение карательных акций, а также обменно-рыночный пункт в поисках самого главного — пищи. Если удавалось, то и общение с внешним миром, с жителями самой Бершади и окрестных сел, с украинцами, которые готовы были прийти на помощь, если у них что-нибудь еще оставалось. Выход за границы гетто карался самым суровым образом. Но мальчишки, такие как я, лазили всюду и оказывали посильную помощь взрослым.

Помню, когда делали облавы (а начиналось это внезапно, со стрельбой и паникой), я всегда забирался на чердак и оттуда наблюдал за всем происходящим.

Еще один памятный фрагмент — убежище около нашего дома, у соседей. В сарае была сделана будка, которая выглядела, как туалет. Через яму был устроен лаз под хату, где помещалось много людей, прятавшихся от немцев. Мы часто там отсиживались, но мне было страшно в крошечной тьме и только присутствие матери успокаивало.

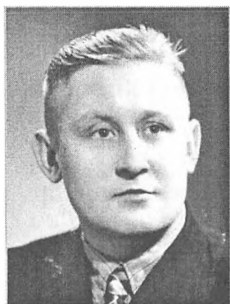
Врезался в память и случай, когда над Бершадью появились самолеты. Все почему-то разбежались с площади, а я прижался к какому-то дому и долго следил за самолетами. Какая же была радость, когда на крыльях самолета увидел красные звезды. Как я потом узнал, это уже начиналось освобождение нашего региона Украины от фашистских захватчиков. Чаше стали облавы, особенно по ночам, стало больше слышно стрельбы, чаще мы прятались в убежище.

Самый страшный фрагмент памяти: у мамы разболелись зубы, и мы не спустились в убежище, а ночью (это было в начале марта 1944 года) немцы ворвались к нам в дом и маму, как члена подпольной группы, по доносу предателя забрали. Мы с сестрой забились в угол, в тряпье. Мама украдкой на нас посмотрела, и больше живой мы ее не видели. Расстреляли ее за неделю до освобождения Бершади партизанами и советскими войсками. Нам показали место расстрела, помогли откопать расстрелянных. Мы отыскивали мать только по платку, обвязывавшему зубы, так как над телом палачи поиздевались, что без содрогания и ужаса смотреть нельзя было на это.

Отец погиб 9 ноября 1942 года под Сталинградом. Жизнь после освобождения двух бывших несовершеннолетних узников гетто (сестре было 13 лет, мне было 8 лет) была полна не менее грустными, печальными, иногда, радостными событиями, но об этом — отдельные воспоминания.

Поколение, в чьи руки попадет эта книга воспоминаний, должно знать и помнить насколько страшно слово «война», насколько страшен и губителен фашизм, который и сейчас начал поднимать голову.

Ради тех, кого нет среди нас, ради тех, кто еще жив, сделайте все, чтобы это никогда не повторилось.

ТРУСОВ
Евгений Антонович

ВЕСЬ ПУТЬ В ГЕРМАНИЮ БЫЛ ДОРОГОЙ СМЕРТИ

В ноябре 1943 г. немецко-фашистские войска выгнали население многих деревень Идрицкого района Псковской области и увезли в Германию.

Зачем понадобилось по лесам и болотам отыскивать спрятавшихся людей — и малых, и старых — и увозить в Германию?

До 1943 г. немцы увозили в Германию только молодежь, а в конце 1943 г. — всех, кого могли схватить.

Загадка эта прояснилась после того, когда через много десятилетий после войны я прочитал книгу Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова «Воспоминания и размышления».

В своей книге Г. К. Жуков написал, что германский генеральный штаб запланировал создать линию обороны, которая проходила бы и через наши места. Этот оборонительный рубеж был назван «Восточный вал».

На месте этой оборонной линии немцы старались не оставить никого живого. Население половины Идрицкого района загнали за колючую проволоку в Идрице на месте бывшего «военного городка». И когда в Идрицу были согнаны несколько тысяч людей, сюда немцы пригнали эшелон порожних то-

варных вагонов. Людей загнали в вагоны, и эшелон отправили на запад. Весь путь в Германию был дорогой смерти.

7 ноября 1943 г. мы были еще в Идрице, а 21 ноября эшелон прибыл в Германию, к городу Мюнхену.

На всем этом пути туалетную нужду люди справляли в щель между дверьми и полом вагона.

Эшелон был остановлен в поле. Живые люди выползли из вагонов, а мертвых — человек 50 — вынесли из вагонов. Длинную колонну людей пригнали к огромному концлагерю за колючей проволокой. Над высокими воротами крупными буквами на немецком языке была надпись, которая в переводе на русский язык означала следующее: «Каждому свое». А позже я слышал, что взрослые называли этот лагерь «Дахау».

Освободили нас весной 1945 года.

КРАТАСЮК

Галина Филимонівна

КЛИКАЛИ НАС ТІЛЬКИ ПО НОМЕРАХ

Я, Кратасюк (дівоче — Максимчук) Галина Филимонівна, народилася 8 листопада 1927 р. в селі Волиці Польовій Теофіпільського району Хмельницької області (до 1939 р. тут був кордон СРСР з Польщею). Через п'ять днів після початку війни ми були евакуйовані. Дорога була страшною, напруженою — танки, машини, солдати-піхотинці, вівці, свині, корови — все гналося на схід. Розбомбили нашу машину, і ми на підводі добралися до Дніпра. Всього того страхіття, що я побачила і пережила в свої неповних 14 років, не опишеш... Ми потрапили на самий справжній фронт: навкрути стріляли, рвалися снаряди, — не знаю, як я лишилась живою. Мама була поранена. Нам дала притулок одна бідна жінка. Лікарів в

селі не було, тому маму лікував ветеринар. Коли мамі стало краще, ми пішки повернулися до бабусі (маминої мами) в місто Умань.

13 лютого 1942 року була облава на базарі. І я попала, як і багато мені подібних, під облаву. В товарному вагоні нас всіх повезли в Німеччину. Везли нас довго. Куди везли — ми не знали. Старші дівчата намагалися втекти, але їх ловили і тут же розстрілювали. Ми, малолітки, сиділи перелякані і чекали своєї долі. Після санобробки нас всіх підстригли наголо — у всіх були воші і гниди. Ще мокрих вигнали на двір, і вгодовані німкені у хуторах вибирали здорових високих дівчат. Нас, малоліток, ніхто не вибрав. Нас останніх забрав поліцай в місто Фрайляссінг, це 5 кілометрів від австрійського кордону. Була я там до 3 травня 1945 року. Працювали по 12 годин на добу на деревообробному комбінаті. Фабрикант — Франц Йосиф. І в неділю працювали, не відпочиваючи. Виганяли нас грузити чи вигружати вагони в любую погоду. Мокру одягу не було де посушити. На весь барак була тирсова пічка. Вранці одягали на себе ще мокрий спецодяг та йшли працювати знов. Годували нас, як і військовополонених: баланда з брукви і 200 грам хліба. У мене був номер 360. Я забула своє прізвище — кликали нас поліцаї тільки по номерах. До цього часу в голові цей номер «драй гундер зехціх», закарбувався на все життя. Хазяїн цього заводу мав ще три заводи в місті Мюнхені. Він був дуже жорстокий, бив за любую провину. Біля бараків був карцер. Садити туди на кілька днів і утримували на самій воді.

Наші дівчатка вмирали від голоду і хвороб. Найчастіше — від запалення легенів та туберкульозу. Я теж дуже тяжко хворіла, а, повернувшись на Батьківщину, довго лікувалась і була на обліку в тубдиспансері.

Нас визволили 3 травня 1945 року американські війська. При перестрілці я була поранена в обидві ноги. Є шрами на обох ногах, але документів про поранення не маю ніяких. Лежала в польовому американському госпіталі.

Повернулась на Батьківщину 5 вересня 1945 року.

Зараз я — хвора жінка: болять ноги, всі суглоби.

ДИБМАН Лев Иосифович

Я СТАЛ ИНВАЛИДОМ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Я, Дибман Лев Иосифович, родился 15 октября 1933 года в городе Могилев-Подольском Винницкой области.

Когда началась война, мы жили в собственном доме по улице Кузнечной, 16 в городе Могилев-Подольском. Наша семья состояла из 6 человек: отец, мать, две сестры, брат и я.

В конце августа 1941 г. наша семья была отправлена в гетто. В апреле 1942 г. нас угнали в концлагерь села Печера Шпиковского района Винницкой области. Не буду описывать, какие лишения и невзгоды мы испытывали, находясь в лагере, но скажу лишь одно: мы поняли, что, если не убежим, то погибнем все. Готовились долго и тщательно. Всем этим занималась наша мать, потому что отца тогда с нами уже не было. Немцы вывезли его из лагеря на работу, и после этого мы отца уже не видели. Когда подготовка была окончена, мы в январе 1943 г. совершили побег.

На рассвете одного морозного январского дня 1943 г. мы добрались до г. Могилев-Подольского и очутились снова в гетто. Эта зима была самая страшная для нас. От голода, холода и болезней умер мой младший брат Самуил, позже мы узнали, что нашего отца Дибмана Иосифа Абрамовича расстреляли немцы под Винницей в 1943 г.

А со мной случилась беда, с которой живу до сих пор. Во время побега из лагеря я провалился в ледяную воду реки Южный Буг и обморозил ноги. Началась гангрена. Вскоре пальцы обеих ног отпали и я стал инвалидом на всю жизнь. Летом 1943 г. оккупанты маму и сестер угнали в Одесскую область на работу. Меня не тронули, как малолетнего и нетрудоспособного. Потом меня поместили в детский дом, который находился на территории гетто и был в подчинении

еврейської общини. В дитячому домі знаходився до 19 березня 1944 г., то єсть до самого дня звільнення.

Летом 1944 г. вернулись из Одесской области мои мама и сестры, чудом уцелевшие.

Мать умерла в 1986 г. и похоронена на городском кладбище г. Могилев-Подольского.

Старшая сестра Несу уехала в Израиль, младшая сестра Циля живет в Латвии.

А сам я живу во Львовской области, в городе Стрый на улице Народной, дом № 6, кв. 4. Не работаю, пенсионер, являюсь инвалидом детства II группы и приравниваюсь к инвалидам войны как бывший несовершеннолетний узник концлагерей и гетто.

КАРПЕНКО
Іван Федорович

Я БУВ У ДИСТРОФІЧНОМУ СТАНІ

Я, Карпенко Іван Федорович, народився 6 серпня 1925 р. в селі Потіївка Білоцерківського району Київської області.

В 1942 р. я був примусово відправлений на роботи до Німеччини. Першим моїм місцем роботи був цивільний табір у місті Шонберг, де я працював на залізниці на ділянці Шонберг — Любек. Умови праці були дуже тяжкими, постійно міняли вручну важкі рейки і шпали. Працював з липня місяця до листопада 1942 р. У листопаді 1942 р. я був заарештований за непокірність до майстра дороги (я був дуже виснажений і не міг виконувати дуже важку роботу), за що і був відправлений у Шонберзьку тюрму, звідки був перевезений у Гамбурзьку тюрму, де і пробув до січня 1943 р.

В перших числах січня був перевезений до концентраційного табору Нойгамен, де і був під номером 16092. Незабаром був відправлений у філіал Нойгамена в концтабір Вітенберг на будівництво хімічного заводу. Умови праці, відношення до нас з боку СС, коменданта і капо були нелюдськими. На тому будівництві я пропрацював два роки.

На початку 1945 р. табір був евакуйований в Нойгамен, звідки з табору було відправлено 350 чоловік в концтабір Ганновер, серед них був і я. В тому таборі знаходилося до 2 тисяч євреїв. Працювали під землею, підривали і вивозили породу на поверхню. Умови були каторжними, дуже багато не витримували і вмирали просто на місцях.

В кінці березня 1945 р. нас вигнали з табору і до нас приєдналися інші в'язні, які працювали на гумовій фабриці. Гнали нас три дні, не давали ні води, ні їжі, поки ми не прийшли в концтабір Берген-Бельзен. По дорозі фашисти вбивали людей, які вибились з сил, і команда, яка йшла слідом з лопатами, зразу їх закопувала в землю. В таборі два тижні не давали хліба, була тільки баланда 250 грам на в'язня. Територія табору була вся в людських трупах, крематорій не встигав спалювати їх. В'язнів, які могли ще пересуватися, заставляли тягнути і скидати трупи в траншеї.

Серед в'язнів були люди всіх національностей, навіть німці.

15 квітня 1945 р. в табір ввійшли англійські солдати. Так як я був в дистрофічному стані, ще й хворий на тиф, англійці підібрали і відправили мене в госпіталь Червоного Хреста. Там я знаходився до вересня. Восени 1945 р. я був відправле-

ний у Радянську окупаційну зону Німеччини в госпіталь, в Мальхен. З Мальхена приїхав в Україну. Після тих всіх митарств, які випали на мою долю, я дуже хворію на серце і хронічно на легені.

ВОНСИК (ГУРО)
Алла Алексеевна

ДЕТСКАЯ ПАМЯТЬ СПОСОБНА ДОЛГО ПОМНИТЬ

Я 1935 года рождения, уроженка Беларуси.

Давно оттремели залпы салюта Победы, но в памяти народа навсегда останутся ужасы пережитой войны. А детская память способна долго помнить. Порой мне кажется, что прочла какую-то страшную сказку. Но это было со мной, с нами. И это не сказка — это был. Хотя теперь в это трудно поверить.

На каждые 10 сантиметров — 8 колючек. Такой проволокой были опутаны десятки концлагерей, созданных фашистами на территории Беларуси. Особенно трагична история концлагеря Озаричи (Калинковичский район, Гомельская область), где нацисты применяли бактериологическое оружие — сыпной тиф. Лагерь располагался в редком сосновом лесу вблизи от болота. Никаких построек, только холодное хмурое небо над головой. Люди тысячами умирали от голода и холода. Мертвые лежали кругом. Никогда не забуду, как мы ходили и спали на мертвых. Как однажды умирающая старуха, в предсмертных судорогах, вцепилась сестре за ноги. У сестры до сих пор остался страх от этих леденящих пальцев. Навсегда остался в памяти лай овчарок, я до сих пор ненавижу эту породу собак.

Немногим посчастливилось выжить в этом лагере смерти. Остался в памяти тот день, когда утром, на рассвете, мы не слышали лая собак и грозных криков немцев — они ночью заминировали весь лагерь возле проволоки и оставили нас. Люди утром, не зная этого, бросились к проволоке и навсегда остались там, подорвавшись на минах. А уже к обеду в лагерь пришло несколько наших бойцов. Сколько было радости и слез! Они просили нас пока не выходить из лагеря, так как дорога была заминирована. Но люди все же гуськом по тропинке, по которой отходили последние немецкие минёры, стали выбираться из лагеря. Одна неосторожность — и люди подрывались на минах, а ведь нам думалось, что уже наступил конец страданиям. После освобождения мы еще проходили карантин, так как свирепствовал тиф. Сколько было потом радости, когда мы вернулись домой, в освобожденный город Жлобин Гомельской области! Нельзя было поверить, что после такого ада мы остались живы. И жили мы еще 2 года в землянке, но были счастливы.

ЗУКИНА Софья Григорьевна

Я УПАЛА В ЯМУ С УБИТЫМИ

Я родилась 27 февраля 1927 г. в городе Немирове Винницкой области.

В 1941 году началась война. В июле месяце немецкие войска оккупировали г. Немиров, где жила наша семья. В январе 1942 г. началось массовое уничтожение еврейского населения. Всех евреев немцы сгоняли в гетто, где шла своего рода сортировка. Отсортированных людей загнали в синагогу, а затем вывозили за город и возле приготовленных ям расстреливали.

Я упала в яму с убитыми. Ночью очнулась, с трудом вылезла и не могла понять где нахожусь. Я пошла по дороге, встретила женщину. Увидев меня, всю в крови, она посоветовала мне обратиться в только что организованный лагерь для физически здоровых людей, которых использовали на работах. Меня взяли в этот лагерь. В 1942 г., в октябре месяце, меня перевели в Брацлавский концлагерь на Винничине. Это был пересыльный лагерь, куда привозили отовсюду людей. Те, кто там находился, летом и зимой работали на дорогах, по которым шла немецкая техника, поддерживая их в рабочем состоянии. Люди гибли от голода и переохлаждения. Многих узников лагеря вывозили на расстрел.

31 декабря 1943 г. меня перевели в лагерь смертников «Мертвая петля» в село Печера Шпиковского района Винницкой области. Условия существования в этом лагере были ужасные, направленные на массовое уничтожение людей. Для того чтобы выжить, приходилось ставить силки на крыс. Во время грозы в барак попала молния, и начался пожар. Тушили его голыми руками, так как знали, что зимой пришлось бы жить под открытым небом.

В 1944 г., в марте, нас освободили советские воины. Очень многие не дождались этого дня.

МЯСКОВСКАЯ
Полина Рувиновна

**МЫ БЛАГОДАРНЫ ТЕМ УКРАИНЦАМ,
КОТОРЫЕ ПОМОГАЛИ НАМ**

Я, Мясковская Полина Рувиновна, родилась 16 марта 1930 года в селе Дзыговка Ямпольского района Винницкой области.

С самого начала и до окончания Великой Отечественной войны я жила с родителями в селе Дзыговка и находилась в гетто. Однажды немцы выгнали нас на площадь. Они вызвали украинцев и спрашивали их: «Убивать евреев или нет?» Украинцы говорили: «Не нужно их убивать, потому что они плохого ничего не делали». Только один негодяй выкрикнул тогда, что евреев надо уничтожать, что «они нам не нужны». Когда нас освободили, то этот тип скончался на площади от страха.

Мы же благодарны тем украинцам, которые в трудные моменты помогали нам, как могли, и поддерживали нас.

ДУБНО

Ванда Станиславовна

ФАШИСТЫ ГНАЛИ НАС, КАК ЖИВОЙ ЩИТ, ВПЕРЕДИ СЕБЯ

Я, Дубно Ванда Станиславовна, родилась в Белоруссии, в деревне Лапино Витебского района Витебской области 17 июня 1938 г. В настоящее время проживаю в Украине, в г. Львове. Пенсионерка, работаю на заводе ЛЗТА диспетчером.

Я с болью вспоминаю о тех злодеяниях, которые детские израненные души перенесли, томясь в фашистских лагерях.

В первых числах марта 1944 г. фашисты сожгли нашу деревню, а всех жителей, в том числе и нашу семью (маму, бабушку и трех моих сестер), под конвоем, в оцеплении овчарок, погнали в город Витебск. Там бросили нас в лагерь за колючей проволокой, который назывался «Пятый железнодорожный полк» для военнопленных и гражданского населения № 313. В бараках с железными нарами было темно и сыро. Здесь мы перенесли все тяготы нечеловеческой жизни (холод, голод, тиф). Но для меня, шестилетней девочки, самым страшным было, чтобы не забрали нашу маму, потому что каждый день всех узников выстраивали на сортировку и отбирали подростков у матерей, забирали молодых женщин и мужчин. Их грузили на машины и увозили. Это невозможно описать. Это надо было видеть и слышать: страшный крик детей и матерей, который смешивался с лаем овчарок. А кто пробовал убежать — их настигала пуля. Нас никуда не вывезли. Мы каждый следующий день ждали своей участи. Оказалось, что нас, как и другие семьи с малыми детьми и стариками, оставили как пушечное мясо и использовали в боях под городом Витебском. Фашисты гнали нас, как живой щит, впереди себя на передовую.

В этом лагере мы похоронили бабушку, а младшая сестра (ей было 5 месяцев) стала инвалидом I группы. В этом лагере фашисты замучили 80 тысяч узников. На его территории воздвигнут обелиск в память о жертвах фашизма. Сейчас этому лагерю присвоен статус лагеря «На переднем крае обороны немцев 1943—1944 годов».

ЗАБУРКО
Олександр Ілліч

ТАМ БИЛИ ДО ВТРАТИ СВІДОМОСТІ

На душі важко, серце стискається від болю, на очах сльози. Згадувати моє перебування в концтаборі «Замосць» тяжко. Хоча минуло вже 57 років.

Я, Забурко Олександр Ілліч, народився в 1929 році в селі Мазілі Томашівського району (повіту) у Польщі. Мій батько був службовцем, який видавав довідки на поховання померлих.

22 червня 1943 року в наше село, на станцію, прибув бронепоезд з німцями. Гестапівці, з них четверо в цивільних плащах, прийшли у двір, а потім пішли в поле, де знаходився мій батько і я разом з ним.

Нас арештували як заручників за партизанів. Батькові наклали наручники на руки, мені дали «копняка» під зад і повели нас до цього бронепоезду, і так нас привезли в концтабір «Замосць», в 13-тий штрафний барак. Після багаторазового побиття і допитів мене розлучили із батьком. Кожен день допити були у бараці № 2, який був названий «Бойня». Там били до втрати свідомості, викручували волосся, кидали на підлогу, обливали водою і продовжували все спочатку. Це описати неможливо. Такого страхіття я натерпівся: голод, холод. Кожну хвилину ніхто не знає, що буде далі. Після бага-

торазового побиття у мого батька стало гнити все тіло і його було відвезено в концтабір «Майданек». Там його спалено в крематорії.

Можна собі уявити, в яких страшних умовах концтабору ми перебували.

Напівголодне існування, крім того — нечистоти, клопи, воші, що випивали з нас останню кров.

В листопаді, якось вночі, нас зібрали і погнали на станцію. Було темно. Нас попередили залізничники, щоб ми втікали, бо нас повинні були везти до «Майданеку» в крематорій, і вони ліхтарями осліпили очі тим німцям, які охороняли наш поїзд і автостанцію. Так мені вдалося втекти, і я дістався додому.

Вдома у мене стала дуже боліти нога, зробився великий нарив, від кості почало загнивати тіло. Мені було зроблено три операції.

Так п'ять років я не міг ходити.

В 1944 році, в грудні місяці, нас було евакуйовано в Херсонську область із Польщі.

Я є інвалідом II групи, ветераном Великої Вітчизняної війни, пенсіонером, проживаю у м. Червонограді, по вулиці Перемоги, 11/3.

АТАМАНЮК
Михайло Андрійович

ОСВЕНЦІМСЬКЕ ПЕКЛО

Коли у 1941 році почалася війна, я закінчив шостий клас Тальниківської середньої школи, що на Черкащині. Батька відразу ж забрали в армію. Ми з матір'ю залишились на окупованій фашистами території. У травні 1942 року мене і багатьох інших молодих людей схопили жандарми і відправили на роботи до Німеччини. Кінцевим пунктом нашої жахливої подорожі на захід став паровозоремонтний завод під Віднем. Працювали дуже важко. Але ще важчою була думка про свою рабську приреченість, необхідність працювати на окупанта. Визрів план втечі. Ще з одним хлопцем нам вдалось вибратись за оповиті колючим дротом стіни заводу. Поруч була залізнична колія, яка проходила по мосту через Дунай. Поїзди тут завжди сповільнювали хід. Нам вдалось залізти до одного з вагонів, де ми відразу ж заснули. Але на одній із станцій нас знайшла охорона. Ми знову опинились у неволі. За кілька днів, після допитів, жандарми кудись повели мене з товаришем. Коли проходили через станцію, я знову вирішив випробувати долю: скориставшись неуважністю охоронців, вскочив у поїзд, що саме рушав. Вдалось! Через кілька годин я зіскочив з вагона і розпочав свою мандрівку додому.

Пробирався переважно ночами, орієнтуючись по зірках. Пройшов Австрію, Чехословаччину, частину Польщі. Добре, що надворі було літо. Спав у копицях сіна, «позичав» у садах фрукти і ягоди. Біля польського містечка Бельсько вирішив все ж таки вийти до людей: тут вже свої, брати-слов'яни. Зайшов на якийсь хутір із двох хатин. Господарі пустили, але поводитись якось дивно. Через якийсь час все стало зрозумілим: з'явилися поліцейські. Я мав нещастя потрапити до німецьких осадників. Мене заарештували втретє. Кинули до в'язниці, де вже перебували польські підпільники. 6 вересня 1942 року нас перевели у концтабір «Освенцім», де мені був присвоєний номер 63081. Цього ж дня мені виповнилось 15 років.

Цей день народження став найпам'ятнішим у моєму житті. Страхіття, які я пережив у цій фабриці смерті, моторошно навіть переказувати. Людське життя тут нічого не вартувало. Як полум'я свічки — один легкий подих-постріл і ще одна душа йшла до неба. А скільки сотень тисяч пішло їх увись із димом крематоріїв?! Есесівці часом просто вправлялися у стрільбі по живих мішенях і дуже раділи, коли куля потрапляла в'язневі у серце.

Полюбляли охоронці «Освенціма» і розваги з собаками. Вівчарку, якій відразу вдавалось перегризти горло полоненому, нагороджували шматком м'яса. Дісталось одного разу від псів і мені: покусали ноги, після чого я опинився у табірному «шпиталі». Тут відбулася моя зустріч з «ангелом смерті» «Освенціма» доктором Йозефом Менгеле. Цей «лікар» проводив звірячі досліди над людьми, зокрема, над підлітками. 90 відсотків його «піддослідних» потрапляли до газових камер. Але і цього разу доля до мене виявилася ласкавою. Я не за роками виглядав дорослим і не потрапив до категорії дітей. Тому й не зацікавив «лікарів». Сорок днів, проведених в освенцімському шпиталі, видались мені вічністю...

Коли до звільнення «Освенціма» залишалось лише декілька місяців, мене перевели до концтабору «Маутхаузен». Лише 5 травня 1945 року до мене прийшла довгоочікувана воля:

табір, в якому почалось повстання, звільнили американські війська.

Після цього я знову потрапив у Відень, де кілька місяців лікувався у військовому госпіталі. У липні 1945 року був покликаний до лав Радянської Армії, де прослужив 6 років.

Далі доля склалась, як у багатьох тисяч людей. Сьогодні тішуся дітьми та онуками. Лише одне — пам'ять про страшну війну і жахливі поневір'яння — не дає іноді спокою.

ПОЛОВИНКИНА Тамара Андреевна

ЕЩЕ ПОМНЮ, КАК УМИРАЛА ОТ ТИФА

Я, Половинкина Тамара Андреевна (в девичестве Милованова), 1936 года рождения, ленинградка.

Когда началась война, мне было пять лет. Как всегда, наша семья выехала на лето к бабушке на хутор, недалеко от станции Вырица. Здесь мы и попали в оккупацию.

Подошла осень, надо было копать картошку, но немцы пригнали рабочих и выкопали ее для себя. Нам достался один только мешок, на большую семью, на всю зиму. Ранней зимой мы перебрались на станцию, где жила мамина сестра Катя, и поселились в пустой школе. У тети Кати была корова, и мне, как самой маленькой, давали каждый вечер по стакану молока. Но вскоре немцы забрали корову, а тете Кате дали расписку, что фюрер после войны возместит ей все убытки.

Зима первого военного года была очень холодной и голодной, мама и тетя ходили на болото и рубили погибших лошадей... Люди пухли от голода, болезней. Стали ходить слухи, что в лесах появились партизаны, и немцы за самую

малую провинность казнили многих жителей, а всех остальных сгоняли на площадь смотреть на повешенных...

С августа месяца немцы начали вывозить население с этих мест. Тетя Катя к этому времени была уже связана с партизанами, она уклонилась от отправки и убежала в лес. Но ее там догнали каратели и казнили вместе с несколькими другими партизанами.

Нас же привезли в лагерь в Эстонию и первым делом погнали в баню. Всех вместе, мужчин и женщин. После прохождения карантина нас разместили в лагере, с бараками, нарами. Было холодно и голодно, многие болели, многие умирали.

Еще я помню, как сама умирала от тифа в лазарете. Там давали по кусочку хлеба, и я очень удивилась, что мне больше не хотелось есть. Всегда хотелось, а тут не могу. Иногда возле меня сидела мама, когда ей удавалось освободиться на какое-то время. Я просила, чтобы она этот хлеб отнесла брату, но она не брала, а только плакала.

Весной 1943 года нас из концлагеря Клоога вывозили через Финский залив в Финляндию. Помню, как по дороге бомбили, и наш пароходик бросало от разрывов бомб по волнам.

ФАНШЕЛЬ Семен Львович

НАС ИЗБИВАЛИ ПАЛКАМИ И НАГАЙКАМИ

Я, Фаншель Семен Львович, родился в 1928 г. в городке Крыжополь Винницкой области. Там же находился в гетто — с конца июля 1941 г. до освобождения в марте 1944 г.

Мы жили в городке Крыжополь, вместе с большой семьей. В конце июля, через месяц после начала войны, наш городок был захвачен немецкими и румынскими солдатами. Сразу были расстреляны 10 человек. А в восьми километрах от нашего городка, в селе Жабокрьч, было расстреляно 500 евреев.

Затем начались гонения: грабежи, избиения, издевательства. Нас выселили из большого дома и поселили на улице, где вскоре было образовано гетто — в районе станции, самом нищенском. Гетто обнесли колючей проволокой, его охраняли полицаи. Нам строго запрещалось выходить за пределы гетто, появляться без шестиконечной звезды на рукаве. Выходить можно было только на работу, в сопровождении полицая. Нас гоняли на тяжелые работы. Причем избивали палками и нагайками. Мне было только тринадцать лет, но я был рослым пареньком, и меня гоняли на работу вместе со старшими, хотя силы у меня, конечно, были не те. А работать приходилось с тяжелыми грузами: грузить в эшелоны разбитую военную технику. На той работе я заработал грюжу.

Немного позже родителям удалось пристроить меня учеником в сапожную мастерскую, где работали евреи. Но и там я дважды подвергся тяжелому избиению. Однажды в мастерскую нагрянул помощник начальника полиции, с руганью и бранью, уже не помню почему. Все разбежались, и он набросился на меня. Бил по голове, бросал об стенку. Второй раз в мастерскую нагрянули жандармы из румынской полевой кавалерийской жандармерии. Они повели меня в конюшню и заставили чистить лошадей, причем жестоко избили кнутами. С тех пор меня не оставляли головные боли, судороги и другие признаки тяжелых заболеваний, от которых страдаю поныне.

Так мы прожили два года и девять месяцев — будто больше, чем вечность. В конце февраля 1944 года началось почти паническое отступление оккупантов, они спешили перебраться за Днестр, и не успели нас уничтожить. А вскоре нас освободили...

БАРАН Мира Гецковна

НА ВСЮ ЖИЗНЬ ОСТАЛАСЬ БОЯЗНЬ ПОЛИЦАЕВ И СОБАК

Я, Баран (Сирота) Мира Гецковна, 1935 года рождения, уроженка города Бар Винницкой области. Там же с июля 1942 года до марта 1944 года пребывала в гетто.

Когда началась война, мне было только шесть лет. Отца в первые дни забрали на фронт, эвакуироваться мы не смогли — не успели. Когда пришли немцы, нас выгнали из нашего дома и поселили в район трущобный, где было организовано гетто. Нам пришлось жить, как и другим, в большой тесноте, по две-три семьи в комнате.

Всех жителей гетто принуждали работать. Когда выпадала работа по уборке улиц, то я старалась помогать матери.

19 августа 1942 г. был первый погром. Тогда расстреляли большую часть евреев, жителей гетто. После жить стало еще страшнее. В моей памяти на всю жизнь остались воспоминания о том, что надо сидеть тихо, бояться полицаев и собак...

Немцы готовились к проведению второго этапа расстрелов, чтобы окончательно уничтожить все еврейское население городка. И мама вместе с семьями Шпун, Ткач решила убежать, чтобы мы выжили. Брата мама взяла на руки, а меня за руку, и мы вышли огородами на другую улицу, где не было проволоки, и пошли в сторону речки Ров. Но тут залаяли собаки, послышались выстрелы, пули засвистели возле нас.

Вода в речке была мне до пояса, а я боялась глубины. Мы перешли речку и стали пробираться в село Балки. Здесь была румынская территория, и у нас появилась надежда на спасение. И только в селе мы обнаружили, что братишку ранило в руку...

После мы снова шли и шли, пока не пришли в город Копайгород, здесь долго искали дом знакомой бабы Ксении, которая приютила нас. Там мы и жили. Мама работала в поле, иногда брала с собой и нас. Вскоре нас освободили, и мы вернулись в город Бар, где в сентябре я пошла учиться в первый класс СШ № 7.

КУЗНЕЦОВА Олександра Микитівна

ГОСПОДАР НАКАЗАВ ПОКАРАТИ МЕНЕ

Я, Кузнецова (Бабій) Олександра Микитівна, народилася в місті Жашків, на Черкащині, в 1926 році.

3 травня 1942 р. до кінця війни знаходилась на примусових роботах в м. Кремедорфі.

Як і всі ровесниці, в перший рік окупації мені доводилося працювати на різних роботах, переважно сільськогосподарських. Але вже у травні 1942 р. була примусово вивезена до австрійського міста Кремедорф, де й довелося пропрацювати довгих три роки, до самого закінчення війни. Спершу працювала в одного дуже суворого господаря, який, не зважаючи на мій ще юний вік і на те, що я дівчина, призначив мене на лісозаготівельні роботи, де й дорослим чоловікам нелегко було справлятися. Там я й захворіла на гостру форму радикуліту — і то вже на все життя.

Розлючений господар наказав покарати мене, побив та й вигнав. В розподільчому таборі мене знову примушували працювати на важких роботах, але я не могла. Мене знову побили і помістили в ізолятор. І все ж після того я потрапила до нового господаря, в тому ж містечку, де робота також була не з най-

легших. Але подітися було нікуди, довелося страждати і терпіти. Не раз перемерзала, трапилося, що й обварила ноги.

Звільнили мене на самому кінці війни, 8 травня 1945 року. Поталанило без пригод повернутися в рідні краї.

Одружена, маю двох дітей. З 1951 року проживаю у Львові, де весь цей час працювала на двох роботах...

ФИЛОНЕНКО
Мария Григорьевна

УБЕГАЛА ДВАЖДЫ НЕУДАЧНО

Я, Филоненко Мария Григорьевна, 1926 г. рождения, уроженка села Бельенькое на Запорожье.

С июня 1942 года находилась на принудительной работе в Германии, после попытки бегства — в тюрьме и концлагерях.

Воспоминания — тяжелая вещь, если они связаны с чувством страха, голода, холода. Да еще и с пребыванием вдали от Родины. В июне 1942 г. я была насильно вывезена в Германию, и первое время работала на военной фабрике «Кляйне Польште» в Магдебурге. Через год после неудачного побега была помещена в тюрьму города Брауншвайг, потом — штраф-

лагерь, затем — тюрьма в Берлине, после этого — концлагерь Равенсбрюк, один из самых жестоких женских фашистских лагерей.

Высокая каменная стена с тремя рядами колючей проволоки, под высоким напряжением. В самом лагере — бараки, больница, место пыток, плац, штрафблок, бункер...

Прибывших в лагерь, независимо от времени года, раздевали во дворе, стригли, направляли в баню. После нам выдали полосатые платья, на ноги гольцшуги. Затем распределили по баракам. Штубовые выдавали винкеля (треугольники матерчатые), к ним номер узника. После этого люди теряли право на свои фамилии, имена.

Подъем был в четыре часа утра, нас выстраивали на плацу на «апель» по десять человек для переклички. Кормили так: утром — черный суррогатный кофе без сахара, обед — суп из брюквы; хлеб — выдавалась буханка на шесть человек, при делении хлеба все боялись, чтобы даже крошка ни упала на пол... Мучительное состояние жажды и голода не покидало заключенных.

За малейшую провинность узник мог угодить в крематорий.

Последнее, что осталось в памяти от Равенсбрюка: гитлеровцы в большой спешке начали эвакуировать заключенных в северо-западном направлении. Истощенных узников сопровождали овчарки, полицаи. Асфальтированная дорога, с обеих сторон густой лес, и ни единого населенного пункта. На протяжении дня мы шли; кто лишался сил, те были убиты, брошены в кюветы.

Тогда убедилась, что нацистский режим не щадил даже немцев. По пути встречались повешенные солдаты с табличками: повешен за трусость и дезертирство.

К вечеру разрешили сделать привал. Обессиленные падали возле дороги, некоторые добирались до обочины леса, тысячи нашли себе убежище в лесу. Это был наш последний привал: овчарки, полицаи ночью разбежались.

Момент освобождения казался мне нереальным, сказочным. У меня не было сил даже для ликования, для радости.

Словами неможливо передати наше состояние — это надо пережить, прочувствовать. Не все вернулись на Родину. Мы простили ее, что не защитила наше детство и юность. Родина же не простила нам, мы всегда жили как бы с предательским клеймом. Наша вина: почему мы не погибли, как другие?

Прошли годы, теперь мы можем открыто рассказать историю своих мучений.

В 1995 году федеральная земля Бранденбург пригласила нас, бывших узников Равенсбрюка, отметить 50-летие освобождения из лагеря наших страданий. Мы приехали, немногие из уцелевших. При виде самого лагеря, уже вроде и не страшного, у меня тряслись не только ноги, но и все внутри...

ТАРАКАНОВ
Микола Наумович

НАС БОЯЛИСЯ ПЕРЕХОВУВАТИ

Був лютий 1944 року. Наш концентраційний табір оточили німецькі солдати однієї з частин, що відступала під натиском радянських військ. В'язні, які трохи вміли розмовляти німецькою мовою, цікавилися в солдат, що вони збираються вчинити з нами. А вони спокійно відповідали: «Не бійтеся, ми не вбивці, ми лише вас вартуємо згідно з наказом, а вбивати вас будуть есесівці, щоправда, якщо встигнуть...»

Після того, як поліцаї порозбігалися, а румунська влада втекла, настав тривожний час прощання з життям, на цей раз не від голоду і хвороби, а від есесівської кулі. В'язні, що перед тим уже повірили в близьке визволення, готувалися до втечі. Я також вирішив утекти разом із шестіркою старших хлопців. Але вартіві нас помітили, відкрили стрілянину. Одного втікача було вбито, двох поранено. Мене, десятирічно-

го, повернуто назад в табір, на додачу стусонувши кілька разів без розбору по голові. Отямившись від невдачі, я гірко заплакав. Вбитий лежав у калюжі крові, поранені голосно стогнали. Але я чув і те, як інші в'язні говорили: що ж, цим не поталанило, але треба знову спробувати — всіх не перестріляють, комусь має поталанити...

І все ж нам пообіцяли приготувати обід, на що ми в тих умовах і не сподівалися. Старший німець відібрав вісім в'язнів, направив їх на кухню готувати страву. Я теж приєднався до тієї групи. Вартовий знову вдарив мене, намагаючись відігнати. Але старший чоловік заступився за мене, сказавши, що я допомагаю на кухні завжди. Німець не перечив. Вся група пішла на кухню, деь за 25–30 метрів від адміністративного будинку концтабору.

Уже там, на кухні, коли я допоміг виконати якусь роботу, той самий старший чоловік пересадив мене через вікно на колгоспне подвір'я. Там були люди, вони ремонтували сільгосптехніку. Я непомітно поміж них попрямував до виходу — в село Печера Вінницької області. Я зайшов у хатку слобідки Мазурівка, де перше проживали поляки. Там я вже бував. Люди мені підказали, де переховується моя мати і менша сестричка Аня (тепер Когут Анна). Я знайшов їх у хаті Віцені Кучер. Нас нагодували і завели в другу кімнату, яка, щоправда, не опалювалася. Було холодно, бо деякі шиби були вибиті і погано позатулювані, в діри вривався морозний вітер. Мати була геть знесилена, бо їй довелося майже цілий день нести на руках мою півторарічну сестричку. Саме тоді прийшов син господині Степан і перевів нас у льох, приніс нам поїсти.

В цей час на подвір'ї з'явилися німецькі солдати. Вони ремонтували свою машину. А ми боялися, щоб вони якось нас не помітили і не дізналися, що ми євреї, бо тоді, напевно, б розстріляли.

Наступного дня господиня заявила, що більше не може нас тримати, бо в хаті розмістилися постоем німецькі солдати. Коли стемніло, нас крадькома вивели з льоху і повели до іншої хати, де не було німців. Наступного дня я пішов до сусідів вимінювати хліб на сіль. І ось коли я йшов вулицею,

назустріч мені з'явився німецький танк. Мене охопив жах: вуличка була вузька, як мені з ним розминутися? Я кидаюся на паркан і ніби прилипаю до нього. І танк проїхав мимо. У мене ж мало не розірвалося серце.

Я заспішив додому, несучи виміняний буханець хліба. І тут мене зупиняють три солдати, я здогадався, що то есесівці: чисто одягнуті, високі. Офіцер запитує, де тут є німецькі солдати? Я зрозумів його, але боявся признатися, що розумію німецьку мову, бо євреї її розуміють. Я сказав, що не розумію. Офіцер вдарив мене. А, ви шукаєте солдатів? Не знаю, що вони про мене подумали, але я показав їм ті хати, де квартирували німці, і вони пішли.

Щасливий, я приніс буханець хліба до хати, де мене чекали мати з молодшою сестричкою. Господиня ж сказала, що боїться переховувати нас далі і випроварила на вулицю. Втрюх ми пішли поміж садибами, через людські городи. Біля однієї хати ходив вартовий, він щось гукнув до нас. Ми налякалися і кинулися втікати. Вартовий вистрілив, куля просвистіла над нами, але, на щастя, не зачепила нікого. За селом починався ліс, ми простували до нього. Але вирішили ще постукати в двері передостанньої хати. Господар на прізвище Король не хотів нас впускати, побоюючись за безпеку своєї родини. Але мати почала плакати, сестричка за нею. Розплакалася і донька господаря, зачала просити тата залишити нас, бо ж нас можуть розстріляти німці перед самим визволенням. І господар не витримав того плачу, залишив нас у маленькій кімнатці.

На ранок він подався до села дізнатися про обстановку, і повернувся радісний: німців уже немає, ми стали вільними людьми!..

СУДИЛОВСКАЯ
Людмила Васильевна

ОЧЕНЬ МНОГО УМИРАЛО ДЕТЕЙ

Я, Судиловская Людмила Васильевна, родилась 9 июля 1941 года в городе Карачеве Брянской области. Была четвертым ребенком.

В августе 1943 года немцы, отступая, сгоняли с родных мест мирных жителей и гнали в сторону Германии. Четверо суток наша семья — мать и четверо детей (отец в это время воевал на фронте) — вместе с другими такими же несчастными шли пешком, ночевали в лесу или в поле под охраной немцев и полицаяв.

Потом на какой-то станции людей растолкали по товарным вагонам и повезли. Как тогда возили и как кормили, это известно всем.

Довезли нас до Эстонии и разместили в концлагере города Палдиски. Евреев держали неподалеку от поселка Клоога.

В лагере были дома типа бараков, большие казармы. Условия жизни в лагере были ужасные — голод, холод, болезни. Баланда из брюквы и из чего-то еще подобного вызывала у многих расстройства желудка, дизентерию. Многие умирали от тифа.

Умерших хоронили на территории лагеря в выкопанных траншеях. Очень много умирало детей, особенно до семилетнего возраста.

Как нам удалось выжить? Можно сказать, благодаря счастливому случаю. На одном из этапов по дороге в лагерь мама встретила со своей родной сестрой и ее десятилетним сыном. Вот так получилось — две мамы на пятерых детей.

Охрана в лагере была в основном эстонская. Иногда кто-то из них брал тетю (она неплохо шила) и давал перешивать одежду. Тогда она приносила буханку хлеба или несколько картофелин. Мама немного работала на немецкой кухне пока в семье не начался тиф. Тогда с кухни ее выгнали. Кстати, тифом переболели все наши, кроме мамы и меня. У меня в это время было воспаление легких, и я находилась в отдельном бараке, который служил подобием больницы.

Работать взрослых водили за территорию лагеря, в основном в морской порт.

Освободили нас советские войска в сентябре 1944 года. Еще некоторое время мы жили в Эстонии, поскольку возвращаться было некуда — квартира разбомблена.

Довольно продолжительное время на руках у меня оставались водянки, так как кроме них между костями и кожей ничего другого у меня не было.

Лично я, можно сказать, ничего не помню. То, о чем написала, знаю из рассказов матери и тети. Но где-то в подсознании постоянно со мной живет какая-то неясная тревога, боязнь громких криков, замкнутого пространства.

РЕЗНИК
Айзик Мишеевич

ГРУППА МОЛОДЫХ ЕВРЕЕВ БЫЛА РАССТРЕЛЯНА ЗА АНТИФАШИСТСКИЕ ЛИСТОВКИ

В сентябре 1941 года город Балта Одесской области был оккупирован немецкими войсками. В первые дни оккупации немцы собрали мужчин призывного возраста, в том числе и моего отца, вывезли куда-то за холм и расстреляли. И до сих пор мне неизвестно, где находится его могила. Я остался сиротой, так как моя мама умерла в 1939 году. Всех евреев выселили из своих домов и поместили на улицу Кузнечную (теперь это улица Ткаченко). Здесь оккупантами было создано гетто. Оно еще пополнилось еврейскими беженцами из Молдавии.

Люди жили, если можно это назвать жизнью, в ужасных условиях: теснота, голод, отсутствие медицинской помощи, ежеминутная угроза смерти, грабежа. За распространение листовок антифашистского содержания была расстреляна группа молодых евреев. Систематически проводились облавы. Вылавливали евреев, способных трудиться, и угоняли на работу. При этом расстреливали тех, кто скрывался от этого.

Особенно трудно приходилось нам, детям-сиротам. Мы были вообще беззащитны. Нас часто вылавливали и под охраной содержали в бывшем Доме пионеров. Собирались нас куда-то отправлять. Мне несколько раз удавалось убежать. Лишь только тогда, когда в городе находился итальянский гарнизон, наступало некое облегчение, но затем снова приходили немцы, и ужасы начинались снова.

На протяжении всего периода оккупации мне приходилось систематически выходить из гетто и приносить продукты питания для моей бабушки и сестры. Продукты нам давала

знакомая нашей семьи Стрельбинская Агафия Исаковна. Эта женщина в самые тяжелые дни забирала не только меня, но и мою бабушку и сестру. Поскольку постоянное пребывание у тети Гали грозило ей и нам расстрелом, мы там находились периодически.

Самые страшные дни были в марте 1944 года, когда до освобождения оставалось совсем немного времени. Появились карательные отряды и полевая жандармерия. Они ходили по домам и предупреждали, чтобы готовились к работе, а что это была за работа, мы уже догадывались. Ночью 26 марта 1944 года расстреляли прямо у своих домов несколько еврейских семей. Я очень испугался и стал убегать от немцев, но все таки меня ранило в голову, и я с трудом добрался до тети Гали и рассказал, что творится в гетто. Она тут же со своими детьми пошла в гетто и за самогон вывезла мою бабушку и мою сестру. Оставалось два дня до освобождения. Мне, ребенку с чисто еврейскими чертами лица, стало опасно находиться у тети Гали, и она меня перевела к соседке, у которой было шестеро детей, причем все мальчики. Там я провел последнюю ночь перед освобождением. Утром 28 марта 1944 года город Балта был освобожден от фашистов.

Прошло более полувека после тех страшных событий, а память возвращается к этим ужасным дням. Почти три года продолжалась оккупация. Менялись времена года. Были и лето, и весна, и осень, и зима. А в памяти все дни оккупации казались пасмурными и тяжелыми. В этом коротком воспоминании невозможно рассказать о всех трагических днях, которые мне пришлось пережить только потому, что я родился евреем.

ГУРЕВИЧ
Рива Ихиловна

ФАШИСТСКИЙ ИЗВЕРГ СТРАШНО ИЗДЕВАЛСЯ НАД НАМИ

Я, Гуревич (девичья фамилия — Фельдман) Рива Ихиловна, родилась 10 февраля 1931 года в городе Бершадь Винницкой области. Национальность — еврейка.

С июля 1941 года по 25 марта 1944 года наше местечко было оккупировано немецкими войсками. Наша семья тогда была такой: моя бабушка Фельдман Бася Абрамовна, мой дед Фельдман Ихил Рефаилович, моя мать Фельдман Марьям Ихиловна, моя тетя Фельдман Хана Ихиловна, мой дядя Фельдман Юкл Ихилович, его жена Фельдман Ювоя Исаковна и две маленькие девочки — их дочери Соня и Бетя, а также брат бабушки Кикис Лейб Абрамович.

Рядом с нашим домом была большая поляна, на которой росла кукуруза. Когда пришли немцы, мои родные побежали прятаться в кукурузу, а я с дедом, который был инвалидом, без ноги, сели возле дома, чтобы отвлечь внимание. К нашему дому подошли четыре немца с автоматами на груди и спросили, где наш дом. Мы показали. Они зашли в дом и, открыв одежный шкаф, увидели красное платье моей тети. Реакция их была дикой. Они кричали, что мы коммунисты, и начали нас жестоко избивать, приставили к голове автомат, чтобы

нас убить. Но мы просили, чтобы нас не убивали, и чудом остались живы.

Вскоре наше местечко было огорожено колючей проволокой. Нам было приказано носить «звезду Давида» на груди и на спине — взрослым и детям. Кто не надевал эту звезду, того приговаривали к пыткам или расстреливали. Все годы мы подвергались гонениям, угрозе смерти, голоду. В гетто была община, где каждое утро мы должны были отмечаться. Немцам нужна была рабочая сила, и они, заходя в дом, нагайками выгоняли людей на работу. Женщин заставляли убирать улицы, мыть туалеты, мыть автомашины, фургоны. Мужчины, старики должны были строить мост. Кто не мог быстро работать, того расстреливали.

Через несколько месяцев немцы ушли за реку Южный Буг. Вместо них пришла к нам румынская армия. Вскоре к нам в местечко этапами начали прибывать эшелоны евреев из Буковины и Бессарабии. Людей было очень много. Среди них началась эпидемия тифа. Их загнали на территорию бывшего колхоза им. Ворошилова — в помещения коровников. Люди умирали от голода, холода и тифа. Каждый день приезжали подводы и забирали трупы-скелеты, которые вывозили за местечко. Полицай привезли в местечко около 20 партизан и согнали на площадь всех жителей, чтобы напугать людей, и кричали, что всех ждет казнь, кто будет партизаном.

Мы умирали с голода. Половина родных заболела тифом. Как-то бабушка дала мне простыню, чтобы пойти на украинский базар и поменять на кружку пшена. На базаре меня узнал один полицай. Он подошел, поднял меня за косы и начал бить меня шомполом по ногам. Я очень испугалась и сильно начала кричать. Один русский мужчина, который знал моего деда, крикнул: «Убивают, Ихиля, внучку!» Он быстро подошел к полицая и толкнул его. Так как полицай был пьяный, он упал, а я убежала испуганная и плакала, и кричала.

Спустя некоторое время к нам перевели из города Балты нового претора по фамилии Турбул. Он был маленького роста. В Балте нужно было строить мост, и он сам лично подбирал мужчин на работу. Он страшно над ними издевался, избивая

их шомполом. Фашистский изверг на этом не успокаивался — брал перец, заставлял солдат засовывать его евреям в задний проход.

Когда немцы начали отступать и местечко стали бомбить, моя бабушка как-то открыла дверь, чтобы посмотреть, пришли ли наши. В это время немец выстрелил прямо в бабушку и ранил ее. Мы еле спасли ее — лекарств не было. На следующий день (мы жили в центре) около 6 часов утра услышали крик, подбежали к окну. Два мальчика в возрасте 10-12 лет кричали: «Да здравствует Советская власть!» — и держали красные знамена. Люди начали выбегать из домов, плакать и кидаться на шею красноармейцам, но кто-то из евреев крикнул, что это переодетые немцы и люди начали убегать. Тогда красноармейцы начали кричать: «Не бойтесь, мы ваши!».

К вечеру немцы начали наступать на наше местечко. Солдаты Красной Армией стали отходить к лесу. Наутро советские воины прогнали немцев.

Немцы, отступая, были просто в ярости. Фашисты взяли до 1000 человек заложников, за два месяца до своего отступления ночью вывезли заложников в карьер за местечком и всех их там расстреляли. Когда пришли наши, евреи, родичей которых убили, попросили завезти убитых на еврейское кладбище. Лиц у расстрелянных уже не было видно, и родные по одежде узнавали своих и завозили на кладбище. Остальных, у кого не было родных, похоронили в братской могиле.

ЛЮБКО (ФЕДОРОВА)
Александра Ильинична

НАХОДИЛИСЬ МЫ В ЛАГЕРЕ В УЖАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Я родилась в 1936 году в селе Залужье Локнянского района Псковской области, где проживала до марта 1943 года. В марте 1943 года была вывезена в Литву, где находилась в концлагере до августа 1944 года вместе с родителями. Немцы в 1943 году нас вывозили в концлагерь за связь с партизанами. Под таким предлогом они вывозили всех подряд, чтобы очистить территорию. Вместе с мамой нас, детей, было трое. Наша мама — Федорова Мария Кузьминична (1889 года рождения), моя старшая сестра — Зинаида Ильинична (1934 года рождения), младшая сестра — Анна Ильинична (1942 года рождения) и я.

По распоряжению немецкого командования за связь с партизанами наше село Залужье подлежало уничтожению, а население — вывозу в немецкие концлагеря для уничтожения.

В марте 1943 года, ранним утром, когда все еще спали, наше село было окружено немцами. Дали людям один час на сборы. Все люди перепуганные метались, не знали, что делать. Ровно через час началась эвакуация. Подгоняли грузовые машины и, как скот, грузили в них людей. Жилые дома тут же поджигали зажигательными пулями, стреляли скот, курей и

разную живность, грабили, присваивая ценные вещи. Ничего не давали брать с собой. Говорили, что нам там ничего не понадобится.

Затем повезли нас на станцию Самолуково Локнянского района Псковской области. Погрузили в товарные вагоны и повезли нас в неизвестном направлении. Вагоны наши охранялись немецкой вооруженной охраной. Везли нас трое суток. Ночью привезли в Литву. Там нас опять погрузили в грузовые машины и отвезли в концлагерь.

Как мы потом узнали, нас привезли в Каунас, в концлагерь, который назывался «Кауен». Находились мы в лагере в ужасном положении. Спали на нарах, на соломе. Ели баланду. Потом, через несколько дней, начался отбор для вывоза в Германию рабочей силы. Нас делили на сильных и слабых. В первую очередь вывозили сильных людей для работы в Германии. Нас охраняли эсэсовцы. Мы ждали изо дня в день, когда придет наш черед. Конечно, за любые провинности (как считали немцы) мы получали плеткой. Приходилось получать и 25 плеток. Маму гоняли на какие-то работы. А мы со страхом сидели в бараке и ждали, что будет с нами. В августе 1944 года, когда советские солдаты освобождали Литву, они освободили и нас. Сколько было радости! Все трудно описать. Мы были без каких-либо документов. При отступлении немцы постарались уничтожить все свои следы насилия, в том числе и документы.

После освобождения из концлагеря мама с нами поехала на родину. И что мы там встретили? Пепелище сгоревшего дома. И похоронку на отца, который погиб на войне, а мы остались сиротами без кола и без двора. И так, полуголодные, раздетые, начали свою новую послевоенную жизнь.

ДРОБЫШЕВА Маргарита Павловна

МЕНЯ СПАСЛА МОЛИТВА

Я родилась в 1934 году. Когда началась война, мне было 6 лет. Мы жили в Харькове на одной из центральных улиц — на Сумской.

Папа был хирургом, и его призвали в первые дни войны. Он оказался в самом аду, на Белорусском фронте.

Когда в Харьков вошли немцы, наступил холод и голод. Жили тем, что меняли в селе на продукты.

Харьков несколько раз переходил из рук в руки. Помню жуткие бомбежки. Однажды началась бомбежка, и мама отправила мою подружку домой через дорогу, чтобы родители не волновались. В это время кто-то из ружья выстрелил в самолет. С него сбросили зажигательную бомбу, которая попала прямо в этот дом. На моих глазах пламя охватило весь дом, и девочка погибла, да и все, кто находился в это время в доме.

Помню, в начале войны соседка подарила мне маленькую икону Божьей матери. Мама пришила мне внутренний карман в пальто, в него я положила икону и не расставалась с ней.

Во время очередной бомбежки мы сидели в подвале нашего дома и вдруг — грохот жуткий, пыль поднялась. Мама накрыла меня своим телом, думали — всё, конец. Я молилась — Богородица отвела бомбу. Бомба срезала угол 5-го этажа и упала в яр недалеко от нас.

Эта икона спасала меня всю войну во время бомбежек и в других страшных ситуациях.

Еще помню, как согнали людей на площадь, когда вешали партизан. Мама закрыла мне лицо.

Одно из воспоминаний — это горы убитых наших молодых солдат, когда в Харьков ненадолго вошли части Красной Армии, а затем они отступили. Недалеко от нашего дома был

лагерь русских военнопленных. Страшно было смотреть на этих голодных, худых людей. Я иногда находила картошку, хлеб и подавала им через колючую проволоку.

НОВИКОВ
Владимир Петрович

Я РОДИЛСЯ В ЛАГЕРЕ «ХОРОЛЬСКАЯ ЯМА»

Я, Новиков Владимир Петрович, родился 10 февраля 1942 года в лагере военнопленных «Хорольская яма» в городе Хороле Полтавской области. Опишу некоторые факты жизни моей и моей матери — из воспоминаний моей матери и свидетелей. К сожалению, ни мамы, ни людей, которые ей помогали, в живых уже не осталось.

Начало войны мою мать Новикову Анну Иосифовну и отца Новикова Петра Петровича застало во Львове. Мама работала в городе Янове начальником райотдела связи. Поэтому маму и отца мобилизовали в действующую Красную Армию. 15 сентября 1941 года около села Денисовка Оржицкого района после тяжелого боя с фашистами мать взяли в плен вместе с другими бойцами, а отец в этом бою погиб, так и не дождавшись рождения сына. Через несколько дней мать очутилась в Хорольской «яме смерти» — недалеко от кирпичного завода.

В этой книге описываются ужасы лагерной жизни, и я не буду повторяться. Скажу только, что мать говорила, что их водили убирать свеклу, и это было единственными витаминами для беременной женщины. Мама меня родила в госпитале при лагере. На второй день ее «выписали» с новорожденным, и мама меня выносила, как говорится, за пазухой.

Ей очень помогала женщина, у которой тоже родился ребенок и умер. К сожалению, фамилии этой женщины я не знаю.

Освободила нас Красная Армия в сентябре 1943 года.

После войны мою маму, как бывшую военнопленную, в качестве связистки на работу не принимали, а работала она, где придется, подсобницей то на стройке, то на заводе. Жили мы в подвальном помещении по улице Копальной во Львове, без удобств, и только в 1973 году получили квартиру на улице Научной, 34, кв. 53, где и проживаю с семьей. Пишу адрес потому что, может, кто остался в живых — пусть напишет.

Еще меня волнуют такие факты. Мать рассказывала, что в лагере расстреливали по несколько тысяч человек, земля шевелилась в тех местах несколько дней. Но нигде не публикуют (я не встречал) про этот лагерь. В Хороле пытались создать музей, запрашивали у меня фотографию, я выслал, и больше никаких известий не имею.

БОГДАНОВА Надежда Максимовна

КАРАТЕЛИ ЖИВЫМИ ЗАКАПЫВАЛИ ЕВРЕЕВ

Я, Богданова Надежда Максимовна, родилась 15 октября 1925 года в селе Тарасовка Цюрупинского района Херсонской области.

В 1941 году в наше село поступили с передовой линии раненые военные. Размещали их в клубе, сельсовете, церкви и других помещениях на полу, застеленном соломой. Там же и разворачивался полевой госпиталь.

В 16 лет я взялась ухаживать за ранеными. Моя мама и отец готовили продукты, питье, а я их раздавала раненым

мученикам и кормила их со своих рук. Рано утром я уже бежала в госпиталь навещать своих раненых. Как-то ночью этот госпиталь эвакуировался, а на его место поступил другой госпиталь. И я дальше продолжала трудиться по уходу за ранеными.

В сентябре 1941 года в Херсонскую область, в том числе и в наше село, вошли немецкие солдаты с карательным отрядом. И начались преследования и уничтожение евреев.

Между Раденском и Цюрупинском, в Кочугурах Степových, где не было ни травинки, ни деревца, одна жара невыносимая, карательный отряд вырыл траншеи и свозил туда всех евреев. Там были женщины беременные, старики и инвалиды, грудных деток несли на руках.

Построили их как солдат в строю и начали их из пулемета расстреливать. Люди падали в эту страшную яму, кто убитый был, а кто раненый. Всех засыпали землей. Был страшный крик еще живых людей, в том числе грудных детей. Когда прикопали их, там поставили немецкую стражу. Мы, подростки, добрались и туда. Увидели, как живые люди из траншей прогребали своими уже немощными руками землю и просили о помощи. Тогда я подбежала с фляжкой воды и стала тянуть за руку того, кто подавал ее из ямы, еще живую и теплую. Но каратели не подпускали, толкали меня своими карабинами в мои плечи и показывали мне, что тоже меня туда бросят.

Началась зима. Был тогда сильнейший снегопад и морозы. Фашисты вновь погнали наших военнопленных, может быть, из Крыма, где тогда шли бои. Немцы снимали у наших солдат теплую одежду. Наши командиры и солдаты падали на ходу от голода и холода и замерзали. Кто оставался еще живой, немцы добивали прикладами. Советских пленных гнали и через наше село Тарасовку на Херсон, на Днепр, где лед проваливался, и проваливались полураздетые военнопленные. Пленные на ночь останавливались в нашем селе. На ферме мы стелили солому, варили им горячую пищу.

Я варила картошку и резала хлеб, складывала все в ведра и встречала военнопленных, бросала им эту еду в их страшную колонну. Здесь меня немцы тоже не один раз били при-

кладами и оттоняли от колонн. Это все осталось в памяти на всю жизнь.

В 1942 году немцы меня угнали на работу в Цюрупинск, на ремонт дороги под конвоем. В июне того же 1942 года меня мобилизовали на принудительные работы в немецкие лагеря города Библинген. По возвращении в Союз из Германии в 1945 году, в сентябре месяце, я увидела памятник «Мать-Родина плачущей еврейке» над той траншеей, где каратели-варвары живьем закапывали евреев.

На протяжении этих лет, с 1945 года по настоящее время, я навещала своих родителей в Тарасовке. Проезжая дорогой, вижу эти траншеи, и снова все всплывает в памяти. Там уже стоит живой памятник — настоящий сосновый лес и защитная полоса в память о погибших, которые спят вечным сном.

ДЗЮБА-ПРОЦЬ Татьяна Семеновна

НА ДОПРОСЕ Я ТЕРЯЛА СОЗНАНИЕ

Я, Дзюба-Проць Татьяна Семеновна, бывшая узница концлагеря Равенсбрюк, № 94020, родилась 10 марта 1928 года в городе Новочеркасске Ростовской области.

В сентябре — октябре 1942 года, когда в Новочеркасске вступили немцы и создавалось подполье, я, будучи 14-летней девочкой, помогала разносить записки партизанам. Немцы во время облавы, ночью, забрали меня из дома, где я находилась с 9-ти месячной сестрой. Меня вместе со всей захваченной группой 10 октября 1942 года отправили в вагоне для перевозки скота сначала в город Ростов-на-Дону, а затем в Австрию. Сначала была в городе Вене, в тюрьме. Потом меня передали гражданскому немцу. Этот немец оказался хозяином, и я у

него работала как рабыня. Ночевали в небольшом сарае еще с тремя женщинами. Мы поднимались очень рано. Чистила из-под коров, делала всю грязную работу. Если не управлялась, он наказывал палками, бил, не давал кушать по два дня. Пробыва я там два месяца, а потом меня забрали другие люди и доставили в город Грац в гестапо. На допросе меня называли маленькой партизанкой, били, закладывали между дверей пальцы и ломали, из-за чего я теряла сознание. После этого меня отправили в концлагерь Равенсбрюк.

Когда прибыли в лагерь, мне дали номер и красный треугольник, полосатую форму и деревянные башмаки. Поместили меня в блок № 20 — политический. Нас не кормили. Спали на нарах. Так начиналась лагерная жизнь. Каждое утро поднимали на проверку. Если опоздаешь, били плетью. Делали самую грязную и тяжелую работу. В блоке я была самая малая, и женщины помогли мне перейти в блок № 18, для военнопленных женщин, где было лучше с едой. В лагере Равенсбрюк был страшнейший режим. Там я пробыла почти три года. В апреле 1945 года приближался фронт. Началась бомбежка. Все разбежались кто куда. Я и несколько женщин скрылись в лесу.

25 апреля вошли американские войска, освободили нас и отправили к русским. Так прошли мои детские годы в нацистской неволе.

В концлагере я пробыла с января 1943 по апрель 1945 года. Сейчас я инвалид II группы по общему заболеванию.

ХЛЕСТКОВА **Неля Георгиевна**

СПАСЛИСЬ БЛАГОДАРЯ ПОМОЩІ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ

Я, Хлесткова (девичья фамилия Василькон) Неля Георгиевна, родилась 6 сентября 1926 года в городе Пологи Запорожской области. В августе 1943 года была насильно угнана в Германию на принудительные работы. Работала у бауэра по уходу за скотом и на других работах. Это было в селе Крайс Леумбург ин Цевиц. Условия труда были очень тяжелые. Жили и батрачили с утра до поздней ночи. Фамилия хозяйки — Грош Гертруда.

В феврале — марте 1944 года я была арестована без всяких на то оснований и вывезена в тюрьму Леумбург, где подверглась допросам и избиениям. Затем в мае 1944 года была вывезена в концлагерь Штутгоф, где числилась под № 40407 как политический узник. Жили в лагере в бараках, питались баландой, было холодно и голодно. От голода люди умирали, их грузили на машины как дрова и везли в крематорий, где сжигали.

В конце 1944 года, в декабре месяце, немцы нас вывезли из концлагеря, погрузили на баржу и повезли в неизвестном для нас направлении. Выгрузили нас, затем гнали по снегу босыми, без чулок, без пальто. По дороге очень много людей умирало. Я чудом осталась живой, потому что в результате всех этих издевательств, переохлаждения и нервного истощения у меня стали отказывать ноги. Меня оставили в помещении церкви еще с пятью узниками, а колонну погнали дальше. К вечеру в церковь пригнали человек триста евреев и с ними нас погнали дальше. Затем загнали в сарай и там мы пробыли около двух месяцев. Спали на соломе, в антисани-

тарных условиях, в холоде, голоде. Люди умирали, их никто не вывозил и мы спали просто на трупах.

В марте 1945 года, когда стали приближаться советские войска, сарай подожгли, и только часть из нас спаслась — благодаря помощи советских воинов, которые открыли двери сарая и выпустили нас. Но во время паники много людей погибло.

10 марта 1945 года нас полностью освободили, направили в госпиталь на лечение, где на протяжении 2 недель нас выводили из состояния дистрофии, истощения. После госпиталя меня забрали в воинскую часть (ее номер не помню), где я работала в офицерской столовой кухонной работницей до июля 1945 года, а затем воинскую часть расформировали.

В результате постоянных переохлаждений, недоедания, поднятия тяжестей, нервных стрессов я тяжело заболела.

Сейчас я нахожусь на пенсии, страдаю гипертонической болезнью, очень большое сердце, хронический обструктивный бронхит. Условия бытовые — крайне плохие.

МОРГУНОВА (ВИДЕРМАН)

Галина Антоновна

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ ЭТОТ КОШМАР!

Эти строки — мои воспоминания о нахождении в Минском гетто с июля 1941 года по ноябрь 1942 года, а затем — с ноября 1942 года по июль 1944 года — о нахождении на нелегальном положении (после побега из гетто) на хуторе Ячонка Минской области, где скрывалась от фашистов.

Я (в девичестве Видерман Розалия Яковлевна) родилась в городе Минске в 1926 году, где и проживала со своими

родителями, братом и сестрой. Окончила 8 классов средней школы.

Здесь и застала нас война. Эвакуироваться мы не успели, на шестой день войны Минск был оккупирован, а потом началась регистрация лиц еврейской национальности. После регистрации в недельный срок нас перегнали в отдельный район города Минска, который огородили колючей проволокой. Вход и выход был запрещен. Каждый день туда сгоняли евреев из близлежащих районов. Так я, мама, брат и сестра очутились в Минском гетто.

Вскоре в городе начались облавы. Людей хватали на улицах, часть из них привозили в гетто, а часть бесследно исчезала.

Затем начались погромы, которые мне запомнились на всю жизнь. Особенно один из них, июльский, продолжавшийся около 4-5 дней. Он проходил в гетто. Подгоняли грузовые машины, грузили на них детей, женщин и стариков. Стоял страшный крик, плач. Люди бегали по территории гетто, а убежать было некуда.

Их увозили за город и тут же расстреливали. Слышны были автоматные очереди.

В ноябре 1942 года, накануне праздника 7 ноября, повторилось опять то же самое.

Мужчин согнали в одно место, выстроили, поставили на колени без головных уборов и стали избивать. Затем заставили петь «Интернационал». Увели всех к вокзалу, погрузили в вагоны и увезли, как нам потом рассказывали, в Освенцим. В это время стоял страшный крик, плач детей и взрослых.

Пьяные немцы и полицаи расхаживали по территории и ради своей «забавы» убивали ни в чем не повинных людей только за то, что они были евреями.

Такие пьяные «забавы» проходили очень часто. И днем, и ночью слышны были дикие крики, плач, стенания людей.

В гетто мы постоянно испытывали страх, ужас, холод и голод.

В ноябре 1942 года под вымышленной фамилией нам удалось с помощью подпольщиков бежать из этого ада. Нас при-

ютила белорусская семья Шекало, которая жила на хуторе Ячонка Минской области, Столбцовского района, где я прожила до июля 1944 года. Эти люди, укрывшие меня, сами постоянно подвергались смертельной опасности. Там я также испытывала постоянный страх того, что кто-нибудь может выдать. Поэтому очень часто приходилось прятаться во рву.

Спасибо добрым нашим людям за приют, за то, что дали мне возможность выжить, рискуя собой и своими семьями.

Мы никогда не забудем кошмар пережитого. Пока я жива, должна рассказывать о зверствах фашизма, чтобы молодое поколение знало, как нас уничтожали.

Нас становится все меньше и меньше, и вместе с нами уходят бесценные крупницы наших воспоминаний.

После освобождения в 1944 году города Минска я проживала в этом городе, где продолжила свое образование. В настоящее время живу в городе Львове.

Минское гетто — самое большое в Белоруссии, там было уничтожено очень много людей еврейской национальности.

БАРОН Александр Иосифович

РАССТРЕЛИВАЛИ НА МЕСТЕ

Я, Барон Александр Иосифович, родился 30 июня 1936 года в селе Поповцы Копайгородского района Винницкой области. Семья наша состояла из 4-х человек: отец Иосиф, мать Мария, сестра Фаина 1931 года рождения, и я — Александр.

Когда началась война, мне было 5 лет. В наше село пришли немцы. Всех евреев, живших в селе, выгнали на улицу и начали сортировать. Детей отдельно, взрослых отдельно. Нас, малышей, повели в школу, где мы должны были жить. Сколь-

ко мы там были, я не помню, но мы очень плакали по родителям. Но на наш крик и плач никто не обращал внимания. Родителей послали в другое место. А тем временем немцы забирали в хатах последнее добро. После того немцы пошли дальше оккупировать села и города. В село им на смену пришли румынские солдаты. Те с нами обращались немножко лучше. Они даже нас, детей, выпустили на волю к родителям. Когда мы собрались дома, радости не было конца. Вечером нам надо было решить, что делать дальше и как нам быть. Ведь отец был не ходячий, он болел туберкулезом костей. Наше первое решение — прятаться по подвалам у знакомых, чтобы можно было по ночам навещать отца. Все местные жители прятать нас боялись, потому что за это люди страдали, да и сколько можно жить в подвале, где сыро, темно. Но мы жили долго. Наступили холода, как быть дальше, что делать, ведь пропадешь. Мать посоветовалась с очень больным отцом, и они приняли решение: надо бежать в Копайгород, где жили очень хорошие наши знакомые. И ночью я, мама и сестра пошли в Копайгород. Мы думали, что там сумеем перебыть это время и потом вернемся домой к отцу. Знакомые дали нам старую теплую одежду, а в ней можно было сидеть в подвале, до наступления темноты. Тогда мы имели возможность выйти на свежий воздух и подышать. Но однажды в городе была облава, и нас нашли в этом укрытии. Всех выгнали на улицу и поместили в район, обнесенный колючей проволокой. Выход в город был запрещен, всех взрослых гнали на работу. И здесь нам покоя не было. Через какое-то время поступила команда всем строиться с вещами, что мы и сделали. В Копайгородском гетто было мало места, а пригнали откуда-то очень много евреев, и мы должны были им уступить наши места. Тогда нас погнали на новое место жительства. Идти было трудно, но надо — иначе расстреливали на месте. Никто не знал, что ждет нас впереди и куда нас гонят. Так мы шли, пока не попали в село Печера Шпаковского района Винницкой области. Вся территория концлагеря была обнесена колючей проволокой, в середине — очень много деревянных бараков, в один из которых мы попали. Сколько там

было евреев — это не описать. Какая нас ждет там жизнь, никто не знал, но знали одно: кто посильней, тот и выживет. Все прибывшие в концлагерь спрашивали у тех, кто там уже находился, как им живется, ответ был один — ад. Зима, в бараках нет ни окон, ни света. Охраняли немцы, которые издевались над нами, как хотели. На площади постоянно расстреливали евреев. Какие мы прошли испытания, в каких мы жили муках! Холод, голод, тиф. В лагере никто не сидел без работы, всем было чем заниматься. Очень тяжелые воспоминания, да и не все помню.

Освободила нас Красная Армия 18 марта 1944 года.

Отец умер 23.12.1944 г., мать умерла 15.11.1988 г. Сестра Фаина, как бывший малолетний узник фашизма, проживает сейчас в Германии.

ВАСЮКОВ
Олег Казимирович

**СЛУХАТИ І ВЧИТИСЯ, І ЗАВЖДИ
ПАМ'ЯТАТИ**

**(Автобіографічна сповідь у прозі і віршах
колишнього малолітнього в'язня Харківського
фашистського концтабору смерті «Дробицький
Яр», інваліда війни)**

«Поділившись із нами своїми спогадами про те, що Вам довелося пережити у роки Холокосту, Ви дали поколінням можливість відчувати свій особистий зв'язок з історією... У далекому майбутньому люди зможуть побачити обличчя, почути голоси, дізнатися про долі. Вони зможуть слухати і вчитися, і завжди пам'ятати.

Стівен Спілберг»

З листа від 25 березня 1997 р. Лос-Анджелес, Каліфорнія, США

А війна мені і досі сниться,
Хоч минуло більш півсотні літ
З того дня, як бомбами фашистів
В пекло перетворений був світ.

І не гояться ще й досі рани
Як на тілі, так і у душі —
Хоч і помирають, здається, рано,
Але так несила вже і жить.
Та одне мене з життям цим в'яже
Й крила не дає мені зложити:
Хто нащадкам про усе розкаже,
Що нам довелося пережити!..

Цим уривком з мого вірша, а також винесеними у заголовок і в епіграф рядками з листа до мене автора знаменитого антифашистського фільму «Список Шіндлера», президента Міжнародного Фонду візуальної історії Холокосту «Врятовані у Катастрофі» кінорежисера Стівена Спілберга я хотів би розпочати свою розповідь про пережите в роки воєнного лихоліття у фашистському концтаборі і після втечі з нього, вважаючи при цьому за доцільне не відривати цей період життя від наступних періодів, бо дитинство нашого покоління, обпалене вогнем Другої світової, назавжди залишилося з нами, вкарбоване у пам'ять і серце, визначивши не лише особливості нашої свідомості і характеру, але і сам подальший наш життєвий шлях, нашу долю.

Тож почну свою автобіографічну сповідь спочатку, згідно до традиційних канонів, що вимагали «втиснути» нестандартне життя кожної людини у стандартні та ще й обов'язкові (без пропусків) графи «Анкет» і «Особистих листків по обліку кадрів», які, як це не дивно, не ліквідовані повністю ще і сьогодні, за виключенням хіба що однієї — «знаменитої» 5-ї графи («національність»), що в новітні часи випала чомусь з паспортних бланків. От тільки невідомо — на благо чи на шкоду власників паспортів нового зразка.

Оскільки ж моя сповідь не зобов'язує мене з однаковою повнотою відповідати на усі пункти згаданих вище «анкет», то я дозволю собі більш докладно зупинитися лише на тих моментах автобіографії, які, на мою думку, могли відігравати і відігравали важливу роль у моєму житті, у формуванні автора «Сповіді» як людини, як фахівця, як особистості, при-

четної до творчої діяльності. Адже ми були не лише об'єктами, свідками, часом, жертвами епохи, але і її суб'єктами, учасниками подій і процесів на переломних етапах далеко не простої історії нашого суспільного буття. А тому спогади, свідчення, роздуми окремої людини можуть набувати узагальненого, історично і громадсько цінного значення, зокрема, для майбутніх, більш об'єктивних, незаангажованих сьогоденними інтересами та ідеологічними догмами дослідників нашого буремного — величного і трагічного — ХХ століття.

Я, Васюков Олег Казимирович, народився 19 листопада 1932 року в Україні, у місті Харкові, в родині інженера Харківського електромеханічного заводу (ХЕМЗ) Васюкова Казимира (Кузьми) Олексійовича, 1904 року народження, українця, і Васюкової (дівоче прізвище — Ельтерман) Марії Григорівни, 1904 року народження, єврейки за національністю, педагога-вихователя дитячих установ дошкільного віку.

У довоєнні роки ми проживали у помешканні на проспекті Сталіна (колишня Старомосковська вулиця), 191, кв. 6. Відвідував дитячий садок, потім пішов у школу. Вчився грати на скрипці, полюбив літературу, музику, мистецтво, вирішальну роль у чому відіграла для нас із моїм старшим братом Женею наша мама — всебічно обдарована, духовно красива, добра і лагідна жінка.

Але страшна війна, що мов смерч, увірвалась в наше життя, в один момент все обірвала, перевернула, зруйнувала...

24 жовтня 1941 року після безперервних бомбардувань і артилерійських обстрілів німецько-фашистські війська вдерлися у Харків, хоча мешканців до останнього дня запевняли, що Харків не буде здано ворогові, а усякі сумніви у цьому — це дії «панікерів» і «диверсантів-провокаторів». Такі «запевнення» лише дезорієнтували людей. Для єврейського ж населення, що не встигло евакуюватися, і фактично було «здане» на поталу нацистів, все це обернулося страшною трагедією, що переросла у Катастрофу.

14 грудня 1941 року по усьому місту були розклеєні об'яви, в яких німецька окупаційна влада вимагала, щоб «усі жиди», незалежно від віку, становища, хрещення, в тому числі і родини від змішаних шлюбів та їх діти, протягом однієї доби переселилися у старі, покинуті бараки часів будівництва Харківського тракторного заводу. Того, хто не виконає наказу, чекав розстріл. Так, під загрозою неминучої загибелі, пройшовши по морозу у багатотисячному натовпі приречених на смерть людей багатокілометровий шлях на уготовану нам гітлерівськими людоджерами Голгофу, час від часу відбиваючись від нападів грабіжників і мародерів з числа місцевих погромників, що брутально і безкарно орудували при потуранні німецького окупаційного режиму і так званої «Української поліції» вздовж усіяної трупами нещасних людей дороги від центральних районів міста до самого тракторного заводу, наша родина — я, якому лише минуло 9 років, мій 14-літній брат Женя, мама, дідусь Герш Аронович, дядя Арон і тьотя Броня Ельтермани (наш тато у той час вже перебував на фронті) опинилися у Харківському єврейському гетто, яке насправді виявилось страшним фашистським концтабором знищення, що по аналогії з київським Бабиним Яром увійшов в історію Холокосту під назвою «Дробицький Яр», в якому загинули десятки тисяч євреїв — жертв нацизму.

Коли після усіх нелюдських знущань, грабунків, насильств, садистських тортур гітлерівських бандитів і їх мерзенних посіпак-поліцаїв почалися у концтаборі вже масові розстріли, коли смертельні «акції» по тотальному знищенню всіх в'язнів концтабору наблизилися і до нашого бараку, з якого у першу чергу есесівці і поліцаї почали силоміць витягати, вививаючи з рук ридаючих матерів, усіх дітей віком до десяти років, щоб вкинути їх у «газенвагени»-душогубки (під час останньої такої «акції» ледь не загинув і я), тоді нашою родиною за слізною вимогою нашого дідуся та інших престарілих родичів, яких ми не хотіли залишити самих, було прийнято рішення про негайну втечу, чим би це не закінчилося.

В ніч з 25 на 26 грудня 1941 року під прикриттям заметілі, що як на щастя розпочалася, ми з мамою і старшим братом,

переповзаючи від кучугури снігу до кучугури, пролізли під колючим дротом табірної огорожі, що час від часу обстрілювалася з кулеметів, і вирвалися з концтабору. Потім почалися наші довгі і тяжкі поневіряння під виглядом біженців, яких скрізь було чимало, по селах і хуторах Харківщини впродовж усіх років фашистської окупації аж до визволення Червоною Армією у серпні 1943 року.

Та радість визволення була раптом затьмарена трагічною смертю мого старшого брата Євгена — учасника молодіжного загону громадянської самооборони, що загинув від рук фашистських прислужників-поліцаїв, які, ховаючись від народного гніву, чинили всілякі терористичні акти. Похований Євген Васюков на сільському цвинтарі с. Олексіївка Первомайського району Харківської області, де турботами сільчан-трудівників КСП «Дружба» нещодавно було оновлено пам'ятник над його могилою, що взята під охорону держави (про це розповідає вміщена у цій збірці моя поема-реквієм «Пам'ять рідної землі»).

Як стало нам відомо пізніше, на другий день після нашої втечі з концтабору там почалися масові розстріли, внаслідок яких разом із тисячами в'язнів «Дробицького Яру» загинули і всі наші родичі. Сьогодні їх імена записані у Мартирологу виданої у 1991 році у Харкові «Книги Дробицького Яру», а також навіки вкарбовані у Книгу Пам'яті Національного Інституту Холокосту і Героїзму «Яд Вашем» в Єрусалимі. Знаменно, що девізом Музею Холокосту в Ізраїлі є такі слова із священних книг біблійських пророків, сказані про героїв і мучеників єврейського народу: «**ІМ ДАМ Я В ДОМІ МОЄМУ І В СТИНАХ МОЇХ ПАМ'ЯТЬ І ІМ'Я, ЩО НЕ ЗГЛАДЯТЬСЯ**» (Ісає).

День нашої Великої Перемоги 9 травня 1945 року ми зустріли у райцентрі Велика Писарівка Сумської області, де моя мама працювала завідувачкою організованого нею дитячого садка, а я вже на той час вчився у 5 класі місцевої середньої школи.

Після демобілізації батька з лав Радянської Армії повертаємось у рідне місто Харків, звідки у серпні 1946 року пере-

їздимо до Львова — на місце призначення тата на роботу на львівському заводі «Контакт» спочатку начальником виробництва, а потім головним інженером. На базі цього підприємства і за активної участі мого батька було пізніше розпочато створення виробничих потужностей для наступного випуску знаменитих львівських телевізорів.

У Львові я пішов навчатися у 6 клас — спочатку у СШ № 12, а потім у відому своїми славними традиціями 8-му середню школу, яку з відзнакою закінчив у 1951 році. Тоді ж був опублікований у газеті «Вільна Україна» мій перший вірш «Незабутнє», присвячений вчителям і вихованцям моєї рідної школи, рівно як і всім моїм ровесникам — випускникам перших повоєнних літ. Там, зокрема, є такі рядки:

Десять грізних, вікопомних років
Ми пройшли через війну і мир,
Щоб здійснити мрій порив високий
Про життя і праці творчий вир.
І якими б ми не йшли шляхами,
Пам'ятаймо: ми — одна сім'я!
Вдячними згадаємо словами
Незабутнє Вчителя ім'я!

І хоч віршувати я розпочав з раннього дитинства (в нашій родині, як я вже говорив, взагалі панував запроваджений мамою культ поезії, музики, мистецтва), та саме з цього, вперше надрукованого, вірша я веду відлік початку моєї поетичної творчості, що поряд з іншими видами моєї професійної діяльності — журналістикою, філософією, науково-педагогічною працею — стала знаком і вибором долі, моїм покликанням, жагучою духовною потребою, радістю і втіхою в житті, способом самореалізації і самоствердження у світі.

Значний вплив на моє формування як літератора мало навчання (з 1951 року) на літературному відділі редакційно-видавничого факультету Українського поліграфічного інституту ім. Ів. Федорова (нині Українська Академія Друкарства), а з 1954 року на факультеті журналістики Львівського

держуніверситету ім. Ів. Франка з його знаменитою літературною студією «Франкова кузня», з якої вийшло на широку дорогу творчості чимало нині знаних поетів і прозаїків України. У 1955 році студійців «Франкової кузні», авторів нашого першого літературного «Альманаху» (1954), тепло привітав патріарх української літератури поет-академік Максим Тадейович Рильський своїм посланням «Студійцям львівського університету», відзначивши, між іншим, один з моїх віршів такими дорогими для мене словами: «Хороша пісня — справді пісня!» Про це я пізніше розповів у вірші «І Рильський нас благословив... (Спогад львівського літстудійця)», вміщеному у моїй збірці поезій «Відродимось любов'ю і красою» (Львів, 1994).

Після закінчення університету в 1956 році працюю в Золочівській міськрайонній газеті «Серп і молот» на Львівщині. Тут став організатором і керівником районного літературного об'єднання, створеного при редакції газети. Потім — праця у багатотиражці Львівського університету, а з 1959 року — на Львівській студії телебачення, де поєднав в одній особі і постасі редактора, репортера, коментатора і ведучого телепрограм.

З набутим досвідом тележурналістської роботи і зібраним матеріалом з практики і теорії молодого мистецтва телебачення поступаю в 1961 році до аспірантури при кафедрі філософії Львівського держуніверситету ім. Ів. Франка, де підготував, а пізніше і захистив першу в Україні кандидатську дисертацію, присвячену філософсько-естетичним проблемам молодого вітчизняного телемистецтва.

На початок 60-х років — час відомої соціальної «відлиги» в нашій країні — припадає і активна моя участь у літературно-мистецькому житті міста, зокрема, у діяльності львівського Клубу творчої молоді, де я веду молодіжний лекторій «Людині — прекрасне», формуючись і зростаючи у колі таких же молодих, як і сам, поетів і прозаїків, акторів і музикантів, художників, критиків і журналістів, що скоро стануть відомими представниками тієї когорти вільнодумної художньо-творчої інтелігенції, яку у наші дні шанобливо будуть називати «шістдесятниками».

Не полишаю оцю літературну, художньо-освітню і естетико-виховну громадську діяльність серед молоді і в наступні

роки, керуючи, зокрема, з 1964 по 1991 рік Університетом естетичного виховання студентів у Львівському державному інституті прикладного і декоративного мистецтва, а з 1988 року — Львівським літературно-музичним об'єднанням ім. В. Висоцького. Одночасно беру участь в роботі Центру єврейської культури ім. Шолом-Алейхема та Російського культурного центру Російського товариства ім. О. Пушкіна у Львові. Час від часу зустрічаюсь на авторських вечорах із любителями поезії Львова та області. З 1961 року — член Спілки журналістів України, а з 1990 року — лауреат творчого конкурсу «Гласність».

З 1964 року по 1991 рік викладаю філософію та естетику у Львівському інституті прикладного і декоративного мистецтва (нині — Львівська Академія Мистецтв). Кандидат філософських наук, доцент, автор низки наукових статей, монографій, колективних збірників і науково-методичних посібників з філософсько-естетичних проблем художньої культури.

З 1991 по 1996 рік працюю в системі народної освіти України, зокрема, у Львівському обласному науково-методичному інституті післядипломної підготовки вчителів, а також в ряді середніх шкіл, читаючи курси філософії, етики й естетики. Одночасно продовжую роботу над науковою монографією, присвяченою творчості генія епохи італійського Відродження Леонардо да Вінчі, зокрема, історії написання його знаменитого живописного шедеву — «Джоконди». Ще в 1974 році, коли цей твір експонувався в Москві, у Державному музеї образотворчих мистецтв ім. О. С. Пушкіна, я присвятив йому свій вірш — «Моя Джоконда», що став відразу ж після опублікування (а особливо після появи романсу композитора Анатолія Кос-Анатольського на мої слова) досить відомим:

Над таїною посмішки Джоконди
Почесну варту п'ять віків несуть.
Присвячено трактати їй і оди,
Та незбагнена Жінки тої суть!

Так, збагнути суть тої Жінки і того Твору, якому на початку Третього тисячоліття виповнюється 500 років — мета моєї монографії, над якою працюю вже більш як чверть століття. Сподіваюсь, до вказаної дати опублікувати дослідження, якщо, звичайно, знайду спонсорів, а здоров'я дозволить завершити труд життя. А поки що після видрукуваного у 1999 році другого — доповненого — видання моєї російськомовної збірки поезій «Пока еще горит свеча » (перше видання, що вийшло в 1994 р. одночасно з українською збіркою «Відродимось любов'ю і красою», швидко розійшлося) готую до друку третю збірку віршів, куди увійдуть, як ті твори, які свого часу були опубліковані, хай і в «урізаному» вигляді, так і ті, що в умовах цензурного тиску не могли бути опубліковані й писалися, як то кажуть, «у стіл». В збірці будуть і нові твори, написані в останні роки.

Попри усі складності нашого нинішнього життя, я упевнений у кінцевій перемозі розуму, справедливості, добра, міжнаціональної злагоди, порозуміння і миру у нашій державі. Цій меті я намагаюся сприяти і усією своєю творчістю, про що може засвідчити ось цей — програмний, як на мене, вірш, що дав назву виданій українською мовою у 1994 році у Львові моїй збірці поезій «Відродимось любов'ю і красою»:

Відродимось Любов'ю і Красою,
Утвердимось Правдою й Добром,
Щоб в єдності із Вірою Святою
Здолати усі біди і все зло!

О, дай нам, Боже, Злагоду і Згоду,
Непримиренним спокій поверни,
Аби в ім'я майбутнього народу
Не допустити розбрату й війни.

Допоможи нам вгамувать жорстокість,
У душах милосердя посели,
Щоб у боріннях за мету високу
Негідних засобів не ужили.

Відродимось Любов'ю і Красою,
Утвердимось Правдою й Добром,
А в єдності із Вірою Святою
Здолаємо всі біди і все зло!

Львівська композитор Галина Мартиненко поклала цей твір на музику і він став публічно виконуватись. Щасливий тим, що перша строфа цього вірша перетворилася на крилатий вираз.

У зв'язку із згаданою вище актуальністю для України, як багатонаціональної держави, проблемою міжнаціональних відносин, хочу згадати і з вдячністю та любов'ю відзначити, що зразком високої краси, благородства і культури цих взаємовідносин були і назавжди залишаться для мене, моєї родини, дітей і онуків, усіх наших рідних, близьких і знайомих мої батьки — мама-єврейка і тато-українець, яких усі, хто їх знав, пам'ятають і згадують як людей високопорядних, кришталево чесних, доброзичливих, духовно багатих і воістину гарних (з чим погодиться кожен, глянувши на їх фотознімок у молодості). Позбавлені будь-яких рис і передсудів національної обмеженості і ксенофобії, сповнені глибокої поваги до усіх добрих і чесних людей, незалежно від їх національності і вірувань, вони пронесли крізь усі роки і випробовування свою велику любов один до одного, взаємоповагу і вірність, що проявилися у самовідданому служінні своїй родині, своїм народам, культуру, мови, традиції і звичаї яких взаємно шанували і любили, передавши цю повагу і любов у спадок молодим поколінням родини, в яких вони знайшли своє продовження і добру незгладиму пам'ять. Про це говорить у моїх віршах «AVE MARIA!», «Моя Берегиня», «Мій родовід», надрукованих у згаданих вище і присвячених моїм батькам двох збірках поезій.

З дитячих літ на власні очі побачивши і на собі переживши усі страхіння фашистсько-нацистського геноциду, з біллю спостерігаючи і часом відчуваючи прояви ксенофобських ексцесів, я давно прийшов до висновку про нагальну необхідність

послідовної і безкомпромісної боротьби з усіма цими огидними явищами, надзвичайно небезпечними для багатонаціонального народу України, для молоді незалежної Української держави, як і для любого іншого народу, любой іншої держави.

Не зважаючи на усі перешкоди на нашому шляху до справжньої демократії і цивілізованого способу життя, я вірю у прекрасне майбутнє талановитого, працьовитого, мужнього, гуманного і доброзичливого до всіх націй і народностей українського народу, свідомість і душу якого ніколи і нікому не вдасться отруїти смертельною і смердючою отрутою расизму, нацизму, ксенофобії і їх найогиднішого різновиду — антисемітизму, що є найпершою, найбільш підступною, підлою і мерзотною зброєю усякої фашистської і неофашистської бандитви, хамоти, подонства і жлобівні. Боротися з цими огидними явищами — обов'язок кожної чесної, мудрої, благородної, по-справжньому культурної і гуманної людини, тим більше наукової інтелігенції, філософів, поетів, митців — інтелектуальних світочів і духовних провідників народу, що хоче бути вільним, мудрим і щасливим. В міру своїх сил і можливостей я все життя працював і намагаюся зараз активно працювати у цьому напрямку, бути корисним родині і суспільству, служити людям своїм поетичним і публіцистичним словом, не зв'язуючи себе з жодними політичними партіями чи рухами, а сповідуючи вічні загальнолюдські цінності, виражені у таких морально-етичних і філософських категоріях як Істина, Справедливість, Добро, Краса і Любов.

ЯД ВАШЕМ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ХОЛОКАУСТА И ГЕРОИЗМА,
ИЕРУСАЛИМ, ИЗРАИЛЬ.

ДАФ-ЭД

ЛИСТ
СВИДЕТЕЛЬСКИХ
ПОКАЗАНИЙ

י"ד ושמ

ת.פ. 3477, ירושלים
Yad Vashem
P.O.B. 3477 Jerusalem

חוק זכרון השואה והנבחרה - תשי"ג 1953
קובץ כספים מס' 2:

תפקידו של יד-ושם הוא לאסוף אל המולדת את זכרים של כל אלה מבני העם היהודי, שנכלו ומסרו את נפשם, לחסו ומרדו באויב הנאצי ובעווריו, ולהציב שם זכר להם, לקהילות, לארגונים ולמוסדות שנחרבו בגלל השתייכותם לעם היהודי.

(ספר החוקים מס' 132,
י"א אצל תשי"ג 28.8.53)

ЗАКОН ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ЖЕРТВ НАЦИЗМА И
ГЕРОЕВ СОПРОТИВЛЕНИЯ - ЯД ВАШЕМ ОТ 1953-5713 ГОДА

устанавливает во втором параграфе:

задачей ЯД ВАШЕМ является сбор документов и увековечение на Родине ПАМЯТИ ВСЕХ ЕВРЕЕВ, которые погибли, пали жертвами в борьбе против нацистского врага и его пособников, а также увековечение памяти общин, организаций и учреждений, уничтоженных потому, что они были еврейскими.

פרטי הניסוח: לא לרשום את שמו של כל ניסוח על דף נפרד ולכתוב באותיות דפוס ובנקוד
Бланк заполняется на каждого погибшего в годы Второй мировой войны (в оккупации, на фронте, в эвакуации). Просим писать разборчиво.

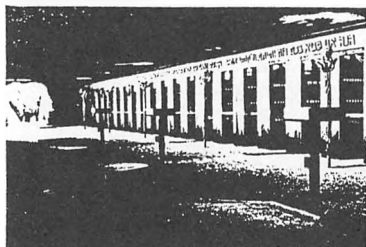
תמונת הניסוח (דרכון) לא לרשום את שמו של הניסוח על הדף השני של התמונה Фотопграфия погибшего/ей. (не обязательно) На обороте написать фамилию и имя.	Фамилия погибшего/ей Васюков Имя погибшего/ей Генрих (Евгений) Девичья фамилия (замужней женщины) — Холост Семейное положение М 5 1927 Пол Дата рождения / прим. возраст Место рождения Украина, Харьков (город, область, страна)	1. שם משפחה מנוקד: 2. שם פרטי: 3. שם משפחה קודם: (איש, לפני נישואים) 4. תאריך לידה/גיל משוער: Дата рождения / прим. возраст 5. מקום לידה מקום:	
	מать — Мария Эльтерман погибшего/ей — девичья фамилия Отец — Казимир погибшего/ей Муж / жена — погибшего/ей — девичья фамилия жены	6. מקום מגורים מנוקד: 7. מקום מגורים מנוקד: 8. מקום מגורים מנוקד: 9. מקום מגורים מנוקד: 10. מקום מגורים מנוקד:	11. מקום מגורים מנוקד: 12. מקום מגורים מנוקד: 13. מקום מגורים מנוקד: 14. מקום מגורים מנוקד:
	Место жительства до войны Украина, Харьков Место жительства во время войны Яд 25.12.1941г. - еврейское харьков - свое гетто после победа - отряд самообороны Дата гибели 9.11.1943г. 14 תאריך/שנה: המוות: Профессия Учащийся погибшего/ей	15. מקום המוות: מנוקד: 16. מקום המוות: מנוקד: 17. מקום המוות: מנוקד: 18. מקום המוות: מנוקד:	19. מקום המוות: מנוקד: 20. מקום המוות: מנוקד: 21. מקום המוות: מנוקד: 22. מקום המוות: מנוקד:
	Данные подпавшего лист Я (фамилия, имя) Васюков Олег являюсь по отношению к погибшему/ей братом (сын, родственником и т. п.) Мой адрес 290008 Украина, Львов-8, ул. Лысенко 3 кв. 5а тел. (0322) 46 53 09	23. מקום המוות: מנוקד: 24. מקום המוות: מנוקד: 25. מקום המוות: מנוקד: 26. מקום המוות: מנוקד:	27. מקום המוות: מנוקד: 28. מקום המוות: מנוקד: 29. מקום המוות: מנוקד: 30. מקום המוות: מנוקד:

"...ונתתי להם בבית ובחומות יד ושמ.. אשר לא יכרת."

"...ИМ ДАМ Я В ДОМЕ МОЕМ И В СТЕНАХ МОИХ
ПАМЯТЬ И ИМЯ, КОТОРЫЕ НЕ ИЗГЛАДЯТСЯ."

ИСАИЯ 66:8

ПРОЛІСКИ ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ

YAD VASHEM
The Holocaust Martyrs' and Heroes'
Remembrance Authority
Jerusalem

יד ושם
רשות חינוך
לשואה ולגבורה
ירושלים

P.O.B 3477 ת.ל.
ISRAEL

...23-12-1998...г.

Уваж. Г-н/Г-жа. *Васильев С.*

Настоящим подтверждаем получение...!

свидетельских листов для увековечения памяти Ваших близких,
павших жертвами нацистского геноцида.

Содержание заполненных Вами листов будет внесено в память
компьютера, а оригиналы будут храниться в Зале имен Мемориала
Катастрофы и героизма европейского еврейства Яд Вашем.

Возможно не все ваши друзья знают о существовании Зала
имен и увековечении в нем памяти евреев-жертв нацизма. Мы
будем вам очень благодарны, если вы расскажете им об этом.

Примите пожелания здоровья и всех благ

Отдел увековечения памяти имен жертв Катастрофы

11/12/98

SURVIVORS OF THE
SHOAH
VISUAL HISTORY FOUNDATION.

25 марта 1997 г.

Oleg Vasiukov
Lysenko Str., 3 Apt.5A
Lvov, 290008
Ukraine

Уважаемый господин Vasiukov!

Поделившись с нами своими воспоминаниями о том, что Вам довелось пережить в годы Холокоста, Вы дали поколениям возможность ощутить свою личную связь с историей.

Ваше интервью будет тщательно сохранено как важная часть наиболее полной библиотеки воспоминаний из когда-либо собранных. В далеком будущем люди смогут увидеть лица, услышать голоса, узнать о судьбах. Они смогут слушать и учиться и всегда помнить.

Спасибо за Ваш неоценимый вклад, за Ваше мужество, за Вашу душевную щедрость.

С глубоким уважением,

Стивен Спилберг,
Председатель Фонда

MAIN OFFICE • POST OFFICE BOX 3168 • LOS ANGELES, CALIFORNIA 90078-3168 • PHONE 818.777-7802 FAX 818.733-0312

ЗАВАЛІЙ Оксана Максимівна

НАВІТЬ ЗАРАЗ СТРАШНО ПРО ТЕ ЗГАДУВАТИ

Я, Завалій (Турчин) Оксана Максимівна, народилася в селі Вербів Бережанського району Тернопільської області.

Добре пам'ятаю, що було весною, в квітні 1944 року. Ми жили на хуторі. Німці приїхали до нас машиною. Батькові сказали, щоб всіх покликав у хату. Я і сестра менша пасли корову, нас покликали. Нас було 6 чоловік. Тато, мама, найстарша сестра — 16 років, друга — 11 років, я — 9 років і найменша — 7 років. Нас забрали в машину і повезли в село, в школу, де тримали всіх людей, яких вивозили. Нас, дітей, спочатку відпустили додому, а коли вивозили всіх з села, приїхали знову машиною. Забрали нас в село, а звідси повезли всіх в Бережани до поїзда. Мама нас понакривала соломою на підводах, щоб назад вернулися, але ми повилізали, сильно всі плакали, почіплялися за спідницю і не відпускали її, і нас всіх забрали. Загнали нас в товарні вагони, закрили двері на замки ззовні. Ми, стоячи, їхали — не було на що сісти, хіба що на підлогу на клунки. Вже як завезли нас далеко, поїзд зупинявся і людей випускали з вагонів. Люди шукали їжу. Пам'ятаю, що мама на вогні закип'ятила навіть якусь воду з риб'ячим порошком в банці з під консервів. На деяких зупинках дуже довго стояли. Коли вже приїхали в Німеччину, завели на вокзалі в великий зал, і там ми також дуже довго чекали. Туди приїхали німці, вибирали собі людей і забирали до себе на роботу. Нашу всю сім'ю забрав німець низького росту, повний, по фамілії Бухнер Йоган. Він був начальником карних таборів і мав велике парникове господарство, де ми і працювали. Жили в бараках, які були побудовані поруч з пар-

никами. Там працювали і жили росіяни, українці, поляки, французи. То було за містом Графельфінгом. Знаю, що це було недалеко від Мюнхена. Видавали на дітей продукти по картках. Але нам карток не давали — німка забирала їх і що хотіла їй скільки хотіла видавала нам продуктів.

Недалеко жив фермер, в нього також працювало багато людей. Ми всі деколи ходили до них, вони приходили до нас. В тих німців не було дітей і вони вмовили моїх батьків, щоб мене віддали їм. Щоб мені було краще, батьки віддали мене. Але коли Бухнер взнав, то відразу викликав тата і сказав, щоб мене забрали назад. І мене забрали. Ми працювали в нього 6 місяців. Потім нас забрав німець Зольтман в місто Мозах. Чому, я не знаю. Він мав великий чотириповерховий будинок. Батько вів йому все господарство. Цей німець мав ставок, де розводили рибу. Сам він був обер-офіцером, був на війні. Приїхав сюди, коли ще війна не закінчилася, і весь цей час носив руку на пов'язці. Мама з старшою сестрою працювали в них на кухні.

Весною ми всі, часом, сиділи на траві і згадували свій дім, і дуже хотіли додому.

Найстрашнішим для нас було те, як вили сирени перед нальотом літаків, бомбардуванням, і особливо вночі. Бувало це й по декілька разів на день. Тоді потрібно було спочатку понакривати матами всі теплиці, щоб не блистіли, а потім — за клунки і втікати в ліс, в якісь рови, під мости. Бомби падали всюди. Всі разом ми ніколи не втікали. Одного разу я з сестрою встигли забігти під міст, як налетів літак, і полетіли кулі нам поміж ноги. На щастя, ми залишились цілі і живі.

Цю частину Німеччини, де ми були, зайняли американські війська. Нас питали, чи ми будемо лишатися, чи будемо виїжджати на Захід, чи будемо вертатися додому. Тато хотів вертатися тільки додому. Це був кінець травня 1945 року. Нас вивозили на Зелені свята. Машини помаїли зеленню. Пам'ятаю, що вивозили нас негри. Ми їх вперше бачили і боялися. Потім, пам'ятаю, що ми їхали трохи поїздом у відкритих вагонах. Бачили ті всі руїни від бомбардувань. Потім йшли пішки — залізничці були розбиті. Багато людей, що

верталися, гинуло, бо знаходили міни різної форми. Не знаючи, що це міни, брали їх в руки і вони розривалися.

Так ми дісталися до Перемишлян, і були майже без речей. А там тато знайшов фірмана, який привіз нас в наше село. Хата наша була без вікон і без дверей. І більше нічого не було. Ні коней, ні корови.

Я думаю, що тяжкі рани залишила ця війна на нашому здоров'ю. Навіть зараз страшно про то все згадувати. Щоб ніколи не повторилася така війна.

Зараз я проживаю у місті Львові, по вулиці Тур'янського, 10а/10.

ЛИМАР

Тетяна Михайлівна

ХВОРИХ НІХТО НЕ ЛІКУВАВ

Під час війни я, Лимар Тетяна Михайлівна, 1924 року народження, проживала у селі Кулебівка Новомосковського району Дніпропетровської області.

В 1943 році, відступаючи, німці палили хати, розстрілювали чоловіків, а молодь забирали в Німеччину. Мене також тоді забрали. Їхали ми в товарних вагонах, які мали маленькі віконця з ґратами. На дверях — по 2-3 солдати з автоматами. Невідомо, де поїзд зупинився, нас погнали у якийсь двір, намазали всіх гасом, одержу забрали на дезинфекцію. У дворі, де було повно солдат, ми, голі, сиділи з годину. Потім нас погнали через двір до приміщення, де ми мали одягнутись, і ми, молоді дівчата, голі бігли через двір під свист і улюлюкання солдатів. При вході до приміщення нас рахували — били плоскою палицею по голому тілу. Як потім з'ясувалося, це

був Перемишль, пересильний пункт. Посадили нас в інший поїзд, і приїхали ми на станцію Райхенберг (Ліберець).

Тут нас чекали власники заводів, бауери. Першим до нас підійшов Гутор і почав вибирати собі робітників: хапав за руки, заглядав до рота, бив по плечах. Тих, кого він відібрав (і я серед них), посадили в автобуси і привезли до лісу, де знаходились і завод, і табір. Умови життя були жахливі: з чотирьох боків — вишки і солдати з автоматами, дощані бараки, огорожа з колючого дроту, двоповерхові нари з дощок, на воротах — замки. Принесли нам хлопці, яких раніше сюди пригнали, стружки, брезентові матраци. Хлопці вже були такі голодні і сподівалися, що ми маємо, що їсти, і ми з ними поділимося.

Прийшов начальник табору, попередив, як ми маємо себе поводити. Звали його Герберт. Оділи нас у табірні зелені костюми, почепили на грудях табличку «Ост», взяли відбитки пальців, дали номери (мій — 456), кликали нас по номерах. На другий день погнали нас на завод. Я працювала на свердловальному верстаті. Годували нас щодня одним і тим же: гнила картопля і якась червона рідина, 200 г хліба навпіл з тирсою, іноді капуста з хробаками.

Взимку було дуже холодно. Висушити одяг не було де. В чому ходили, у тому і спали. Часто хворіли. Почалася епідемія тифу. Хворих на тиф кидали до одного бараку. Ніхто їх не лікував, щодня виносили обгорнуті папером трупи і скидали в яму у лісі.

Була я і в карцері: підвальне приміщення 1 м x 1 м, ні сісти, ні зігнути ноги. Холодно, темно, вода і хлорка.

В 1945 році, навесні, годувати нас не було чим. А ми вже чули вибухи снарядів. Людей почали потроху вивозити. Кажали, в інший табір, але потім дізнались — в крематорій. Вибирали слабших. Попала в цей список і я. Мене чехи попередили, і вночі я втекла з табору. Переховувалася у чехів на горищі, поки не прийшли наші.

КАБЛУЧКО
Лідія Володимирівна

НЕХАЙ БЛІШЕ НІКОМУ НЕ ВИПАДЕ ТАКА ДОЛЯ

Моя мати, Шендерук Надія Остапівна, 1919 року народження, проживала в мальовничому селі Ганівка Липовецького району Вінницької області. Була одружена з гарним білорусом Сміловим Володимиром Іллічем. В 1939 році в них народився син. Життя було спокійне і сповнене радощів. Але недовго тривало їхнє мирне життя. В червні 1941 року почалася війна. А вже в серпні у селі з'явилися німецькі загарбники. Не минуло і року, як німці почали вивозити молодих людей на працю до Німеччини.

У травні 1942 року мою матір разом із сином та іншими молодими людьми насильно було вивезено до Німеччини на примусові роботи. Мати вже була вагітна. Везли їх до Німеччини як ту тварюку, в брудних переповнених вагонах. В Німеччині направили їх на роботу до бауера в село Дендорф, що в районі міста Лейпциг. Працювала вона там недовго, так як за неповагу до німців її було заарештовано і кинуте в тюрму. А причина була в тому, що син бауера помочився в миску, з якої мати їла, а мати, не довго думаючи, все те вилила німцеві на голову. Там, в тюрмі, в жовтні 1942 року я і народи-

лась. Пізніше, уже десь в 1950 році, про це мені мати дещо і розповіла.

Народилася я дуже квола. Їсти не було що: замість соски мати давала жовану брукву, зав'язану в ганчірку. Мати працювала на важких роботах, а щоб мене покормити, по два рази на день її водили під конвоем. Дітей тримали в окремому бараці. Лежали ми з братиком на одних нарах. Зимою руки і ноги опухли, робились водянки. Щоб полегшити мої страждання, мати голкою проколювала ті водянки. Через дуже погане харчування, антисанітарні умови утримання здоров'я моє було дуже погане. В 1945 році звільнили місто Лейпціг. Але перед самим приходом визволителів фашистські звіри багато дітей повбивали прикладами автоматів, навіть жаліли патронів. Я зі своїм братом лежала на нарах «валетом», ми були накриті рядниною, так фашист братові розбив голову і він помер. А мене, коли після війни мама і я приїхали в Україну, направили у Львівську обласну лікарню «Охматдит», де я довгий час лікувалася.

Через таке «щасливе дитинство» я до 1950 року не ходила. Бабуся моя мене весь час возила в колясці. Тільки не в такій, як зараз, а в саморобній. Після всього пережитого мати психічно захворіла, тому дату мого народження встановила судмедекспертиза, і вона не збігається з дійсною. Після того, як мене підлікували, в 1951 році влаштували в Рава-Руський дитячий будинок, де я і закінчила сім класів. Нехай більше нікому не випаде така доля, яку мені прийшлося перенести в дитячому віці. Я заміжня, маю хорошого чоловіка, двох хороших діточок. Працювала, а тепер вже на пенсії.

МАШТАЛЕР
Ганна Іванівна

ПОЛІЦАЇ І СТАРОСТА СКАЗАЛИ: «ЗБИРАТИСЯ!»

Я, Машталер Ганна Іванівна, народилась 10 грудня 1925 року в селі Зарубинці Андрушівського району Житомирської області. Засвідчую деякі спогади про те, як нас вивозили в Німеччину на роботу.

Я боялась тих фашистів. Як побачу, що їдуть в село, то ховалась де могла. З району направляли до старости посильного з наказами, а староста виконував всі ті накази фашистів. Передали старості наказ скільки треба на роботу до Німеччини, і староста назначав тих, хто йому не подобався. На другий день він і поліцаї під'їжджали до хати і силою забирали людей. В 1941 році я працювала в господарстві, з якого нібито не брали до Німеччини. Але в 1942 році староста мене назначив, не подивився, що я працюю в цьому господарстві. Крім мене і багато інших забрали. То було в листопаді. Прийшли поліцаї і староста, сказали: «Збиратися!» І ще староста мені сказав: «Якщо втечеш, спалю хату». Багато того року відправили з села, але я думала втекти, і багато так думало.

Не доїхавши до Перемишля, поїзд зупинився і нас випустили по своїх потребах (в туалет). Там протікала річечка. Я була в сірому піджаку. Кущі і земля були також сірі. Мало

було снігу. Я там, і ще одна дівчина зі мною, присіли під кущем. І я говорю їй: «Якщо прикладом дасть, тоді встану». Тут над головою пробіг фашист з криком, але нас не помітив. Поїзд пішов, і так ми залишились.

Сонце уже сідало, але ми дістались села. Просились на ніч, і добрі люди прийняли, і ще нагодували нас. Ми в них переночували, а раненько встали і пішли на станцію Медика. На станції Медика зустріла я свого сусіду. Він також втік зі своєю дівчиною. Вона перед тим вже була в Німеччині. Але її відпустили, бо вона там тяжко працювала і отримала розтяжку жил — їй дали документ і вона приїхала додому. Але поліцаї і староста і не подивилися на її документ, а вдруге відправили її до Німеччини.

І ми, тепер вже четверо, дочекались вечора, коли поїзд їхав у Львів. До Львова ми приїхали вночі. У сусіди були гроші і він сказав мені: «Ганя, у нас є гроші, ми поїдемо, а ти візьми цей документ, може він тобі допоможе». І вони поїхали. І так ми з дівчиною дістались до Підволочиська. Це був кордон між Східною і Західною Україною. Переночували на станції, а рано заходить німецький офіцер і питає документ. Я йому показала, а тоді він звертається до дівчини, що зі мною. Я йому говорю, що вона загубила його, а офіцер повів нас до начальника станції. Ми чуємо, що вони спорять. Нарешті вийшов з перекладачем і сказав, що зараз буде їхати віденський поїзд і вас перевезе через кордон.

Так ми, в тамбурі, переїхали на Східну Україну. А там у нас були українські гроші. В дорозі ми були два тижні. Трошки йшли, трошки їхали.

А в серпні 1943 року староста знову видав мене, в другий раз. Тоді була оголошена мобілізація всієї молоді до 1926 року народження. І були облави, і поліцаї грузили у вагони, а над кожним вагоном будка, і в ній — фашист з автоматом. Вночі партизани прорізали в вагоні підлогу і тікали на ходу поїзда. Тікало не знаю скільки, але двох зловили і заставили викопати яму, і вбили. А інших заставили засипати могилу, а нас заставили дивитись, щоб не робили так.

Привезли нас у велике місто Нюрнберг. На станції — погорілі вагони, а в них корови. Нас вже чекали фашисти, і повели в табір. Там нас не прийняли і повели далі.

Цілий день йшли, аж вечором прийшли. А там ще місця ми димляться обгорілі голівешки і руїни після бомбардування. Дали нам суп з капусти і води, а також по дві картоплини в мундирах. В першу ніч була повітряна тривога. І в першу ж ніч поранило 11 чоловік.

Табір був великий — 1200 чоловік. На завод далеко було йти, тому будили нас поліцаї о 4 годині ранку.

Годували дуже погано: вода, бруква або капуста, їх ледве видно. Якщо попаде кусочок або два картоплі, то добре. На день — 200 грамів хліба. А хліб такий, що, проковтуючи, аж боліло. Хотіла попросити хліба, а поліцай побачив, зловив і цілу ніч в карцері ми простояли — ні присісти. Добре, що була тривога, то випустили, і на завод треба було йти.

Визволили нас американці, союзники, які відносились до нас добре.

Точно не пам'ятаю, ніби-то через місяць відправили нас радянським військам, де я добровільно в армії працювала 6 місяців, аж до грудня 1945 року, в саперному батальйоні у підсобній частині. Там були корови, яких ми доглядали, щоб прогодувати наших воїнів, які знаходились на території Німеччини.

Коли повернулась на Батьківщину, пройшла фільтрацію (1 місяць) у Ковелі. Після цього дісталася додому.

ШВАРЦ Рухля Вольковна

НЕМЦЫ ПОДОЖГЛИ ДЕДУ БОРОДУ

Я, Шварц (Дратва) Рухля Вольковна, родилась в селе Дзыговка Ямпольского района Винницкой области. Когда началась война, мне было всего 8 лет. Отец ушел на фронт, мать осталась с двумя детьми, одна из которых была инвалидом с детства (1929 года рождения). В июне 1941 г., когда уже шла война, и в село входили фашисты, у меня родилась еще одна сестра. Накануне люди в селе начали эвакуироваться кто куда. Один наш родственник, который имел семью из 8 человек и в хозяйстве коня, забрал и нас, и мамину сестру с двумя детьми. Мамина сестра была очень больна, у нее был порок сердца. Мы успели доехать только до Томашполя, а навстречу нам — немцы. Уже шли слухи, что наше село горит, и возвращаться было некуда. Но моя мать начала просить, чтобы мы все вернулись: «Пусть от моего дома останется один пепел, я сяду с моими детьми и буду сидеть».

Другого выхода не было, и мы пешком еле добрались домой. Оказалось, что село не горело. Немцы как раз начали входить в село. У мамы начались роды, а помочь ей было некому. Так в эту ночь родилась младшая сестра. Наутро в наше село вошел карательный отряд. Мама взяла ребенка на руки и убежала прятаться. Эти немцы в какой-то квартире нашли красный флаг и тех, кто не успел спрятаться, били этим флагом.

У моих дедов по матери и по отцу были бороды. Немцы зажгли солому и соломой подожгли им бороды. Крики моих дедов были слышны по всему селу. На второй день «местечко», где находились дома почти всех евреев села, огородили колючей проволокой и выгнали всех из квартир. Каждый раз нас очень сильно били. Мы же, дети, выживали кое-как. Нам

тогда пощады не было. Нас всех каждый раз выгоняли на площадь и отмечали в списках красным и синим карандашом. Местное население — украинцы — просили, чтобы нас не убивали, так как мы, мол, нужны были им как ремесленники.

В Винницком архиве сохранились эти списки, и по ним нас признали малолетними узниками гетто. Писать можно много, но уже и годы, и сердце не позволяют. Можно написать и целую книгу...

В 1945 году мы пошли в школу и День Победы уже праздновали в школе. Отец вернулся в 1945 году. Дошел до Берлина. Родители мои уже умерли. У меня двое детей. Уже есть и внуки. Но раны войны и тяжелое детство дают о себе знать.

Пусть это никогда не повторится. Пусть наши дети будут узнавать о войне только по книгам и кино.

ПУСТЕЛЬНИК Фрида Мойсеевна

ТОГО, КТО НЕ МОГ ИДТИ, УБИВАЛИ

Я, Пустельник (Вайсберг) Фрида Мойсеевна, родилась в городе Ямполе Винницкой области. Когда началась война, мне было всего три года. Отец ушел на фронт, мать осталась с детьми.

Люди в Ямполе начали эвакуироваться кто куда. Бабушка (по матери), Флейдер Рывка, жила в селе Яруга Винницкой области в 20 км от города Ямполь. Она послала своего соседа Войцеховского Ивана Васильевича в Ямполь, чтобы он забрал нашу семью. Мама, Вайсберг Эстер Шмулевна (девичья фамилия Флейдер), 1905 года рождения, увидев Войцеховского, очень обрадовалась, но напрасно. Она собрала все вещи на подводу и пошла одевать детей, а он тем временем согнал с

подводы старших детей и убежал с нашими вещами. Мы остались в том, в чем были одеты. Пришли немцы и румыны. Собрали всех евреев и начали гнать нас в лагерь. Мама взяла двоих детей на руки (моих совсем крохотных сестер Симу и Соню), а меня всю дорогу нес мой брат Изя (1931 года рождения).

Фашисты гнали нас пешком под нагайками в село Шерапановку Винницкой области, а того, кто не мог уже идти, очень били или убивали. В лагере над нами очень издевались, каждый день убивали по 5 человек. Вся семья очень голодала. Спали мы на земле, подкладывая немного соломы. Старший брат ходил между людьми и выпрашивал хлеб, так он нас поддерживал. Через полгода маму и всю нашу семью перевели в лагерь Печера Винницкой области. Там немцы убили мою сестру Симу, бабушку Соню и деда Фроима (по папиной линии), и двух папиных сестер.

Однажды один молодой немец подошел к моей маме и сказал, что лагерь должны уничтожить, а ему жалко ее и ее маленьких детей. Он договорился с одним украинцем, который спрятал нас в своем подвале. Там мы просидели несколько дней, а потом убежали в Могилев-Подольский, где жили наши родственники. С конца 1942 г. до завершения оккупации мы находились в гетто г. Могилев-Подольского Винницкой области. Гетто было окружено колючей проволокой и охранялось румынскими и немецкими солдатами. Мы очень голодали, были голые и босые. Освободили нас только в 1944 году. Мы считали себя все же счастливыми, так как сумели выжить. И не дай Бог всему этому повториться, и моим родным пережить такую страшную и жестокую войну.

КЛАУЗ

Евдокия Иосифовна

ВЕЧНО ПОМНИМ НАШИХ СПАСИТЕЛЬНИЦ

Я, Клауз Евдокия Иосифовна, родилась 8 июля 1929 г. в городе Теплик Винницкой области.

В начале войны моя семья (родители и мы — трое детей) эвакуировались, но попали в окружение немцев и вернулись в родной город Теплик. В октябре 1941 года нас всех загнали в гетто, а 27 мая 1942 года все евреи были уничтожены. Группа случайно оставшихся в живых была отправлена в концлагерь села Остна Христиновского района Черкасской области (в довоенные годы — Киевской области). Там помимо концлагеря для евреев был концлагерь для военнопленных. Концлагерь был обнесен колючей проволокой, охранялся полицией и немцами. Ежедневно всех с 7 часов утра до 8-9 вечера выгоняли на работу, на строительство автотрассы Винница — Умань — Киев. Там работали под присмотром пожилых немцев-коричневорубашечников, то есть нацистов. При малейшей попытке разогнуть спину, передохнуть нас били вырванной из рук лопатой, киркой или резиновой дубинкой, косичкой из проволоки по голове, спине, куда попало.

Все эти наказания испытала на себе и я. Кормили так: утром полчерпака грязно-черной жидкости в глиняной миске и 1/16 буханки хлеба, который очень крошился, так как был из ячменя и деревянных опилок. После работы давали похлебку из чечевицы или гнилого гороха с жучками. Вся пища была без соли, и кормили только работающих. Из концлагеря нас по мере строительства шоссе перевели в село Ивангород Христиновского района Черкасской области, а потом в село Краснопилка Гайсинского района Винницкой области. Когда мы

находились в концлагере села Ивангород, к концлагерю подходили крестьяне и, улучив мгновение, когда полицай смотрел в другую сторону, бросали узникам еду: картошку, кукурузу, свеклу. Там мы познакомились с молодой жалостливой крестьянкой Рябой Килиной и Бессмертной Килиной, которые очень жалели оборванных, измученных и голодных узников.

В селе Краснопилка концлагерь находился в бывшей конюшне. В любое время года спали на голом цементном полу. Комендантом был эсэсовец Бучес, который на лошади въезжал на территорию концлагеря, топча все живое по пути. В выходные дни немцы развлекались тем, что людей выстраивали в колонны — под дождем, снегом, в жару — и заставляли бегать в «рунду» — по кругу, или ползать по грязи до тех пор, пока не уставали потешаться. Много людей после этого уже не поднималось с земли. Каждые 2-3 недели проводились экзекуции — отбирали слабых и малых для уничтожения.

Как-то группа эсэсовцев во главе с гауляйтером обходила колонны людей, вышедших на работу, и по его указке прутиками из лозы отбирала жертвы. Когда под ударами Советской Армии немцы начали отступать, особые бригады немцев стали уничтожать всех узников-свидетелей их зверств. Нам удалось бежать из концлагеря, и встреченная нами женщина направила нас в село Сычива, в пустовавший дом на краю этого села. Там мы просидели до ночи следующего дня, а потом отправились к Рябой Килине в село Ивангород. Она прятала нас до 20 февраля 1944 г. (бежали мы 10 декабря 1943 г.) — пока имела, чем нас кормить. Целый день мы сидели на чердаке, спускались только ночевать. 20 февраля 1944 г. мы перешли к ее соседке Бессмертной Килине, где пробыли до 6 марта 1944 г. — дня освобождения села Ивангород от немцев советскими войсками. Помнится, при нашем появлении солдаты не могли понять, кто мы и почему, истощенные и ободранные, целуем им руки, шинели и плачем. Плакали мы, радуясь освобождению и горя, что не дожил до этого дня наш отец, который погиб в концлагере села Краснопилка.

Нет уже в живых наших спасительниц, но память об их благородном поступке — в наших сердцах и поныне.

В вечном долгу мы перед ними. Вечная им память. Государство Израиль присвоило этим самоотверженным украинским женщинам — Килине Рябой и Килине Бессмертной — почетное звание «Праведник Мира».

СМЕТАНИНА Людмила Менделевна

ИЗ НАШЕЙ СЕМЬИ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВОЕ

Я, Сметанина Людмила Менделевна (девичья фамилия Ройтман), родилась 27 апреля 1928 года в городе Балта Одесской области, Украина. Национальность — еврейка.

С августа 1941 г. по 28 марта 1944 г. наш город был оккупирован немецкими войсками. Вскоре после начала оккупации нас привели в лагерь, в гетто. Мы — это мой отец Ройтман Мендель Абрамович, мама Ройтман Туба Борисовна, брат Ройтман Нума Менделевич и я — Ройтман Мила Менделевна.

В Балте гетто находилось на 4-х улицах, огороженных колючей проволокой. Нам, евреям, было приказано носить звезды Давида на груди и на спине. Кто не подчинялся носить эту звезду, того приговаривали к расстрелу и пыткам.

Все четыре года оккупации мы подвергались гонениям, угрозе смерти, голоду. В гетто была «примария», куда каждое утро евреи должны были являться на разные работы под конвоем. Женщины убрали улицы, уборные, выполняли разные работы. Мужчины ходили на строительство железной дороги. Мы выжили благодаря специальности моего отца, который был каменщиком. Его немцы брали на работу и ему давали немного еды, которой он делился с нами. Нам было очень тяжело, и из нашей фамилии осталось только двое детей из

семерых, а остальные все погибли. Папа часто брал меня на работу. Когда немцы в 1942 году ушли за Южный Буг, то к нам пришли воинские части румын и итальянцев. Рядовые солдаты относились к евреям не так жестоко, но очень жестоко с нами обращались полицаи.

В гетто был начальник, он там и жил. Этот садист не щадил ни детей, ни стариков. Не расставался с нагайкой, которую он носил на руке, и она была со свинцом внутри. Он находил жертву всегда. Избивал и после избияния заставлял облизывать свою обувь. Однажды он внезапно ударил меня под колено. С тех пор я осталась инвалидом. Он неожиданно налетал на жертву сзади. Больше всех над нами издевались полицаи гетто. С нами в сарайчике жил врач с женой и дочкой 11-ти лет. Она выглядела старше своих лет и была настоящей красавицей. Оккупанты ворвались, схватили девочку, бросили ее на пол и в присутствии родителей четверо бандитов изнасиловали ее. Отец повесился, а мать умерла от разрыва сердца.

Особенно жестоко оккупанты издевались в конце войны. Зимой мужчин, которые строили железную дорогу и жили в землянках, оккупанты ночью выгоняли на улицу и обливали холодной водой из шланга. В гетто был старый еврей Перельштейн. Ему пообещали сохранить жизнь, но он должен был носить целый месяц на шее собачий хвост вместе с половыми органами, которые бандиты вырезали из убитой ими собаки. Он должен был варить баланду из крапивы и травы и раздавать ее людям. Но большинство людей отказывались от такой еды при виде червей на нем, хотя и умирали с голоду.

Меня спасла женщина — Кушниренко Таня и ее дочь Люба, которые и сейчас живы. Я им очень благодарна. В Балте есть памятник жертвам геноцида, погибшим от рук оккупантов.

Вся моя родня уже умерла, и я живу одна. Я инвалид 1-й группы.

Всё, что написала, я вспоминаю со слезами и помню все ужасы, которые мне пришлось испытать в детстве.

ФЛЕЙДЕР (ГЕРЦЕНШТЕЙН)

Клара Вениаминовна

ОТЦА БИЛИ, А МЫ ПЛАКАЛИ И МОЛИЛИСЬ

Я 1925 года рождения, уроженка Ямпольского района Винницкой области. Во время войны, с конца июля 1941 г. по июнь 1944 г., я проживала в селе Дзыговка этого района. После освобождения я была мобилизована и с июня 1944 г. по 31 мая 1945 г. находилась в 116 стрелковой дивизии Действующей армии.

Это не только воспоминания, это еще одна прожитая жизнь. Война в 16 лет... Это было что-то непонятное: что нас ждет, надолго ли?

Из Бессарабии днем и ночью шли беженцы. Село будто потемнело. «Немцы — это смерть», — только и говорили вокруг. Собралась бежать и наша семья, а куда? Не успели выехать за село, а навстречу — немцы. Мы все и вернулись. Потом, помню, загнали нас за колючую проволоку. Все жители еврейской национальности должны были надеть белые повязки с 6-тиконечной звездой. Кто посмеет покинуть эту огражденную территорию — будет расстрелян. Было жутко. Нас отделили, как диких зверей, от других людей. На нас смотрели только через колючую проволоку.

Мы очень голодали, почти всегда хотели есть. И мы с сестрой были счастливы даже тогда, когда мама находила и приносила траву. У моей мамы был порок сердца, и от голода у неё пухли ноги. Нас с сестрой брали на работу (ей тогда было 13 лет) в комендатуру, и мы целый день носили воду, мыли полы. А отца (он был инвалидом, потерял один глаз) украинцы к себе брали на работу (им это разрешалось). Папа нам всегда приносил хлеб, но однажды ему не удалось пронести буханочку хлеба. Его раздели, бросили на пол, а нас

поставили на колени на целую ночь, и начали бить отца. Отца били, а мы плакали и молились. Мы забыли, что нам хотелось есть, а хотели только, чтобы отец остался жить. Я многое уже забыла, но этот крик отца я помню и сейчас. Отца без сознания бросили в подвал, где без еды и воды продержали несколько дней. Но он выжил. И не дай бог моим детям пережить то, что я пережила в свои 16 лет.

ЧЕРНЕР (ГЕРЖБЕРГ)

Ольга Юхимівна

ВИЖИЛИ ЗАВДЯКИ ТЕРПІННЮ І МИЛОСТІ БОГА

Я, Чернер (Гержберг) Ольга Юхимівна, народилась 20 липня 1922 року в селі Дзигівка Ямпільського району Вінницької області. В'язень гетто з липня 1941 р. по березень 1944 р.

Коли розпочалась війна, я знаходилась в селі Дзигівка. В 19-річному віці, відправивши чоловіка на війну, залишилася із свекрухою та із її чотирма дітьми-сиротами.

До війни я працювала в школі старшою піонервожатою. З червня 1941 по березень 1944 року включно знаходилась в німецькій окупації. В гетто ми були разом із своїми родичами. Там нас тримали за колючим дротом. Кожну ніч нас перераховували і, якщо їм хотілось, вибирали людей і дуже їх били. Ми постійно голодували. Під конвоєм нас брали на роботу, а хто не міг іти, того били.

Незважаючи на страждання і муки, дякуючи нашому терпінню і нашому Богу, ми вижили.

ТРУСОВА
Вера Ивановна

Я ИЗ ПАРТИЗАНСКОГО КРАЯ

Я, Трусова (Бронева) Вера Ивановна, 1934 года рождения, уроженка села Сусоева Идрицкого (ныне Себежского) района Псковской области.

Мы жили семьей в маленьком селе, состоявшем всего из 10 дворов. Наша местность граничит с Белоруссией (с Витебской областью). В 1943 году это был партизанский край. Мой брат, которому тогда еще не исполнилось 14 лет, ушел в партизаны. Мать за связь с партизанами в 1943 году была расстреляна карателями на глазах 3-х детей (документы имеются). Мы остались с полуслепой старой бабушкой. Примерно через месяц после расстрела матери жители всего села рано утром были выгнаны немцами из своих домов. Никто не знал, что с нами будет, и потому люди выходили в том, в чем были. Иные брали с собой какие-то вещи, пищу, а наша бабушка несла перед собой икону. Мы вышли полуголыми и полубосыми.

Завели нас всех за село и остановили. Мы стали прощаться друг с другом. Думали, что нас будут расстреливать, ведь в Белоруссии таким образом были уничтожены многие села, о чем мы хорошо знали. Но нас погнали дальше. И так мы шли от села к селу. К нам присоединяли жителей всех попутных

сел. Через три дня мы, пройдя по кругу, были снова в 2-х километрах от своего села. Нас уже было несколько сот человек. Тут нас погрузили на машины и привезли в районный центр Идрицу. Поместили за колючую проволоку и так содержали несколько недель. Затем погрузили в товарные вагоны так, чтобы можно было только стоять, и повезли. Везли долго. Привезли в Германию. С нами были и учителя, и другая интеллигенция района. Поэтому мы узнали, что нас привезли в Мюнхен, в лагерь Дахау. Вместе с нами были многие из нашего села. В Дахау нас продержали где-то до весны 1944 года, а затем, собрав таких, как наша семья (старуха и 3-е малолетних детей), вывезли из Дахау в другой лагерь. Из нашего села мы здесь были одни. К этому времени я сильно заболела и, конечно, не знаю, как назывался наш новый лагерь. Бабушка меня часто прятала, чтобы меня не забрали в лазарет. Оттуда назад никто не возвращался. Так за колючей проволокой мы и встретили освобождение. Меня из лагеря вынесли на руках полуживую. Я поэтому ничего не помню из этого периода. Домой мы возвращались на минное поле. Наша местность при отступлении немцев переходила из рук в руки 9 раз. Можно представить, что там осталось: ямы, мины, снаряды и землянки. Ни одного живого дерева.

Есть было нечего. Мы опухли от голода. Тогда брат (1930 года рождения) со своими сверстниками поехал в Латвию, собирал милостыню и привозил нам, а к весне 1946 г. забрал меня с сестрой туда и устроил к хозяевам пасти скот. А бабушка осталась одна. И так полуголодная и умерла. Мы батрачили до осени 1947 г. Когда осенью мы стали не нужны, вернулись домой, где у нас не было никого. Знакомые земляки определили нас в детский дом. А брат уехал в город Ригу в ремесленное училище.

Много раз мы за этот страшный период смотрели смерти в глаза. Этого забыть нельзя. Больше 20 лет мне каждую ночь снились ужасы войны, немцы с автоматами на груди и овчарки. Я просыпалась от сильного сердцебиения. Наверно, не даром в тяжелый послевоенный период правительство нашло средства и организовало специальные детские дома, куда поме-

щали лишь тех детей, оба родителя которых погибли, а не умерли. В 1949 г. мы с сестрой также были переведены в такой детдом с усиленным питанием, с психологами для прохождения реабилитационного периода. По выходе из детского дома я закончила факультет механики вечернего института и отработала 42 года.

Микола ПЕТРЕНКО

БОРГ ЗА МАЛЕНЬКУ ПОЛОНЯНКУ¹ **(Слово про Лідію Кузьменко)**

«Ліда Кузьменко щойно закінчила перший клас, коли почалася війна. Жили вони тоді з матір'ю під Ленінградом, де неподалік проходив військову службу Лідин батько. Очевидно, загинув у перші дні війни. А Ліді з матір'ю доля уготувала бути невільницями. Спершу вони потрапляють у місцевий табір, невдовзі їх вивозять до Німеччини. Там знову табір, уже суворіший. Певне полегшення наступило з весни 1943 року, коли Ліду з матір'ю «орендував» сільський господар: мав чимале господарство, кілька корів, свиней, а діти в самого малі. Лідиній матері довелося працювати в полі, на винограднику, в городі й біля худоби. Проте більше не було проблеми з харчуванням — хай не найкраще, проте було вдосталь.

У господаря було троє дітей. Отілія була майже Лідиною ровесницею, тож Лілі праглося ходити разом до школи. Не дозволили. Тому вона самотужки переймала від хазяйської дочки деякі знання, непогано вивчила мову. Може, більше

¹ За матеріалами одного з авторів-упорядників цієї книги письменника Миколи Петренка, колишнього малолітнього в'язня фашистських концтаборів, що були надруковані у газеті «Високий замок» (місто Львів) за 15 січня 1999 р.

дружилося з сусідською родиною: ті належали до якоїсь по-таємної релігійної секти, проповідували рівність і милосердя...

Визволили їх американські війська, і вже невдовзі Ліда з матір'ю переїжджають в радянську зону окупації Німеччини, хоча додому їх поки ще не відпускають: разом з багатьма збирають урожай на перестояних полях переданих Польщі землях. Восени — «фільтраційний» табір під Рава-Руською. Невдовзі мати отримала можливість працювати у Львові майстром трудового навчання в дитячій дівочій колонії Львова. Тут Ліда вчилася, закінчила школу, працювала — кілька років на різних роботах, а потім більше тридцяти років на заводі «Електрон», де стала кваліфікованою працівницею.

В самої сімейне життя ладилось і не ладилось, все ж нині тішитися сином і внуком, щоправда син уже два роки є безробітним.

Певно, обставини нинішнього життя спонукали Лиду Йосипівну шукати своїх колишніх німецьких господарів, особливо це стосувалося оформлення потрібних документів.

Газета «Голос Гальброннера» в серпні 1995 року кілька разів друкувала матеріали про пошук Лідиних господарів. Вони знайшлися, хоча в селі лишився жити лише старший син Густав. Проте першою відгукнулась саме сусідка-євангелістка: приїхала у відпустку з Канади і натрапила у місцевій газеті саме на це повідомлення. Лист від неї, лист від Густава Бартенбаха — і ось вони зустрічаються. Зустрічаються на німецькій землі, зустрічаються у Львові. Сюди Густав з дружиною приїздили вже вп'яте. На цьому зупинимось бодай трохи детальніше. Виявляється, Густавова дружина Елізабет свій вільний час віддавала праці в благодійній місцевій організації, діяльність якої спрямовувалась на країни Східної Європи. Тепер для Елізабет адреса стала конкретнішою: Україна, Львів, а сама робота чіткішою і продуктивнішою.

Не можу говорити про допомогу самій Лідії Йосипівні — якось не дуже випадало розпитувати. Проте Спілці колишніх неповнолітніх в'язнів фашизму родина Бартенбахів привозила посуд для офісу, партію ліків, деякі побутові речі. А кільком львівським лікарям (на вулицях Топольній, Коновальця, За-

лізничний та інших) — унікальне обладнання, інвалідні коляски, лікарські препарати. «Це не лише наш борг, це й наш обов'язок», — пояснила своє старання пані Елізабет.

Вони розуміють, що саме колишні остарбайтери, в'язні німецьких таборів та гетто, насамперед з України, потребують належної компенсації за своє сплюндроване дитинство, за свій рабський труд. Визначено, що ціна кожного невільничого робочого дня має становити п'ять дойчмарок. Колишні в'язні в Ізраїлі, в Америці, країнах Західної Європи таке відшкодування одержують. Нині ряд колишніх великих німецьких концернів ладні виплачувати певне відшкодування і тим робітникам зі Сходу, які в ті часи працювали в їхніх цехах. Проте відшкодування має стосуватися всіх, де б хто не працював, чи був ще неповнолітнім, навіть зовсім дитиною. Тож наша держава має займати твердішу позицію і щодо розподілу нацистського золота, збереженого в швейцарських банках, і щодо визначення суми пенсій.

А праця самозречливих колишніх господарів Лідії Кузьменко має служити зразком у вирішенні проблем жертв нацизму».

КУЗЬМЕНКО (Добрякова) Лідія Йосипівна. Народилася в 1933 р. в селі Камінці під Ленінградом. Весною 1942 року разом із матір'ю була вивезена на примусові роботи в Німеччину. Спершу перебувала в таборі, потім до кінця війни — в господарстві бауера В. Бартенбаха біля Штутгарта. Нині на пенсії. Далі підтримує тісні зв'язки із дітьми свого колишнього господаря.

Олег ВАСЮКОВ

**НИКТО НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!**

ПАМЯТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ
поэма-реквием

Светлой памяти моего старшего брата – бывшего узника Харьков-ского фашистского концлагеря смерти «Дробицкий Яр», а после побега из него бойца молодежного отряда самообороны – Евгения Васюкова, погибшего в суровом 1943 году под селом Алексеевка, ныне Первомайского района Харьковской области, а также всем его ровесникам, павшим в Великой Отечественной войне нашего народа против немецко-фашистских оккупантов, посвящаю эту поэму.

Одновременно выражаю глубокую благодарность труженикам КСП «Дружба» во главе с его председателем Николаем Ильичем Оксененко, всем тем добрым и благородным людям, которые приняли самое активное участие в деле изготовления и установки памятника над могилой моего брата, похороненного на Алексеевском кладбище.

«Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...»

Владимир Высоцкий

I

На Алексеевском погосте
Среди ухоженных могил
Еще с войны близ двух березок
Едва заметный холмик был.
Не защищенный обелиском
Или отметиной какой
Он все же выстоял, хоть близко
Оградки подошли стеной
Могил другого поколения,
Что выросли после войны,
Прошло ведь больше столетия,
Как пали Родины сыны
В той битве грозной, самой страшной,
Какой весь свет еще не знал,
Недаром наш народ отважный
Ее Великою назвал.

По всей стране, во всех селеньях
На кладбищах — то там, то тут
Немало есть захоронений,
Что братскими у нас зовут.
И одинокие могилы
Есть — без табличек иль крестов...
Кто в них? Как звали? И поныне
По ним еще рыдает кто?

II

На Алексеевском погосте.
Среди ухоженных могил
Еще с войны близ двух березок
Едва заметный холмик был.
Но люди сердцем понимали,
Что нет погибших без имен
И холмик тот оберегали,
Чтоб не исчез бесследно он.

И вот сквозь боли и утраты,
Сквозь лет жестокий листопад
Безвестную могилу брата
Нашел его родимый брат.
По описаньям и приметам
Заросший холмик отыскал
И по родительским заветам
К земле священной той припал...
И люди миром — всем колхозом —
Ему воздвигнуть помогли
Надгробье брату — близ березок —
Как дар своей родной земли,
Где четко на стальной пластине
На все грядущие года
Начертано родное имя,
Когда рожден — погиб когда.

Здесь покоится
ЕВГЕНИЙ ВАСЮКОВ
5.IX.1927 — 9.XI.1943
Харьков — Алексеевка
ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ
Отец мама брат

Евгений Васюков.

Фрагмент из семейного снимка 1940 г.

Теперь прочесть сумеет каждый:
И станет каждому вдомек,
Что юноше, в той битве павшему,
Шел лишь семнадцатый годок,
Что путь земной он только начал,
Едва узнав любви расцвет...
Война всю жизнь переиначила,
Оставив свой кровавый след.
Но этот след не затерялся:
Как и в сознании людском,
Он в ПАМЯТИ ЗЕМЛИ остался,
Что вечный наш хранит покой.
Так пусть же дети наши, внуки
Ту память свято сберегут
И эстафетой — из рук в руки —
Передадут и понесут,
Чтоб вновь не повторился ужас
И смерч военных грозных лет:
Пока народов-братьев дружба
Жива, надежней силы нет!

III

На Алексеевском погосте
Времен войны бойца могила
Меня с сельчанами сроднила,
Как брата, а не просто гостя.
Какие бы еще невзгоды
Над нами вновь не пронеслись,
Друзья, я с вами! На все годы!
На всю оставшуюся жизнь!
Хотя уж за шестой десяток
Счет повели мои года,
Но старший брат мой старшим братом
Был и остался навсегда.
Я с ним советуюсь, сверяю
Свой каждый шаг с его судьбой,
С его характером, моралью,
Веленьем чести боевой
И совестью кристально чистой,
Что и не всем сейчас понять,
Как шли на смерть за Честь Отчизны,
А не на то, как «баксы взять»...
Но, как сказал Певец наш славный,
Герои, павшие в боях,
В беде народ наш не оставят —
Они и ныне на часах!
А это значит: у народа
Жив дух героев той войны
И что казацкого мы рода,
А не какой-нибудь шпаны,
Что мы — наследники Победы
В одной из величайших битв,
А, значит, нынешние беды,
Как в дни войны, мы победим!

IV

На Алексеевском погосте
Среди ухоженных могил
Еще с войны близ двух березок
Едва заметный холмик был.
Но люди сердцем понимали,
Что безымянных нет могил —
Надгробьем холмик увенчали,
Чтоб не исчез с лица земли.
Пусть был боец из мест нездешних,
Но пролилась его тут кровь,
А, значит, Память и Любовь
Здесь прописались с ним навечно.
На скромной поминальной тризне
Оркестр военный не играл,
Но для родной своей Отчизны
Брат сердце юное отдал.
И пусть не мамы милой слезы
(Ее давно в живых уж нет),
Капель задумчивой березы
Над ним прольется по весне.
И пусть не девушки любимой
Услышит голос он порой,
А нежной песни соловьиной
Ночную трель над головой...

27.VI – 2.VII 1997 г.,
с. Алексеевка Первомайского района
Харьковской области

Олег ВАСЮКОВ

«AVE MARIA!»

Светлой памяти, моей мамы – бывшей узницы харьковского еврейского гетто, фашистского концлагеря смерти «Дробницкий Яр» – Марии Григорьевны Васюковой (девичья фамилия Эльтерман), которой я обязан своей жизнью и спасением от гитлеровских убийц в годы Второй мировой войны

Мне всегда было очень трудно обращаться к воспоминаниям о пережитом в годы Великой Отечественной войны нашего народа против немецко-фашистских захватчиков, в частности, о судьбе жертв гитлеровского геноцида против еврейского народа, о трагедии Харьковского концлагеря смерти «Дробницкий Яр», его узниках, мучениках, жертвах... Каждый раз думаешь: с чего начать? Может быть, с этой и поныне бередящей память, разрывающей сердце и душу картины са-

мого начала трагедии, разыгравшейся после вступления фашистских войск в город Харьков.

...С 24 октября 1941 года — момента оккупации фашистами г. Харькова, жизнь его еврейского населения, не успевшего по каким-либо причинам эвакуироваться, была превращена в сплошной ад. Лишенные всяких человеческих прав евреи, как первые жертвы нацистского геноцида, были подвергнуты самым жестоким издевательствам — избиениям, грабежам, насилию, захвату в заложники с целью вымогательства и «возмездия» за малейшие акты неповиновения представителям «нового порядка», удушениям в «душегубках» — специально оборудованных для этого автофургонах, публичным расстрелам и виселицам — главным образом только за то, что они были евреями, будь-то ни в чем неповинные дети, женщины, старики, инвалиды...

А с 15 декабря 1941 года все еврейское население города, в том числе и наша семья — моя мама Мария Григорьевна Васюкова (Эльтерман), мой старший брат четырнадцатилетний Геня и я, которому только минуло девять лет (отец наш, кстати, украинец по национальности, в то время находился на фронте в рядах защитников Родины), а также другие родственники по линии семьи Эльтерманов (дедушка Гирш, дядя Арон, тетя Броня), под угрозой расстрела фашистами и их местными прислужниками-полицаями были насильственно изгнаны из своих жилищ и переселены в так называемое Харьковское еврейское гетто, созданное на территории заброшенных бывших бараков Харьковского тракторного завода, и сразу же превращенное в страшный лагерь уничтожения. По аналогии с киевским «Бабьим Яром» Харьковский концлагерь смерти получил название «Дробицкий Яр», так как в рядом расположенном глубоком и длинном Дробицком Яру были расстреляны, заколоты штыками, а очень часто и заживо закопаны тысячи харьковских евреев.

Из общего количества обреченных на смерть узников концлагеря в 30 тысяч (хоть есть свидетельства и о цифре в 60 тысяч, что ближе к истине), лишь немногие смогли вырваться из ада. Среди тех, кому волею Провидения и ценою

неописуемых жертв и страданий удалось (здесь даже неуместно слово «посчастливилось», ибо, временами, оставшиеся жить завидовали мертвым!) осуществить побег, были моя мама, я и мой старший брат Евгений, мужеству и самопожертвованию которого мы обязаны своим спасением от неминуемой гибели в Дробицком Яру.

**Мои родители —
Мария и Казимир Васюковы
на свадебном снимке.
Харьков, 1926 г.**

**Моя мама (в темном платье)
на первом послевоенном снимке.
Весна 1945 г.**

А было это так.

Когда в ободранных, грязных и холодных бараках гетто, переполненных умирающими от побоев, голода и жажды узниками — жертвами фашистского геноцида, гитлеровские садисты и их пособники широко и демонстративно развернули зверские «акции» очередных масштабных грабежей, насилия и убийств и всем стало ясно, что не сегодня так завтра начнется не «выборочное», а уже массовое, «тотальное», уничтожение поголовно всех заключенных в концлагере; когда пьяные полицаи этого даже не скрывали, вымогая издевательствами и изуверскими пытками у своих жертв какие-либо еще не отобранные ценности, выламывая и отрубая им пальцы, чтобы заполучить не сразу поддающиеся снятию кольца или перстни, вырывая заранее принесенными с собой клещами золотые коронки вместе с зубами и кусками челюстей изо ртов обезумевших от боли и ужаса беззащитных людей; когда фашистские изверги в облике человеческом начали выхватывать из рук рыдающих и падающих в обморок матерей их детей и бросать в подогнанные к воротам бараков душегубки, ибо «цивилизованные» убийцы предпочитали всех детей до девяности лет «просто» задушить газом, чем ставить их рядом со взрослыми у края глубокого яра и стрелять им в затылок, «нерационально» растрачивая патроны; когда мои мама и брат, удерживавшие меня до последних сил, были отброшены ударами эсэсовских прикладов, а полицай, волочивший меня от барака к душегубке начал избивать меня сапогами до потери сознания за то, что я, сопротивляясь, прокусил ему зубами до крови руку (может, это — в конечном итоге — меня и спасло, потому что я бездыханный и весь в крови остался лежать на снегу, в то время как душегубка, до отказа заполненная кричащими, но вскоре навсегда умолкшими детьми, отъехала от нашего барака, чтобы эту же «акцию» повторить завтра); когда с наступлением ночи (а это было 25 декабря, в канун нового — 1942 — года, по поводу чего фашистские людоеды с бляхами «Гот мит Унс» («Бог с нами») на кожаных поясах начали распивать «шнапс» и наигрывать на губных гармониках в своих теплых «каптерках», мой старший брат

Геня, раздвинув доски, которыми было заколочено окно барака, под прикрытием начавшейся густой метели извлек меня из-под сугроба, втащил в барак и вместе с мамой, пришедшей к тому времени в сознание, растерев меня снегом, вернул меня к жизни, — тогда наш дедушка Гирш Аронович Эльтерман — добрый старый труженик, сапожник-заготовщик с мудрыми глазами и белой бородой библейского пророка взмолился перед нами, не желавшими оставлять его и других престарелых родственников на произвол судьбы, и настоял, чтобы мы немедленно, во что бы то ни стало, пока темно на дворе и идет густой снег, любым путем покинули этот лагерь смерти, чтобы хоть кто-то вырвался из ада, был спасен и когда-нибудь поведал миру о том, что здесь со всеми произошло...

Ночью, под покровом метели, где перебежками от сугроба к сугробу, где ползком под рядами колючей проволоки, время от времени освещаемой ракетами, выпускаемыми из ракетниц, и обстреливаемой пулеметами, мой брат Геня воистину чудом (может, помогли и молитвы нашего дедушки) вывел нас из концлагеря. Очень помог выпавший накануне глубокий снег, в который можно было по сигналу Гени (следя за его шапкой, которую он то снимал, то надевал на голову, подавая условные знаки) быстро упасть, зарыться, отдышаться, переждать момент опасности. До сих пор не перестаю удивляться, где только силы брались у изможденных, избитых до смерти беглецов из ада преодолеть все препятствия на пути к спасению. Наверное, неистребимая жажда жизни! И уж, конечно, помощь нашего Бога, который не оставил нас в беде!

...Проведя остаток ночи в огромном снежном сугробе, который нас укрыл от морозного ветра, мы рано утром вышли на дорогу, идущую к Харькову.

Чуть передохнув, что-то покушав и на дорогу заполучив узелок сухарей в доме сестры моего отца — Полины Алексеевны Васюковой (Бондаревой), которая отдала маме свой «аусвайс» — подобие удостоверения личности (на всякий случай — за неимением других документов), спешно покинули цепенеющий от голода и холода, ужасов облав, душегубок и виселиц, оккупированный гитлеровцами город и направились в

сторону поселка Мерефа, куда вереницами шли многие харьковчане «менять» свои пожитки хоть на какие-то продукты питания.

Так начался долгий и тяжкий период скитания нашей семьи по захваченной фашистами украинской земле, когда каждую минуту, в каждом селении, где хозяйничали гитлеровцы, беглецам из концлагеря угрожала смерть на виселице.

Семья Васюковых на последнем довоенном снимке. 1940 г.

Но Господь Бог хранил нас, а мир даже в тех страшных условиях оказался, как говорится, не без добрых людей. В обстановке всенародной беды основная часть нашего населения (за исключением, разумеется, гнусных предателей, местных нацистов, антисемитов) проявляли сочувствие, сострадание, милосердие по отношению к беженцам из разоренных и сожженных фашистами городов и сел, не очень допытываясь, кто какой национальности. Многие понимали, что горькая доля узников и беженцев может постигнуть каждого из них. К тому же в каждом селении, почти в каждой хате жили семьи, в которых кто-то был в рядах Красной Армии, в партизанах, а кого-то оккупанты насильно угнали на рабские работы в Герма-

нию. Этим простым труженикам, старикам-крестьянам, солдатским матерям, женам и вдовам, украинцам, русским, людям других национальностей, мужественно переносившим все горести войны и страстно ожидавшим скорейшей победы над ненавистным врагом, обязаны мы тем, что выжили.

В семьях, где находили временный приют, мы — беженцы-горожане — научились выполнять многие сельскохозяйственные работы — пахать, сеять, полоть, молотить, веять зерно, белить хату, обрабатывать огород, пасти коров, стирать белье в реке, за что сельчане кормили нас, не давая умереть с голоду.

Волею переменчивой судьбы войны, находясь в зоне активных боевых действий (а Харьковщина была именно такой), когда линия фронта передвигалась то в одну, то в другую сторону, мы вместе с женщинами-крестьянками и ребятами-подростками в короткие периоды «прихода наших» работали «на окопах», на сооружении оборонных рубежей для Красной Армии, а попав снова в окружение при отступлении наших войск под Харьковом, помогали бежавшим из плена красноармейцам, перепрягивали и лечили раненых наших бойцов, осуществляли связь с партизанами, поддерживали, как могли, в людях веру в нашу победу над фашизмом.

После долгожданного освобождения Харьковщины от немецко-фашистских захватчиков в августе 1943 года все члены нашей семьи включились в работу по восстановлению всего того, что было разрушено войной, внося свой посильный вклад во всенародную борьбу за изгнание ненавистного врага с родной земли. Знаменитый лозунг «Все для фронта, все для победы!» не был тогда для нашего народа пустым звуком! (Вот если бы подобный лозунг прозвучал сегодня в нашей стране и на него с таким же энтузиазмом откликнулся народ — давно бы выбрались из тяжелого экономического кризиса!)

...Однако, счастье освобождения и радость от получения первой весточки с фронта от отца — жив! — было внезапно омрачено трагической гибелью моего старшего брата Евгения — шестнадцатилетнего уже в ту пору юноши, участника формировавшихся во время войны в освобожденных от врага районах из допризывников молодежных отрядов гражданской

самообороны. Он пал от рук скрывавшихся от народного возмездия предателей — бывших фашистских полицаев. Раненый автоматной очередью в живот, Женя умер в больнице села Алексеевка (Первомайского района Харьковской области) и был похоронен на алексеевском сельском кладбище. Как позже мы узнали, последними словами смертельно раненого юного бойца наряду с именем мамы, которая будет убита горем, узнав о гибели сына, были и строчки из его любимой довоенной песни «Орленок»:

«Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет!...»

Первоначально установленный на могиле Евгения Васюкова в качестве памятного знака большой осколок от авиабомбы со временем куда-то исчез: может, ушел глубоко в землю, а, может, был унесен кем-то на металлолом. Вот почему новое надгробие над заново отысканной могилой «Орленка», как называли его друзья по отряду, будет установлено значительно позже, уже в середине 90-ых годов с помощью и участием тружеников КСП «Дружба» села Алексеевка, о чем я рассказал в своей поэме-реквиеме «Память родной земли».

...Спасенная от гибели в фашистском концлагере «Дробицкий Яр» благодаря мужеству моего старшего брата наша мама Мария Григорьевна дождалась вместе со мною Дня Победы (мне тогда минуло уже двенадцать лет), возвращения с фронта моего отца Васюкова Казимира Алексеевича, вместе с которым мы возвратились из села Великая Писаревка (где с 1944 года проживали и где моя мама работала заведующей детским садом) в г. Харьков, а уже оттуда в 1946 году переехали во Львов — на место назначения моего отца на работу — сначала начальником производства, а затем главным инженером завода «Контакт». На базе этого завода и при активном участии моего отца позднее будут созданы производственные мощности для выпуска популярных в свое время львовских телевизоров.

Моя мама — Мария Григорьевна Васюкова — одна из тех немногих матерей-узниц фашизма, жертв Холокоста, которой удалось вместе с детьми вырваться из ада, каким был лагерь смерти «Дробицкий Яр», и ценою невыносимо тяжелой борьбы за существование, за жизнь своих двух сыновей, преодолевая горе невосполнимых утрат, дожить до нашей великой Победы, которую она вместе со всем нашим героическим народом приближала, как могла.

Мама не раз настоятельно меня просила написать о трагедии «Дробицкого Яра», подчеркивая, что мне это будет сделать легче, чем ей, ибо детская память более цепкая, чем у взрослого человека, пережившего те же самые страдания много лет назад. Она даже оставила несколько десятков страниц своих воспоминаний о пережитом, хоть делать это ей всегда было очень тяжело и больно. Эти отрывочные и разрозненные записи чудом выжившей узницы и непосредственной свидетельницы трагедии Харьковского «Бабьего Яра» (как в народе называют концлагерь смерти «Дробицкий Яр») еще предстоит восстановить, издать и представить людям и миру, чтобы впредь ужасы Катастрофы, связанные с невиданным геноцидом германского фашизма против еврейского народа, не повторился. Нигде и никогда!

Частично я просьбу моей мамы выполнил в записанном мною в 1997 году на видеокассету по инициативе Международного фонда визуальной истории Холокоста, президентом которого является Стивен Спилберг, двухчасовом рассказе о трагедии «Дробицкого Яра». И хоть этот невыносимо тяжелый для меня рассказ, больно всколыхнувший в памяти, душе и в сердце все пережитое в годы минувшей войны, несколько раз прерывался из-за необходимости принять очередную дозу валерьянки, я все же довел рассказ до конца, ибо хорошо понимал, что если я этого не сделаю сейчас, когда уже установлена в моем доме спилберговская записывающая аппаратура, то я, может быть, этого уже не сделаю никогда, а то, что я знаю и помню о трагедии «Дробицкого Яра», о Катастрофе моего народа во Второй мировой войне, умрет со мною навсегда. И

я счастлив, что мой рассказ удостоился высокой оценки президента фонда визуальной истории Холокоста знаменитого Стивена Спилберга, приславшего мне трогательное благодарственное письмо (факсимиле которого наряду с другими документами воспроизведено в этой книге).

...Терпеливо и мужественно преодолевая все горести, трудности и заботы нашего послевоенного бытия, на которое в годы смертельной схватки с фашизмом возлагалось нашим народом столько надежд, моя мама Мария Григорьевна завершила свой жизненный путь 8-го декабря 1985 г. — на 82 году жизни. Умерла она в воскресенье, пополудни, в кругу своей семьи, почти мгновенно, сохраняя до последней секунды жизни ясность сознания и спокойное мужество человека, честно прожившего всю свою жизнь и до конца исполнившего свой долг перед семьей, перед людьми, перед миром и Богом.

Люди, пришедшие проводить мою маму в последний путь, сказали: «Хорошему человеку Господь даровал легкую, быструю смерть и хорошую погоду в день похорон...» Это верно. Может, еще и потому, что смертельные мучения она прошла в годы войны и самые страшные из них — в фашистском концлагере смерти «Дробицкий Яр».

...На небольшой мраморной плите скромного, но со вкусом выполненного памятника, установленного над могилой Марии Григорьевны на одном из львовских кладбищ, под портретом мамы, именем и датами ее жизни я попросил художника написать два слова: «AVE MARIA!» Произведение Ф. Шуберта под таким названием моя мама очень любила и очень часто слушала. До конца своей жизни.

9-го мая каждого года — в День нашей Победы в Великой Отечественной войне, а также 14 декабря каждого года — в день, когда началось массовое уничтожение жертв фашистского геноцида против еврейского народа в Харьковском концлагере смерти «Дробицкий Яр», я зажигаю в моем доме свечи (увы! — много свечей) в память о всех тех, кто в годы Второй мировой войны героически сражался с фашизмом, мужественно переносил все тяготы и лишения во имя разгрома ненавистного врага, кто безвинно погиб от рук во веки веков про-

клятых гитлеровских убийц, а на проигрыватель ставлю полюбившуюся маме пластинку с записью «AVE MARIA!»...

Этот берущий за душу бессмертный реквием великого композитора с каким-то особенным — совсем не детским! — вниманием слушает правнучка Марии Григорьевна, кареглазая, как ее прабабушка, которую она не видела, трехлетняя Анечка. Это уже моя внучка. Значит, жизнь и эстафета поколений продолжается.

«AVE MARIA!»... Пока живем, пока живут и будут жить наши дети, внуки и правнуки, память об ушедших из жизни наших родных и близких — героях и жертвах минувшей войны — не умрет, не угаснет! Никогда!

P.S. Отец наш — Казимир Алексеевич Васюков — пережил нашу маму на десять лет. Прожив с нею в любви и согласии почти шестьдесят лет, поровну разделяя с нею горести невосполнимых потерь и радости наших побед и свершений, он прошел долгий и славный трудовой и боевой жизненный путь в 91 год — дай Бог каждому! — и умер 7 ноября 1995 года. Ему я посвятил изданную в 1994 году на украинском языке свою первую книгу стихов «Відродимось Любов'ю і Краси». Этой книге он успел порадоваться, постоянно ее читал и перечитывал, а стихотворение «Мій родовід» даже выучил на память.

Свою вторую книгу стихов, изданную на русском языке в 1999 году под названием «Пока еще горит свеча...» я посвятил светлой памяти моей мамы, которая любила читать и слушать стихи своего сына и очень хотела увидеть их напечатанными отдельной книжкой. Увы! — эта книжка вышла уже после ее смерти, но там есть стихотворение, посвященное ей. И называется это стихотворение «AVE MARIA!», как и полюбившееся ей музыкальное произведение Ф.Шуберта.

Убежден, что души людские бессмертны. Во всяком случае — я так полагаю — души хороших людей. Моя мама была не просто хорошим, но замечательным человеком. Всесторонне одаренным, мудрым, справедливым, с мужественным сердцем и доброй душой, тонко чувствующей красоту мира, при-

роды, искусства, поэзии. Вот почему верю, что ее душа порадуется этому моему стихотворению, повествующему о том, что ее любят, помнят и никогда не забудут родные ей люди, живущие на этой Земле.

AVE MARIA!

*Светлой памяти моей мамы
Марии Григорьевны*

«Опустела без тебя Земля...»,
Но твой образ, песни, что ты пела,
Вечно будет помнить вся семья,
Что без Мамы вмиг осиротела...

Помнить будет в парке старый вяз —
Ты его особенно любила...
«Коль устанешь, — говорила каждый раз, —
Попроси, сынок, у вяза силы...»

Я теперь который год хожу
К вязу старому и на твою могилу,
У тебя прощения прошу,
У него — и стойкости и силы.

И учу своих я дочерей,
Чтоб поменьше маму огорчали...
Только после смерти матерей
Понимаем, что мы потеряли.

«Опустела без тебя Земля»,
Но твой образ, песни, что ты пела,
Вечно будет помнить вся семья,
Что без Мамы вмиг осиротела.

ШИРМАН
Григорий Моисеевич

ЛЕСНИЧИЙ БРАЛ МЕНЯ К СЕБЕ

Я, Ширман Григорий Моисеевич, 1924 года рождения, родился и проживал в селе Старая Рафаловка Володимерецкого района Ровенской области. До начала войны я учился в польской школе в 7 классе.

В апреле 1942 года, в период оккупации, немцы утнали меня и семью в гетто в селе Новой Рафаловке. Со мной была моя мать Ширман Бася Зеликовна, тетя Ширман Шифра Зеликовна, дедушка Ширман Зелик, бабушка Ширман Фрейда.

Молодых людей, в том числе и меня, забрали и утнали на заготовку дров. И мы ежедневно работали в лесу. Я немного знал сапожную работу, и лесничий брал меня к себе домой.

Находясь на работе в лесу, я выпрашивал продукты и приносил своим родственникам в гетто. Они жили в голоде и холоде, жили четверо в одной комнатухе... Чем мог я им помогал.

В 1943 году мы узнали, что немцы организовали места для расстрела евреев. Я узнал, что дочь лесничего едет в Рафаловку, и попросил ее, чтобы она взяла меня с собой (я хотел выяснить, что там делается). Вскоре я с ней поехал туда на повозке, а затем паромом по речке Стырь. За речкой находились полицейские. Увидев их, я выскочил из повозки и побе-

жал в поле. Они открыли по мне стрельбу. Но я спрятался в посеве картошки, и они подумали, что я убит. Потом я встал и побежал обратно в лес, и сообщил евреям, чтобы они убегали и прятались, а то немцы всех расстреляют. После чего мы разбрелись по лесу...

А потом мы узнали, что наших родственников всех расстреляли — с апреля 1942 года по октябрь 1943 года. После освобождения я был мобилизован в Красную Армию. До июля 1944 года служил в армии, после чего устроился в городе Львове в сторожевую охрану и проработал 40 лет. Сейчас пенсионер.

КОРНИЕНКО
Нина Климовна

ПЕСНЯ «КАТЮША» НАС ПОДБОДРИЛА

По радио шла передача об одном киевском театре и артистах военного времени. Я услышала отрывок рассказа о том, что артистка исполняла песню «Катюша», а присутствующие солдаты, в том числе и пленные немцы, ей подпевали. Они любили эту песню. Артистка думала о своем муже, который

был на фронте, о его любви к ней, а также о бедах, которые принесли нашим людям немцы, слушавшие ее песню.

Меня этот рассказ ошеломил. Ведь, благодаря этой прекрасной теплой песне, я осталась в живых. Мучительно тяжело воспоминания о пережитом в детстве. Я должна разбедить раны, которые едва затянуло время. Я должна пробудить самое мучительное воспоминание и, сделав это, считать себя вознагражденной новым терзанием: а правильно ли я делаю? Ведь сейчас вспоминать, думать, анализировать категориями того времени, а затем высказывать это становится сложно. А мое уважение к истине не дает мне права говорить о тех событиях иначе.

...В 15 лет я была вывезена в Германию на принудительные работы в город Лауф (Пегниц). Детская память зафиксировала переживания военного времени. Мне, ребенку, довелось изведать все горести тех лет.

В комнате деревянного барака лагеря за колючей проволокой, где мы жили, нас было по 18-20 человек. Насекомые (клопы) нас буквально съедали. Утром на работу нас приводили раньше немцев, которые работали в цеху в другой половине помещения. Просьба наша к хозяйке-немке, которая должна была проводить дезинфекцию в комнатах, не давала положительных результатов. И девушки, набрав насекомых, принесли и насыпали их на столы, где работали немцы. Когда в положенное время пришли женщины-немки, они увидели шастающих по столам клопов. Мы думали, что они нас сейчас убьют. Со всех концов раздавались крики: «Русские свиньи!» Но дезинфекция в комнатах была сделана. Цель наша была достигнута. Как я, ребенок, в чужой стране, оторванная от своей земли, родных, голодная, в обносках, работаю, избиваемая по голове мастером-немцем по причине и без причин, могу быть ко всему тому еще и «свиньей»? Все это в моей детской голове не укладывалось. Ведь этих насекомых, которые нас пожирали, мы не производили.

В начале февраля 1945 года из Лауфа (Пегница) нас вывезли в Нюрнберг на уборку разрушений этого города. Затем нас перебросили в город Ансбах. В этом городе было боль-

шое скопление составов на железной дороге. Были составы с техникой, военными, с животными (коровами, свиньями). Авиация союзников бомбежкой превратила все в месиво, парализовав планируемые действия немецкого командования.

Нас привезли и поселили в детском театре, который случайно остался цел. Помню, был он красив. Пол был выложен красивой плиткой, но удобств для проживания — никаких. На голый пол ложиться было очень холодно. Голодные, изнуренные тяжелой работой мы падали друг возле друга и, согревая своими телами друг друга, засыпали и видели сны о счастливом будущем...

Мы рыли в лесу траншеи, в которые затем сбрасывали человеческие трупы и то, в чем разобраться было невозможно. Все это со временем начало разлагаться. Детский разум не мог постичь таких злодеяний над человеком, напрасной гибели человеческих жизней.

Изо дня в день мы копали, рыли, долбили. Силой мы не были наделены — голодали. Каждый день, когда мы ощущали голод, а ощущали мы его постоянно, был мучительно однообразен. Мы чувствовали, что единственное зло в нашей жизни — это голод, и что все силы нашего разума должны быть направлены на то, чтобы избавиться от него. Неужели вся сила нашего разума и весь пыл наших чувств должны быть потрачены на то, чтобы найти способ, как избавиться от голода? Немецкие полицейские строго следили за нами, заставляли все время работать, не давая поднять головы. Вдруг мы услышали, как кто-то виртуозно насвистывает песню «Катюша». Каждая из девушек, как могла, украдкой осматривала местность между деревьями, откуда льется такая родная, теплая, близкая нам мелодия. Это была радость надежды. Каждая из нас мысленно на секунду перенеслась воспоминаниями к семейному теплу, домой. На этом участке работы было примерно полтора десятка девушек. Все поднялись, оставив свои орудия труда. Мы увидели исполнителя песни «Катюша» — немца-заключенного.

Возле города Ансбах был концлагерь. В нем томились и умирали люди всех национальностей и народностей. Мы уви-

дели тележку, которую тянули два человека спереди, а два человека сзади ее подталкивали. Они были в полосатой форме. Тележка была нагружена мертвыми телами, и везли их на захоронение в лес. Два вооруженных немца, полицейских, сопровождали их.

Не было человека, который не испытывал бы ужаса и тоски при виде смерти людей, да еще в таком большом количестве. Хотя человек привыкает к любым обстоятельствам в военное время. Там нет времени анализировать, а есть стремление защитить свою жизнь, сохранить ее. Это, наверно, дар природы, заложенный в человеке.

Рядом с этой процессией шел молодой немец в полосатой форме. Увидев нас, он сразу подошел к нам. Наш первый вопрос к нему был о том, где он так красиво научился исполнять нашу песню. Он ответил: «Это было на вашей Родине». Перебивая друг друга, мы задавали ему разные вопросы. Ведь у нас не было никакой информации о происходящих военных событиях. Мы замечали только излишнюю суетливость немецких солдат, слышали звуки снарядов и бомб, которые иногда разрывались где-то невдалеке. Но при этом мы оставались в полном неведении о том, что творится даже рядом. И тут сам немец нам рассказал, что фронт союзников был от этого города на расстоянии 50-60 км. Кто такие союзники, нам было непонятно, но было ясно, что близок конец нашим страданиям. А что ждет нас впереди? Сам этот немец был в концлагере за то, что его точка зрения на жестокую войну не нравилась немецкому командованию. «Война подходит к концу и Гитлеру капут», — повторил он несколько раз. Его убежденность о близком конце войны передалась и нам. Он своим рассказом воодушевил нас. Ведь гибель человека начинается с утраты воли к сопротивлению. Истомившиеся тело и душа немели от неизвестного будущего и переставали держаться за жизнь и за надежду, которая еще давала силы. В связи с тем, что эта встреча с добрым человеком обнадежила, потянулась нить к жизни, к выживанию.

Моя память стала хранительницей этого события. Она добросовестно исполнила свою обязанность. Об этой встрече

я очень часто вспоминаю наедине с собой. С теплотой и благодарностью вспоминаю человека, который помог мне, в сложившихся обстоятельствах того времени принял участие в дальнейшей моей жизни...

Голод не оставлял нас. Нас не кормили. После работы мы ходили по дворам и просили у жителей-немцев что-то покушать. Одни добрые люди давали пару вареных картошек, другие выпускали на нас собак. Приходилось спасаться бегством от злых животных и злых людей.

На другой день после встречи с исполнителем песни «Катюша» я и несколько девушек пошли по дворам, выпрашивая еду. В одном чистеньком дворе нас встретила молодая хозяйка-немка. Мы высказали свою просьбу, попросили покушать. Она нам дала вареной картошки. Мне она предложила остаться у нее работать.

Мне было очень больно расставаться со своими друзьями — они были по возрасту старше меня. Девушки сказали, что это, возможно, для меня шанс выжить и не умереть от голода. Я осталась у этой хозяйки и работала у нее до прихода войск союзников-американцев.

Концлагерь, в котором был наш «просветитель» о событиях конца войны и исполнитель песни «Катюша», был полностью уничтожен. Все люди, содержавшиеся в нем, были расстреляны. Так поведала моя хозяйка. Когда это случилось, об этом зверстве с возмущением говорили жители.

Мог кто-то остаться в живых? Не думаю. Машина уничтожения работала методично.

**ЛИСИЦЫН
Павел Егорович**

**МНОГИЕ ПОГИБЛИ, А МНЕ УДАЛОСЬ
УБЕЖАТЬ**

Я родился 26 июня 1928 года в селе Жуково Издешковского района Смоленской области. В 1941 году окончил 7 классов. Отец и мать работали в колхозе.

Отца в 1942 году немцы арестовали, увезли в концлагерь, в местечко Дурово Смоленской области. Там он умер голодной смертью. Мать немцы избили до полусмерти, и в 1942 году она умерла. Нас — сестру 1913 года рождения, брата 1935 года рождения и меня — немцы насильно вывезли в феврале 1942 года в Восточную Пруссию. Все имущество конфисковали.

Сначала нас привезли в город Смоленск, в лагерь, а через несколько дней группу детей и женщин погрузили в открытые товарные вагоны вместе с лошадьми. Так ехали целый месяц под ногами лошадей, питались овсом, который давали немцы лошадям. Привезли в Восточную Пруссию, в город Остороде, в лагерь, и поместили за колючей проволокой. Жили в бараках под охраной у большого фермера, который имел много земли и леса. Работали в сельском хозяйстве, без выходных дней. Спали на полу в соломе.

В ноябре месяце 1943 года нас увезли на другую территорию Германии, где проживали в лагерях за колючей проволокой, под усиленной охраной. Работали в основном на земляных работах, копали котлованы и бетонировали под столбы высоковольтной линии. Везли на работу автомашинами, под охраной, и с работы привозили назад в лагерь. Люди — в основном моего возраста. Копали котлованы глубиной три метра, в резиновых сапогах, в воде.

В апреле 1945 года при приближении американских войск нас — большую группу — привезли в населенный пункт, неда-

леко от города Нордхаузен, и поместили в сарае одного бауэра. Через пару дней нас ночью погнали в сторону леса. Американские самолеты начали бомбить нашу колонну и обстреливать её из пулеметов. Многие погибли, а мне удалось убежать из-под охраны в лес. Меня тогда ранило осколком бомбы в голову. Находился три дня в лесу пока нас всех, кто остался в живых, освободили американцы 10 апреля 1945 г.

В августе я вернулся на Родину — в Смоленскую область, в село Жуково.

В декабре 1946 года я выехал в г. Львов, где проживаю до настоящего времени.

Сейчас я инвалид II-й группы.

ГУРНА

Андріяна Михайлівна

РАВЕНСБРЮК — ОДИН З НАЙСТРАШНІШИХ ТАБОРІВ

Я, Гурна (Хомишин), дівоче Удуд, Андріяна Михайлівна, народилася 30 липня 1926 року в селі Задвір'я Бузького району Львівської області. Під час німецької окупації вчилася в торговельній школі міста Львова на вул. Курковій (Лисенка), 14. На навчання доводилось доїжджати поїздом, так як оплатити квартиру батьки не мали змоги. Дня 12 грудня 1942 року під час однієї облави, яку часто робили німці на залізничних вокзалах, щоб відібрати від селян те, що вони везли на продаж до міста (яйця, сало, масло, м'ясо і інші продукти), і я потрапила в таку облаву. За обвинуваченням, що при мені було знайдено листівку, яка закликала народ до боротьби проти нацистського режиму, мене відвезли до львівської тюрми на вулиці Лонцького, 1. Тяжкими допитами і тортурами німці

намагалися взнати, від кого листівка і ким видана. Нічого не взнавши, мене відпустили в квітні 1943 року.

А 12 грудня 1943 р. мене заарештовують вже вдруге. В березні 1944 р. вивозять в Німеччину, в концтабір. Загнали нас, як худобу, в товарні вагони з вартовим у дверях і повезли на захід. По дорозі заїжджали в Грос Розен, де вигрузили мужчин. І там ми вже побачили тортури над людьми, які чекали і на нас. Нас повезли в жіночий концентраційний табір смерті Равенсбрюк. Прибули ми до табору ранком 1 квітня 1944 р. Перше наше знайомство з концентраційним табором складало враження, що це була лазня. Роздягли нас догола, обстригли, забрали все цінне й повели під душ — холодний, потім кожного окремо занурили в дезинфекційну ванну, дали пасясту одягу, сфотографували, взяли відбитки пальців з двох рук. Видали мені особистий номер 33687 — відтепер ти тільки число, під яким маєш голосити кожному есесівцю: «Гефтлінг № такий-то...» Потім повели нас в блок. В блоці писарі заповнили формуляри і видали вибиті на шматку матерії номери, червоні трикутники з буквою «П» — як полька. Штубові перевіряли, чи все пришито правильно, якщо зле — то били і до перевірки мусило бути все зроблено. На ноги наділи «дерев'яки», напівчеревики, видовбані з дерева. Згодом загнали нас в барак, де розмістили по три-чотири людини на одному ліжку під одним коцом. На другий день рано — вправи в вигляді фіззарядки «впадь-встань», і хто не встигав, того били. Після відбуття карантину кожний в'язень одержував призначення до якоїсь таборової команди праці. День праці починався вставанням на апель о 4 годині (зимою о 5 годині), кінчався о 20 годині. Робочий день тривав 16 годин. Миття зранку відбувалося в блоках-умивальниках, в спеціальних бочках, а часом миття взагалі не було. Після години був сніданок з 150 грам хліба, сурогатної кави, а на обід 100 грам хліба і водянистої зупи з напівзгнилої брукви або 250 грам хліба на цілий день.

Тяжко було вижити на такому пайку. На працю йшли під звуки таборової оркестри. Праця була різна: порядкування доріг, плантації, меліорації, будова штолень та різнорідна

праця на заводах. Тяжка щоденна праця, недоживлення підкошувало здоров'я в'язнів. Часто в'язні з праці на своїх плечах несли догоряючих друзів, а то й трупи. При цьому гра оркестру викликала враження макабральної (від польського «makabryczna» — жахлива, — прим. редакції) пародії. Після повернення з праці підготовлялися до вечірньої перевірки. Вечірні перевірки («апелі»), як і ранішні підйоми, відбувалися у будь-яку погоду. Чи це дощ, сніг, мороз. А якщо хтось втік, чи кинувся на електричну загорожу, то такі апелі тривали кілька годин, і це не перешкоджало, щоб потім без відпочинку знову йти на працю. Понад усе була недостача одягу на холод і зимні сезони, а також брак лікарської медичної опіки. В'язні лякалися табірних лікарень («ревірів»), бо такого хворого ставили на «викінчування». Висилали «до газу» (крематорій), або заціплювали заразні недуги, щоб потім пробувати лікувати їх різними вакцинами. А також: кастрували, штучно запліднювали, вирізували кості чи внутрішні органи, які потім перещеплювали своїм воякам, доконували численні операції різних частин тіла для дослідів, давали застрики різних інфекційних гнійних раків. Цих в'язнів називали «кроликами».

Властиво, все діялося на безправ'ї. Безправно заарештовували, засаджували за дроти, карали (били) на праці, при роздачі їжі, прибиранні. В'язень втрачав рівновагу духу і ставав напівзвіром, що керувався інстинктом самозбереження.

Равенсбрюк — один з найперших концтаборів націонал-соціалістичної Німеччини, заснований в 1934 році для «ворогів» гітлерівського режиму.

У Равенсбрюці я була до 23 липня 1944 року. З 1 вересня 1944 р. опинилась в концтаборі Фльоссенбург (командо Цводау) вже під № в'язня 51305, і там була до 10 квітня 1945 р. Звільнена військами США в травні 1945 р.

Під час перебування у Цводау мала такий сон, що його я записала такими віршами.

ВОЛЯ УВІ СНІ

Нема на світі кращих снів,
Як сниться воля у неволі,
Котра забута вже зовсім,
Забута в горі, нужді й болі.

Отак мені одної ночі
Приснилась воля й рідна хата:
Заплакані у мами очі,
Зажурене обличчя в тата.

А я вертаюсь хвора, квола
І хочу все їм розказати:
Як тяжко було у неволі,
Як треба волю шанувати.

Та тут здригнулась я спросоння,
Бо звук сирени розбудив,
А про село і рідних моїх
Лиш спомин в серці залишив.

ХОМ'ЯК
Софія Дмитрівна

У ГОСПОДАРЯ Я БУЛА РАБИНЕЮ

Я, Хо'мяк Софія Дмитрівна (з роду Качмар), народилась в селянській сім'ї першою дитиною, в селі Воля Добростанська Яворівського району Львівської області.

Про початок війни взнала зі слів і розмов односельців.

Мені було 10 років, але, як сьогодні, пам'ятаю — в хату вдерлися троє чоловіків. Один з них був у військовій формі. «Збирайтесь!» — кинув один з них. В хаті були тільки мама і я. Мама в лічені хвилини вхопила кілька речей з одягу, кусень хліба, і нас вивели з хати. Серед села стояв невеликий гурт людей, які також всі були з клуночками.

Нас всіх повели в Добростани, там ще приєдналися люди.

Потім всіх повели у село Кам'яний Брід, де посадили на поїзд і відправили до Львова.

У Львові на пересильному пункті була маса людей. Нас тримали тиждень, а потім переправили до Кракова. По дорозі ешелон кілька разів бомбили.

У Кракові ми були 3 тижні на пересильному пункті. Там нас підстригли, провели дезинфекцію і відправили ешелоном до Відня, де ми пробули тиждень. Пізніше ми потрапили у Вінер-Нойштадт, а звідси автобусом нас перевезли у Майнсдорф.

У Майнсдорфі мою маму забрали на роботу в пекарню, а мене відправили до господаря. Господар був контужений. У нього я була рабинєю. Десятирічним дівчам я вставала о 3-й годині ночі, доїла 6 корів, чистила стайні. Всю цю роботу я повинна була зробити до 6 години, а пізніше возила молоко на молочарню — 50 фляг по 25 літрів, кожен день.

Я робила всю хатню роботу, косила, рубала дрова, обробляла городи, прибирала хату. Зате мала можливість 2 рази на місяць ходити до церкви.

Свою маму я бачила дуже рідко. Іноді прокинувся вранці, а на підвіконні лежить булочка, яку вночі приносила мені мама. Вона мене не будила, бо знала, що я дуже втомлена. А для мене це було велике свято, бо я знала, що моя мама жива.

З 1942 р. по 1945 р. ми перебували в Майнсдорфі. Пам'ятаю, якось прийшли військові і сказали, що ми вільні і можемо збиратись додому. Радості не було меж. Настала та довгоочікувана хвилина, про яку ми так мріяли.

Довго ми добирались додому. В рідному селі оселились в напівзруйнованій хатині, бо наша хата згоріла під час війни.

ПИРОГОВ

Анатолий Андреевич

АВТОГРАФ НА РЕЙХСТАГЕ

*Господи, не дай сойти с ума,
вспоминая детство!*

Всю жизнь убегал от пережитой войны, но она неотступно преследует. Лоскутное покрывало памяти, как неугасший вулкан, взрывает на поверхность сознания отдельные картины,

эпизоды и сюжеты из далекого, травмированного войной детства.

В младшем школьном возрасте, с семи до десяти лет, прошел по ее опасным дорогам и застенкам.

Усиливаются отдаленные последствия перенесенных психических и физических травм. К сожалению, этот феномен практически не изучен и не обобщен медициной. Поэтому помощь таким пациентам и их социальная реабилитация далеки от совершенства. Не буду гиперболизировать личный опыт пережитого. Но в какой-то степени он уникален и типичен для людей, перенесших войну в моем возрасте.

Родную деревню постигла участь Хатыни. Чудом удалось уцелеть. Концлагерь под Минском, два лагеря в Германии. Смертные приговоры семье, холод, голод, потеря родных и близких; ранения, контузии, травмы, травля овчарками, облавы, карательные отряды, туберкулез и другие болезни; рабский рынок, каторжный труд... Это далеко не полный перечень пережитой гуманитарной катастрофы с ее последствиями. Все это происходило в течении 4-х лет войны, изо дня в день.

Пройден и окончен полный курс университета войны, и ни одного класса образования. Потрясающий материал для книги и киносериала. Хотелось бы, чтобы потомки знали и помнили об этом.

Провидению было угодно, чтобы я оставил автограф на Рейхстаге.

После Победы американцы на машинах привезли нас в Берлин для передачи нашим.

Пасмурное утро. Три советских офицера, повидимому госбезопасности, беседуют с большой группой детей. Среди своих товарищей я был особо приметен: с трудом передвигался, в бинтах, правая рука в гипсе, открытые раны и свищи на шее, истощен и худой до костей.

В лагере мы знали друг друга больше по образным прозвищам: Янэк — кульгавый (хромой — раненый в ногу), Иван

— Дутой (голодные отеки), я — Толик — Худый, Збышек — Шалэный (бешеный — нервный стресс) и так далее.

Ненасытный Молох войны преследовал до ее конца. При взятии города Вайсенбург, где был наш лагерь, меня вновь тяжело ранило и контузило...

Беседовавшие с нами офицеры относились сочувственно, доброжелательно и ласково. В конце беседы вдруг говорят:

— Дети, хотите посмотреть логово, в котором мы страшного зверя задавили. Мы ответили:

— Хотим! Как зверя звать? Тигр, лев, волк...

Они смеются и говорят:

— Не скажем, а покажем, чтобы помнили всю жизнь и детям своим рассказывали. Идите за нами.

Мы шли среди руин поверженного Берлина. И вскоре оказались у большого полуразрушенного здания с колоннами.

Офицер сказал:

— Логово перед вами — это Рейхстаг. А Гитлера уже нет. Страшнее зверя на свете не было.

Нас окружили солдаты и офицеры. Один солдат, небольшого роста, с наброшенной от дождя накидкой, взял меня на руки и сказал:

— Сынок, кто тебя так покалечил?

Я посмотрел на него и ответил:

— Война. Дядя, не встречал моего папу? Его фамилия Пирогов.

Солдат, опечалившись, ответил:

— Нет, сынок, распишись на Рейхстаге на память о Победе, за себя и за отца.

Тогда я еще не понимал значения исторической личности происходящего. Хотелось одного — быстрее вернуться на Родину. И я ответил солдату:

— Не могу, дядя, рука не работает. Да и писать не умею. В школе не учился.

Солдат поднял осколок от снаряда и сказал:

— Давай, сынок, вдвоем будем учиться писать и оставим память о нашей Победе. Пусть это будет твой первый урок письма на стене Рейхстага.

Солдат вложил в мою парализованную кисть осколок и помог написать фамилию на колонне Рейхстага. Затем он спросил:

— Откуда родом, сынок?

— Из Белоруссии.

— А я с Урала, — сказал солдат. — Есть такой город Свердловск. Если отец не вернется, будь хозяином в семье.

Солдат вытер слезы, которые катились у него из глаз.

На этом мы и расстались. Но образ солдата и оставленная мною подпись на колонне поверженного Рейхстага, стоят как живые в моей памяти.

Я уроженец Белоруссии, села Черкасы (Крынковский сельсовет Лиозненского района Витебской области). Это село в октябре 1943 года постигла участь Хатыни, оно было полностью уничтожено фашистами вместе с жителями. Я чудом уцелел и 9-летним мальчиком стал сначала узником концлагеря под Минском, а затем концлагерей Ноймарк и Вайсенбург (50 километров южнее Нюрнберга). Сейчас я полковник медицинской службы в отставке. Проживаю в городе Львове, на ул. Миколайчука, 2, кв. 60, мой тел. 93-46-42.

КАПЛАН
Клара Львовна

МЫ ПРЯТАЛИСЬ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ

Я, Каплан Клара Львовна (девичья Даен), родилась в городе Котовске Одесской области 30 мая 1925 г. В 1941 г. за-

кончила 8 классов. Началась война. Отец ушел на фронт, а мы — мама, брат и я — собрали необходимые вещи, сели на подводу и поехали в город Балта Одесской области (это 25 километров от Котовска) к бабушке, чтобы вместе эвакуироваться. Приехав в город, я с братом пошла за хлебом. В это время начали бомбить город. Мы разбежались в разные стороны. Брат во время бомбежки был убит, ему было всего 13 лет.

Вскоре город был оккупирован. Начались облавы на евреев. Всех поместили в одно место, выделив на это пару улиц, которые были огорожены. Мать все время болела. Меня гоняли на работу: подметать улицы, чистить подвалы, убирать туалеты, разбирать развалины домов. На груди и спине повесили звезду Давида. Нас подгоняли полицаи, били. Запомнился полицай Коля Парапан, который гнал и бил нас нагайкой. Ночами не спала, пряталась, где могла, то в погребе, то на чердаке, убирая лестницу за собой.

Очень часто были облавы, забирали молодых, а также семьями, гнали этапом в другие места, но оттуда в живых никто не возвращался. Жили в голоде и холоде. Питались за счет вещей, которые меняли на продукты у местных жителей, рискуя жизнью, ибо выход за пределы лагеря таил угрозу расстрела.

С сентября 1943 г. до марта 1944 г. мы находились на нелегальном положении. Прятались в сараях, в разбитых домах. И нам постоянно были слышны крики людей, выстрелы, лай собак. Оккупанты уничтожали многих неудобных, невинных людей. День освобождения приближался, и 28 марта 1944 г. этот радостный день наступил. В конце апреля я с мамой вернулась в город Котовск. Вещи, которые мы оставили, и документы пропали. Мы остались без средств к существованию. Отец с фронта не вернулся. Я пошла работать в заготзерно рабочей.

В 1946 г. вышла замуж. В 1955 г. выехала с семьей в город Львов. В 1975 г. муж умер. Я работала во Львове с 1955 г. по 1992 г. В настоящее время на пенсии.

ФЕЛЬДМАН
Беття Ихимовна

МЕРТВЫХ УЗНАВАЛИ ПО ОДЕЖДЕ

Я, Фельдман Беття Ихимовна, родилась 25 марта 1922 года в местечке Бершадь Винницкой области, по национальности еврейка. Когда началась война, наше местечко было оккупировано немецкими войсками. Вскоре часть его была огорожена колючей проволокой.

Нам было приказано носить звезду Давида на груди и на спине, взрослым и детям. Кто не носил, того расстреливали на месте. Все годы оккупации мы подвергались гонениям, угрозе смерти, голодали.

В гетто была община, где каждое утро мы должны были отмечаться. Немцам нужна была рабочая сила. Они заходили в дом — двери не закрывались — и полицаи с нагайками выгоняли людей на работу. Женщин заставляли убирать улицы, почту, помещения, где находились немцы. Мужчины, старики строили мост, так как его разбомбили. Кто не мог быстро работать, того немцы расстреливали.

Вскоре немцы ушли за реку Южный Буг, пришла к нам армия румынов. К нам в местечко этапами начали прибывать евреи из Буковины и Бессарабии. Людей было очень много. Началась эпидемия тифа, и их загнали в помещения коровников, ранее принадлежавших колхозу имени Ворошилова.

Часть людей румыны оставили в местечке. Люди умирали от голода и холода, и тифа. Каждый день приезжали подводы и забирали трупы-скелеты, и вывозили их за местечко.

Была зима, и стояла холодная погода. Полицай привезли в местечко около 15-ти партизан. Согнали всех нас на площадь, чтобы напугать людей. Немцы кричали: «Всех ждет виселица, кто будет прятать партизан!»

Спустя некоторое время к нам перевели из Балты нового претора по фамилии Турбул. Он был маленького роста, очень издевался над людьми, избивал мужчин шомполом. Изверг на этом не успокаивался. Брал перец, заставлял солдат засовывать евреям в задний проход. Мужчины не имели силы выдерживать эту боль.

Недалеко от нашего местечка были большие леса. В этих лесах обосновались партизанские отряды. Среди евреев-узников было много помощников партизан. Нашелся предатель, который решил их выдать. Ночами начали делать облавы и забирать многих в заложники. Оккупанты пытали их зверски, уничтожали. Когда началось отступление оккупантов, всех заложников вывезли за местечко и в яру, который тянулся на много километров, расстреляли.

Как-то около 6-ти часов утра мы услышали крик, подбежали к окну: два мальчика 10–12 лет кричали: «Да здравствует Советская власть!» — и размахивали красными флагами. Люди начали выбегать из домов, плакать и кидаться на шею появившимся красноармейцам. Но кто-то крикнул, что это переодетые немцы, и люди начали убегать. Тогда красноармейцы стали кричать: «Не бойтесь, мы ваши!».

Когда наши войска начали наступать дальше, на Запад, родственники людей, уничтоженных немцами, начали просить военного коменданта, чтобы он разрешил перезахоронить погибших людей. Старики и дети оставили свои дома и пошли, чтобы помочь друг другу найти своих родных. Их, конечно, нельзя было узнать. Узнавали лишь по одежде. Тех, кого опознавали, хоронили на еврейском кладбище, а неопознанных похоронили в парке, в братской могиле.

ГЕРИНОВИЧ

Олександр Олександрович

НАД НАМИ ЗНУЩАЛИСЬ ЕСЕСІВЦІ

Я народився в 1936 році, колишній малолітній в'язень фашизму, нині пенсіонер.

Знову весна, знову цвітуть каштани, квітне бузок, повітря повне весняних ароматів... Все так, як у далекому 44-му році, коли я, восьмирічний хлопець, разом з батьками та маленькою п'ятирічною сестричкою був кинутий за колючий дріт фашистського концентраційного табору «Штрасгоф»...

У свідомості, неначе «стоп-кадр», залишилися страхітливі картини того часу. Ось нас заштовхують у товарний ешелон, груба лайка німецьких конвоїрів, готових прикладами автоматів допомогти собі, щоби швидше, швидше... І довга дорога у переповненому людьми товарному вагоні, де кожний марно намагався знайти собі затишний куточок. Галас, плач дітей, а потім, коли закрилися двері — загальне мовчання, неначе всі раптово втратили голос. Чомусь пошепки почали знайомитись. Ще довго не хотілося їсти, єдине бажання — пити!

Нас везли через Румунію. Двері відчинились тільки на невеликій станції, де на нас чекали німці-конвоїри із злющими псами. Вони і повели нас у концентраційний табір, де після санітарної обробки всіх розмістили по бараках. Жити там було неможливо. У першу ж ніч ми побачили цілі полчища блощиць. У цей час захворіла мама. Може, Бог змиловився над нами, бо згодом завдяки старанням одного полоненого лікаря мати видужала, і ми далі чекали своєї долі, хоча бачили, що кожен день вантажні машини, наповнені табірними в'язнями, кудись від'їжджають. Поширювались чутки, що в'язнів вивозять у концтабір «Освенцім».

І знову «стоп-кадр» у свідомості... Запам'ятався епізод, коли над нами знущалися есесівці, по-звірячому били полонених...

Ніколи не забуду, як фашисти заставляли одного з полонених стояти всередині кола своїх же товаришів, змушуючи їх бити його. Полонені не погодились на це. Тоді на них всіх нацькували собак.

Якщо на світі існує чудо, то це сталося з нами — ми залишилися живі. Після звільнення повернувся в рідний Львів, де на нас чекала важка дорога життєвих випробувань...

Бує весна, повітря повне квітів, поруч проходять люди, серед яких вже майже немає живих свідків тих трагічних подій, але спомини, спомини не дають спокою...

АНДРЕЕНКОВА
Анна Федоровна

ВСЕХ МУЖЧИН ИЗ НАШЕГО ПОСЕЛКА РАССТРЕЛЯЛИ

Сколько книг написано о войне, сколько сложено и пропето песен, сколько показано фильмов. Но в душе каждого человека, пережившего войну, остались навечно, «самые-самые» воспоминания ужасов войны.

Война... и перед глазами встают пережитые бомбежки, расстрелы, ужас ночей, пожары, грозные крики карателей, лай овчарок, страх, нет — ужас ожидания в любую минуту дня и ночи расправы, надругательства над тобой или близкими...

Родилась я и проживала с родителями недалеко от города Брянска, в бывшей Орловской, а ныне Калужской области.

Край наш лесной. Небольшой поселок стоял в ста метрах от леса.

Наши места были оккупированы в августе 1941 г. Каждый день и ночь здесь выходили из окружения солдаты. За их укрытельство — расстрел. Начали борьбу и партизаны.

И вот зимой фашисты захватили группу наших солдат и партизан, недалеко от села Дубровка. Поместили их в сарай, поставили охрану. Ночью им удалось бежать, перебив охрану. И вот, как сейчас вижу, бежит мальчишка мимо нашей хаты, стоявшей прямо у дороги. Вбегает к нам, просит помочь. Бежим вместе с сестрой к бабушке Поле — она жила напротив. Она промыла мальчишке рану на бедре, перевязала, накормила, дала теплую одежду, ковригу хлеба за пазуху. Затем мальчишка направился в лес. А внизу по дороге — каратели на саях с пулеметом, с собаками. Увидели они мальчишку — пустили на него собак. Несколько прыжков — и собаки повалили на землю юного партизана. Он страшно закричал: «Мама! Мама!» Собаки рвали одежду и тело. Подоспели немцы. Скрутили за спиной руки. Подвели к колодцу посреди поселка. Согнали женщин, стариков, детей. При нас его расстреляли. Несколько дней не разрешали хоронить.

Здорово сражались партизаны. Железная дорога проходила от нас недалеко. Не раз слышали мы страшный грохот, шум за лесом. Это летели под откос немецкие эшелоны, которые направлялись на фронт.

И вот однажды партизаны пустили под откос эшелон, который шел на фронт с живой силой и военной техникой. Лютовали тогда фашисты. Согнали жителей нашего поселка. Долго стреляли пулеметы над нашими головами в сторону леса, вероятно, на устрашение партизан. На следующий день фашисты провели страшную акцию. Из села были расстреляны 50 человек — все мужчины, включая двухлетнего ребенка. Село в ночь на 7 января было подожжено со всех сторон. Люди остались без крова. А мороз был свыше сорока градусов...

В августе 1943 г. немцы насильно выгнали нас из родных мест совсем. Погрузили в товарные вагоны, повезли. И мы оказались в концлагере Алитус, в Литве. Это был лагерь под

открытым небом. Колючая проволока в несколько рядов. По углам вышки с часовыми. Выходить за ворота нельзя. Масса измученных, голодных, грязных людей. Помню кухни, которые привозили обед. Огромные котлы, в которых плавала конская шкура, шерсть. Помню черпак и наши котелки, в которые наливали баланду из арбузных корок, очисток. А рядом картофельное поле... Не выдержали двое мальчишек и полезли под проволоку. Жизнь их оборвали пули. Крик, плач матерей. Для устрашения мальчишки долго лежали непохороненными. Месяцами мы не раздевались и не разувались. Есть мы не просили — знали, что ничего нет.

Потом был концлагерь в Белостоке. Нас «загнали» в баню на «санобработку». Полностью раздели — перед нами стояли сестры и братья, деды, матери, дочери, внуки. Такое не забыть. На дворе стоял ноябрь. Люди после бани спали во дворе на мешках, на хламе, одеты в куски ткани, которые немцы выдали, чтобы прикрыть наготу. А утром несколько человек не встали. Многие померли чуть позже. Потеряли и мы четырехлетнего племянника.

Затем людей сортировали, заглядывали в зубы, били беспощадно, бесчеловечно. Отбирали: налево — мать, направо — дети, третья колонна — нетрудоспособные.

Затем нас привезли в Австрию. Мы были на работе у графа. Работали и мы — дети. Даже в ночное время. На ногах колодки, на груди бирка — надпись «Ост» и номер.

В апреле 1945 года нас освободили.

Теперь я инвалид войны I группы.

ДАНЬКОВА Домініка Петрівна

Я НАРОДИЛАСЯ В УКРАЇНІ І В УКРАЇНУ ПОВЕРНУЛАСЯ

Я, Данькова Домініка Петрівна (Безп'ятюк), народилась 7 травня 1925 року в селі Гвардійське Хмельницького району Хмельницької області. Засвідчую деякі спогади про те, як нас вивозили в Німеччину на роботу.

Отримавши повістку про обов'язкову явку в поліцію, я замість того поїхала в село за 10 км, і там пробула два тижні, поки транспорт не був відправлений. Через декілька днів повторилось те саме, але десь сховатись я не встигла і була разом із іншими підлітками відправлена в Німеччину. Коли ми во-зами виїхали за своє село, при підйомі на гору домовились втікати. По одній стороні дороги росла кукурудза, а по другій — тютюн, ми й розбіглися в різні боки. Конвой опам'ятався, але ми були вже далеко від дороги, чути було тільки автоматні черги. Я переховувалась у знайомих аж на третьому селі.

Через кілька днів знов набір повторився, і я опинилась на збірному пункті. Попередній маневр нам не вдався і нас в Хмельницьку повантажили у вагони. Поїзд почав набирати швидкість. Але двері були закриті не дуже щільно і ми, хто не боявся, на ходу поїзда вискочили з нього.

А от наступного разу ніякий маневр вже не вдався. Я опинилась разом з дівчатами з сусіднього села в Берліні. На фабриці «Трумф» ми виробляли якісь металеві деталі. Говорили, що то запали до ручних гранат, але точно, що то було, ми не знали. Бомбардування і тривоги змушували нас довгі години ночами просиджувати в сховищі, а ранком під конвоєм треба було знову йти на роботу. Один раз бомба попала в наш табір.

Це трапилось вночі, коли наші в'язні спали, так що багато людей залишилось під уламками.

Коли в кінці 1944 року фабрику розбомбили, нас, близько 150 осіб, вивезли в Саксонію, в район Нінберг, село Вольфезгрін. Там ми працювали на фабриці, майже половина якої знаходилась під землею. Один раз вночі до нас постукав хтось у вікно барака і попросив, щоб його впустили. Виявилось, що це був один з тих наших військовополонених, що пробували втекти. Він просив переховати його. Дівчата з сусідньої кімнати впустили його. Він був напівроздягнений, і хто мав таке, що підходило для нього, то дав. Я дала з себе свій жакет, бо він був чоловічого покрою. Пробув він в нас декілька днів. Трохи підкріпився і просив, чи хто із нас не має карти, бо він буде пробиратися на схід. Але карти в нас не було. А от через два тижні, коли ми йшли на обід, біля нашого бараку стояли два гестапівця і наш поліцай, який над нами наглядав. Нас, кілька дівчат, пропустили, а подругу, Олександру, вони підкликали до себе і забрали з собою. Через кілька днів ми хотіли зібрати для неї щось на передачу. Запитали поліцаю, як нам її побачити і за що її забрали. Він нам відповів, що їй нічого вже не треба, і показав на шию.

Звільнили нас американські війська. Вивезли нас в Райхенбах, а звідти відправили транспортом додому. Хто мав бажання, міг там залишитися, але я вродилася в Україні і в Україну повернулася.

МАСНА
Юлія Олексіївна

1932 року народження, колишня «остарбайтер»

ОСЬ ТАКЕ ДИТИНСТВО У МЕНЕ БУЛО.
(Вірш-сповідь)

Я була маленька,
Молитви шептала,
Бо в своїм дитинстві
Сирітства зазнала.

Наша мама мала
Лиш тридцять сім років,
Поховала тата
В сорок другім році.

В сорок третім році
Нас німці забрали,
Із рідної хати
В чужину загнали.

Нас було немало —
Три сестри, два брати.
Жили на чужині,
Як ті мишенята.

Ми усі щоденно
Разом ся молили,
Ласки, милосердя
В Господа просили.

А тому молились,
Що нам тяжко було:
Гармати ревіли,
«Катюші» свистіли.

А коли був наступ,
Аж земля горіла, —
Мати своїм тілом
Усіх нас прикрила.

І в ту мить шептала, —
«Сохрани нас, Боже»,
Щоб живі всі встали,
Тяжких ран не мали.

Три роки минуло,
Додому вернули,
Богу дякували,
Що живі всі були.

Хоч хати не мали,
Бо німці спалили,
Та в ріднім краю
Щасливі ми були.

Мама у молитвах
Всім долі просила
І усіх п'ятірку
Нас благословила.

Лиш найменший братик
Землю ogrіває,
Всім нам жаль великий,
Бо його немає.

Ось таке дитинство
У мене минуло,
Умирати буду,
Пам'ятати буду.

Усе не опишеш,
Паперу не стане,
Та ми з Богом жили
І нині живемо.

Микола ПЕТРЕНКО

СЛОВО ПРО ЗІНОВІЮ ШУЛЬЖУК

Більшість членів нашої Спілки пам'ятає Зіновію Шульжук. Вона незмінна учасниця всіх тогочасних зібрань колишніх в'язнів, ще тих часів, коли про створення нашої Спілки тільки мріялося. Охоче зголосилася на поїздку до Києва — на Перший, установчий, з'їзд Спілки неповнолітніх в'язнів. Охоче брала участь у вечорах, зустрічах з трудящими, а особливо з дітьми, активно виступала в пресі. Бо мала з чим: ще з перших табірних кроків на німецькій землі, тоді ще у таборі праці Кютенбах Зіновія писала вірші, читала їх подругам, давала переписувати, розсилала друзям у інші табори. Як наслідок — арешт, концтабір Равенсбрюк, два з половиною роки — до самого закінчення війни.

Нагадаємо кілька віршів із поетичного доробку Зіновії Шульжук.

Зіновія ШУЛЬЖУК

З НЕВІЛЬНИЧОЇ ПОЕЗІЇ

СИДЖУ ЗА ВЕРСТАТОМ

Сиджу за верстатом, звірятко у клітці,
Куди не погляну – чужинці самі...
Хіба хто що скаже нещасній сирітці?
Для мене вони наче справді німі.

Белькочуть своє щось, а я і не знаю:
Можливо, сміються, що старець я тут,
Що одяг старий, черевики діряві,
Що в щасті й розкоші вони всі живуть.

Тут пекло, тюрма, гірше каторги навіть,
Бо каторжник знає, за що він терпить.
А нас тут життя злою силою давить,
І кару приймаючи, кожна мовчить...

З ЛИСТА ДО МАТЕРІ

Ждемо ми вістки з України,
Листи, матусенько, не йдуть.
Чекаєм воленьку єдину,
Як діти рідну неньку ждуть.

Ой скоро гримне грім великий,
Вітри невтримні загудуть:
За наші муки і страждання
Слова правдиві рознесуть!

Бодай цехи всі погоріли,
Бодай цей табір провалився,
А наша рідна Україна
Жила весело, сміючись!..

ТАК ХОЧЕТЬСЯ СМЕРТІ...

Так хочеться смерті, так хочу кричати,
Рвать серце, роз'ятрювати рану.
Але я не знаю, із чого почати,
Як скінчить життя своє рано...

Я хочу кріпитись, вже й сльози не ллю,
Я прямо дивлюсь смерті в очі —
Та все не вмираю, для муки живу,
Життя ж це темніше від ночі.

Отак поступово зміліє життя,
Закриються світлії очі.
До щастя вже більше нема вороття,
І жити я більше не хочу!..

ЗУСТРІЧ КОЛИШНІХ ПОЛОНЯНОК

Що ж, знову здрастуй, Равенсбрюк!
Тут наша юність промайнула,
Сьогодні ж вірний круг подруг
Прийшов зустрітись з минулим.

Ми пам'ять болю бережем,
Вона в серця незрадні стука.
І палахтить вогненний щем
Над обеліском Равенсбрюка.

Знов нашу клятву чуеш ти —
Її ми над вогнем давали:
По всьому світу пронести
Святої дружби ідеали!

ДАРОВАНІ КВІТИ

Сьогодні дарувала я квітки —
Вони хоч не живі, але красиві,
Такі розкішні з рожами вітки,
Такі півонії і маки милі.

А пуп'янок ось-ось мов розів'ється
У зелені густих тремких листків,
І пишною красою усміхнеться,
У плетиві букетів та вінків.

Приємно так дивитися на квіти,
Коли на світі сніг і холода.
А цей букет розвинув ніжні квіти
І гордо так довкола погляда...

КОНДРАТЕНКО
Анна Михайловна

ФАШИСТА РАДОВАЛ ВИД КРОВИ

Я родилась в 1927 г. в деревне Старицы, в Псковской области. С 1943 по 1945 год находилась в концлагере в городе Аугсбург, который являлся филиалом концлагеря Дахау.

Моего отца в 1939 году взяли на финскую войну, он там и погиб. Так начались мои счеты с войной. Нашу деревню немцы заняли осенью в первый год войны. Почти сразу большую группу молодежи забрали для отправки в Германию. Меня тоже. Нас привезли под станцию Невель. Там задержали на несколько суток. И вот под вечер приходит немецкий офицер, который немного говорил по-русски, и сказал моей старшей родственнице, чтобы мы вечером никуда не шли: придут солдаты якобы отбирать на кухонную работу, чистить картошку. Но это они будут брать молодых девушек, чтобы забавляться с ними. Этот офицер помог нам бежать. Спасибо ему. Ибо остальные, кажется, там все погибли...

Наш край — партизанский. Немцы карали нас за то, что мы помогали партизанам, снабжали их продовольствием. Вскоре многие села вокруг были сожжены, мы также стали погорельцами. Тогда мать собрала нас, и мы отправились за двадцать километров к ее родственникам. Но когда пришли, обнаружили, что хата маминых родственников уже также была сожжена, и в ней сгорели все.

Мама вся стала какая-то страшная, белая, упала на землю, руками рвет землю. Мама кричит, я плачу, но она меня не слышит. Вдруг застучал пулемет, и мы поползли к канаве, оттуда — в лес.

Мы вернулись в свою деревню, но пробыли там уже не долго. В один день нас, все село, рано утром окружили каратели, подняли и выгнали из дома, в чем были. Потом согнали всех в сарай, готовясь поджечь его. Но тут появилась машина, с ней мотоциклист, который передал новый приказ: всех вывезти в Германию. Нас и жителей еще некоторых сел вывезли на станцию Идрица. Там нас держали несколько дней. Пересортировали, некоторых там же расстреляли, а остальных погрузили в вагоны.

Около Мюнхена нас снова пересортировали, из прежних вагонов выгнали и погрузили в другие. Больные, умершие остались там. Нас же повезли в концлагерь Дахау, один из самых страшных фашистских концлагерей. Там снова пересортировали. И хотя немного, но дали поесть: по куску хлеба и баланды.

После Дахау мы попали в его филиал в городе Аугсбург. Там сначала гоняли на работу расчищать развалины после бомбежки. Раз нас гнали на работу мимо морковного поля. Я подняла одну морковку, передала подруге, нагнулась за второй. Но это заметил конвоир-немец и избил меня палкой. При входе в лагерь меня задержали и посадили на трое суток в карцер. Это темное помещение, размером немногим больше, чем метр на метр, пол цементный, холодный, на полу вода. Так я и простояла трое суток, прислоняясь к стене, без еды и воды.

Потом меня с другими девушками возили на работу в Доноверт, это была бумажная фабрика. Но под ней размещались цеха авиазавода, на котором изготавливались детали к самолетам. Но нас туда не допускали. На фабрике мастером был немец Шварц. Он всегда норовил ударить одну из нас. Мне доставалось часто, я почти всегда ходила с разбитым носом — фашиста радовал вид крови. Но был и добрый немец — гер Келлер. Он не обижал никого, а мне несколько раз давал кусочки бутерброда, ведь я была меньше всех. Несколько раз

он нам, девушкам, приносил еду с немецкой кухни, даже как-то — макароны. Я до сих пор благодарна этому человеку, он ненавидел войну и Гитлера, уважал людей.

Освободили нас американские войска в апреле 1945 года. Кормили хорошо, мы были с ними целое лето. Только в сентябре передали нас в советскую зону оккупации Германии.

Привезли нас на станцию Идрица, откуда и вывозили. Но в родное село мы не возвратились, там все было заминировано, избы сожжены. Мы работали на станции: восстанавливали железную дорогу, потом кирпичный завод. Жить приходилось в землянках. Уже после построили общий барак, и мы переселились туда, по несколько семей в одну комнату.

В 1947 году я вышла замуж за такого же обездоленного солдата. Мужа направили во Львов для дальнейшего прохождения службы, для работы на стройке. Я тоже переехала с ним. Так и живу во Львове.

ТОРЮША
Семен Кондратьевич

ИЗ ЛАГЕРЯ Я УБЕГАЛ ТРИЖДЫ

Я, Торюша Семен Кондратьевич, родился 16 августа 1926 года в Краснодарском крае. Когда началась война, я с роди-

телями жил в городе Краснодаре. В 1942 г. в город пришли немцы. В один из вечеров я с товарищем возвращался домой, и мы попали в облаву. Немцы выбирали молодых и здоровых, привезли на железнодорожный вокзал, посадили в товарные вагоны. Когда набрали несколько вагонов, мы услышали, что нас куда-то везут. Так нас везли несколько суток, не выпуская из вагонов.

Уже в Польше нас выпустили, чтобы принесли воды. Перед границей с Германией я и несколько человек убежали. Спросили у поляка, который нам встретился, как нам идти в Россию? Он нам рассказал — это было уже в Кракове. Но вскоре меня и еще 8 человек задержали и отправили в лагерь.

Я пробыл в лагере 9 дней и снова бежал. Я убегал 3 раза. После чего меня поймали под Варшавой и вместе с поляками отправили в лагерь, а позже в концлагерь Маутхаузен — это был ад.

Мне присвоили номер 93022. Строем по 10 человек в шеренге бесконечной лавиной мы выносили камни из карьера по лестнице, а если кто взял малый камень или же не понравился эсэсовцам, его забивали палками или шлангами, или, когда выходил наверх, его толкали на проволоку и с вышки убивали. Потом их на 4-х колесной тачке отвозили в крематорий по кровавой дороге.

Позже меня перевели в концлагерь Эбензее, где я работал в штольне — там должен был строиться завод. В штольне шло много людей, а оттуда мертвых выносили прямо в крематорий, у которого лежали ярусы трупов. Крематорий не успевал сжигать — это было ужасно, чтобы люди над людьми так издевались. Это не рассказать, не описать. Кормили очистками картофеля, брюквой. Крематорий работал и работал день и ночь.

Перед своим бегством немцы заминировали одну штольню и хотели загнать туда людей, и взорвать. Но им это не удалось. Штольня позже взорвалась. В это время я лежал в изоляторе, у меня была чесотка, руки и ноги были в ранах и опухли, лежал голый. Я уцелел, так как крематорий был загружен трупами. Немцы ночью выпнали людей из одного блока, заставили вырыть большие траншеи, забросали туда трупы и сравняли с землей. Затем эсэсовцы убежали в горы, пере-

оделись. Их задерживали и заставляли откапывать эти трупы. Было много разных делегаций, фотографировали.

Американцы немного нас откормили и в сопровождении нашего НКВД отправили в СССР. Я приехал в Румынию. Там НКВД сделало чистку — кого куда отправить. Меня направили по месту жительства.

Я приехал в город Краснодар, где жили мои родные, которые уже не надеялись увидеть меня живым. Так я снова воскрес.

КАЛЬМАН
Арон Борисович

УМИРАЛИ ОТ ГОЛОДА, ХОЛОДА, ТИФА

Когда началась война, мне было около шести лет. Детский возраст. Поэтому, описываю события тех лет по памяти и то, что я знаю от людей, которые жили с нами в те тяжелые, страшные, голодные и холодные годы оккупации в гетто.

В первый месяц войны на наше село ночью сбросили две бомбы. Это было мое первое впечатление от войны. Потом

началась эвакуация, но вскоре все вернулись обратно. Колонну догнали немцы на мотоциклах и вернули всех людей назад в село.

Где-то в августе-сентябре в село вступили немцы, а потом пошли колонны пленных красноармейцев — в основном раненых, уставших, голодных, с опущенными глазами. Перед приходом оккупантов село замерло, как перед грозой. Все сидели дома, попрятались кто куда. С немцами было много мадьяр.

Потом немцев в селе осталось мало. Примерно в ноябре 1941 г. в село вступили румынские жандармы, гарнизон которых находился у нас до марта 1944 г.

И тут началось. Первым делом они учинили грабеж в еврейских домах. Брали что хотели. Если кто возмущался, били нагайками, прикладами, палками. Потом приказывали всем евреям носить на одежде знак Давида на черном фоне. Всем евреям запретили самовольно покидать село, посещать базары. Зимой нас построили в колонну в центре села, всех взяли на учет. Несколько раз в году проверяли количество евреев в каждой семье — делали переключку на площади в центре села.

Примерно в начале 1942 года румынские фашисты пригнали к нам в село много евреев из Бессарабии и Румынии. Их, говорят старожилы, было человек 50. К каждой еврейской семье подселили по одной-две семьи вновь прибывших. Скученность была ужасная. Вместе с нами в двух комнатах находилось 17 человек. Лежали, где кто мог — на печи, кроватях, а в основном — на полу. Не было топлива, мыла, одежды, обуви. Ходили в рванье, босиком. Болели простудой. Фурункулы обсыпали тело (у меня по сей день 7 знаков от фурункулов). В комнате теснота, тяжелый воздух, холод плюс голод. За всю зиму и осень я ни разу не был на улице — не было обуви, одежды. По тем же причинам завелись в огромном количестве вши и гниды. Тело зудело от их укусов. От грязи завелась чесотка. Мы спали на одной кровати втроем. Особенно мучили холод и голод. Днем плакали постоянно и просили есть. От голода несколько раз опухали. Питались лебедой, крапивой, листьями липы, гнилой картошкой. Моя мать

была в ужасе от бессилия. Помню, однажды она билась в истерике. Другой раз хотела отравиться вместе с нами угарным газом, третий раз пыталась утопиться — но люди не дали.

Спасло нас то, что мать научилась ремонтировать резиновую обувь. Ее научили делать резиновый клей. Поэтому мою маму местные звали «Маня, яка клеє калоші».

Из Деребчина оккупанты периодически мобилизовывали молодых мужчин и парней еврейской национальности и отправляли их в Тульчин и Очаков на тяжелые работы. За любую провинность — расстрел и повешение. Особенно оккупанты любили последнее.

Из концлагерей Печеры и Рогизно через Деребчин бежали евреи зимой в одежде из мешковины и умирали у нас, в комнате, на глазах у взрослых и детей. Их тела были желто-белыми, изо рта шла пена. Не все евреи из Бессарабии и Румынии поместились в местных еврейских семьях или на других квартирах. Поэтому за селом в свинарнике жило человек 10 евреев. Жили они в основном на чердаке этого помещения. Зимой они все умерли от холода, голода и тифа. Похоронили их на склоне оврага. Там сейчас местные жители добывают глинозем и часто находят человеческие кости. Никакого знака или надписи, что там покоятся останки несчастных людей, нет и по сей день.

Однажды, зимой 1944 года, отряд власовцев, который проходил через село, устроил еврейский погром. Пьяные звери врывались в дома и убивали всех евреев. В семье бывших цирковых артистов-силачей они получили отпор. Силач кочергой убил одного изверга, нескольких ранил. Вся семья погибла. Из окошка я видел, как падали убитые евреи, которые пытались убежать от полицаев. Это было около сельской больницы. Той ночью полицаи и власовцы убили в Деребчине человек 15.

Уже где-то в начале марта 1944 г. началось массовое отступление немцев и их приспешников (полицаев и старост с семьями) через наше село. Колонны шли днем и ночью. Слышались слабые звуки канонады, а потом отдаленные звуки перестрелок. Румынские фашисты убрались из Деребчина

заранее. Как-то немцы остановились на ночевку, кто-то указал им дома, где живут евреи. Они мелом пометили их дома надписью «Юден». Но где-то на вторые сутки, ночью 19 марта 1944 г., в село ворвался танковый отряд с десантом наших солдат. После короткого боя мы были освобождены из оккупации. Утром в селе был настоящий праздник. Все население встречало своих освободителей. Наши солдаты шли уставшие и голодные. Кухня за ними не успевала. Жители сами кто чем мог угощали и кормили своих освободителей. Особенно радовались мы — евреи.

На период начала войны в Деребчине проживало 154 еврея. Во время войны — свыше 200 человек. После войны многие евреи, уцелевшие от геноцида, разъехались кто куда. Сейчас в селе Деребчине Шаргородского района Винницкой области проживают 3 человека еврейской национальности.

ШЕВЧУК (ВАНДНЕР) Дзюня Моисеевна

Я ПОТЕРЯЛА НАДЕЖДУ, ЧТО ОСТАНУСЬ ЖИВА

Я, Шевчук Дзюня (девичья фамилия Ванднер), родилась 25 декабря 1923 г. в селе Стынава Сколевского района Львовской области (Украина). Моя семья: отец Ванднер Моисей 1897 года рождения, мать Ванднер Регина (девичья фамилия Эгид) 1903 года рождения, брат Ванднер Бронислав 1927 года рождения. Мои родители, мать и отец, родились в той же местности, что и я, а брат уже родился в городе Бориславе, куда мои родители переехали сразу после моего рождения. Отец работал в нефтяной фирме (тогда это была Польша) до 1941 года, мать была домохозяйкой.

Когда фашисты оккупировали город, я вместе с родителями и младшим братом проживала в городе Бориславе по улице Пилсудского, где, кстати, вскоре было основано бориславское гетто. Во время первого еврейского погрома 3 июля 1941 г. мой брат, Ванднер Бронислав, был схвачен фашистами и прямо на улице расстрелян. Через некоторое время, после расстрела брата, меня вместе с родителями насильственно, под страхом смерти, угнали в еврейское гетто, которое находилось, как я уже выше писала, по той же улице Пилсудского. Это здание сохранилось до сих пор, его так и называют «гетто».

Меня поместили в камеру отдельно от родителей, которых я потом уже больше не видела. Их расстреляли вместе с другими евреями вблизи бориславского мясокомбината. Я оставалась в гетто до конца 1941 года. Территория гетто была обтянута колючей проволокой и вокруг ходили патрули с собаками. Все это время я работала в ужаснейших условиях голода, издевательств и изнурительного насильственного труда. Нас, голодных и раздетых, выгоняли под конвоем каждый день работать на улицах города — ремонтировать тротуары, укладывать тяжелые бетонные плиты. Эта работа мне была не под силу, я часто падала, обессиленная от голода.

В один из таких дней проходила по улице моя школьная подруга Ольга Гендина (девичья фамилия Ханик; она, кстати, 8 февраля 1999 г. давала показания в суде, куда я обратилась по вопросу моего пребывания в гетто). Ольга Гендина увидела меня, работавшую тогда на улице, хотела подойти и подать мне кусок хлеба, но конвоир ее заметил и направил на нее собаку. Она испугалась и убежала. Я в этот момент упала, у меня закружилась голова от голода, мне незаметно заключенные дали глоток воды, и я с трудом поднялась. Через некоторое время подобный случай повторился: нас в этот день гнали на работу в район Мражницы, за город, на вырубку леса. По этой же улице как раз проходила приятельница моей мамы Ольга Петровна Фриновская (девичья фамилия Грушко; она также давала показания в суде, подтвердила факт моего пребывания в гетто). Ольга Петровна меня заметила,

когда я проходила в колонне. У нее в сумочке было два яблока, и она сумела, минуя конвоира, передать их мне. Эти яблоки я с жадностью съела.

Так продолжалось день за днем, я теряла силы и надежду на то, что останусь жива. Но в конце 1941 года (не помню точно даты, это был ноябрь — декабрь) при помощи охранника гетто еврейской национальности (его звали Марек Ратнер, он до войны жил в Бориславе) и молодого парня в форме украинского полица я тайком была ночью выведена из гетто. Этот парень был совершенно незнакомый, я до сих пор не знаю его имени и фамилии. Он провел меня темными боковыми улицами к дому по улице Трускавецкой (бывшая Коцюбинского), где проживал мой школьный друг Шевчук Мирослав, который и организовал мне этот побег из гетто. С этого дня и по август 1944 г., до дня освобождения Борислава, я скрывалась в укрытии под полом веранды этого дома, где нельзя было ни стоять, ни сидеть, а только лежать, как в могиле. Выходить из этой «могилы» я могла только поздней ночью, чтобы немного покушать и пройтись в помещении. Но и это удавалось не всегда, потому что, когда проводились осады по городу во время погромов, фашисты с собаками могли бегать вокруг дома. И в такое время я не могла выходить из укрытия, по несколько дней я оставалась без еды. По несколько дней приходилось голодать мне и моим спасителям. Шла война, продуктов питания не было, изредка появлялся корм для скота или отходы от картошки, мы этим и питались. В этом доме, где я скрывалась, живу по сегодняшний день. Так, благодаря добрым людям-украинцам, которые рисковали своей жизнью, мне удалось выжить в ужасных условиях оккупации и геноцида еврейского народа.

В августе 1945 года я вышла замуж за своего спасителя Шевчука Мирослава, мы прожили с ним 50 лет. Это был исключительно добрый, честный, душевный человек. Он умер 17 ноября 1995 года.

Моими спасителями были и родители моего мужа: мать Шевчук Розалия (1903 — 1972) и отец Шевчук Николай (1897 — 1989), которые приняли меня в такое страшное время, рис-

кую своей жизнью. Они относились ко мне, как к родной дочери, все делали для меня бескорыстно. Это были очень добрые, душевные люди.

Благодаря им я сегодня жива. Но сегодня я старый больной человек. Все пережитое отразилось на моем здоровье. Страдала от частых переломов ног и рук, передвигаюсь при помощи палочки, на улицу почти не выхожу. Кроме этого, болею сердечно-сосудистыми заболеваниями, гипертонией.

НОСОВ

Вадим Григорьевич

ДЛЯ ТОГО, КТО НЕ ВЫДЕРЖИВАЛ, ДОРОГА БЫЛА ОДНА — В ДЫМ

Осень 1942 года. Тишину уснувшей внутренней тюрьмы Лейпцигского полицейпрезидиума будит грохот отпираемых запоров.

— Все вон из камеры с вещами.

Нас трое, киевских мальчишек, которым едва исполнилось по 14 лет, второй месяц ждем наказания за совершение повторного побега с военного завода.

Вызывают по списку 50 человек, в нем и наши тюремные номера и фамилии. На железнодорожной станции грузимся в тюремный вагон. Куда везут — не знает никто. Сквозь матовые стекла вагона разобрать ничего невозможно и это особенно сильно волнует каждого.

На рассвете второго дня нас выгружают на станции с названием «Брикс». Очень холодно. Вокруг заснеженные горы, сырой туман. В закрытых грузовиках нас долго везут все выше в горы.

Концлагерь «Брикс» — одно из «воспитательных» заведений, специально созданных в фашистской Германии. Такие же стандартные бараки, обнесенные рядами колючей проволоки под током, со сторожевыми вышками, такой же «апельплац», на котором проводились ежедневные переключки и разборки с провинившимися, тот же эсэсовский персонал, состоящий из специально подобранных головорезов.

Среди узников лагеря были представители всех национальностей Европы, военнопленные англичане, французы, русские и даже несколько негров из сбитых американских самолетов, евреи и немцы.

Лагерь «обслуживал» каменный карьер, который заготавливал щебень для строительства Атлантического вала в Нормандии и непонятный химический комбинат.

Малолетних узников было немного и их, в основном, использовали на внутрилагерных хозяйственных работах. Утром все рабочие бригады под конвоем уходили на свои объекты. В лагерь возвращались под вечер. Грохот деревянных башмаков эхом отдавался в горах. После короткой передышки весь лагерь выстраивался на вечернюю поверку и направлялся за ужином к бараку-пищеблоку. Разделяясь на несколько потоков, подгоняемые охранниками заключенные пробегали сквозь пищеблок, где в заранее подготовленную миску (которая всегда висела у нас сзади на поясе), нам бросали из автоклава несколько дымящихся, распаренных картофелин и, оказавшись на улице, уже не торопясь никуда, на ходу поглощали доставшуюся пищу. В бараке нас ждал традиционный бидон ячменной «кавы» и раскаленная бочка-печь, вокруг которой толпились обитатели барака, живо обсуждающие события прошедшего дня. Спать укладывались на двухъярусных нарах, аккуратно сложив на скамейках свою верхнюю одежду. У многих не было нижнего белья, и они спали полуголыми — под куцым покрывалом на тюфяке, набитым тырсой. В 22 часа по лагерю объявлялся отбой, и измученные люди погружались в тяжелый сон. Очередной день заканчивался. Но... очень часто, среди ночи, подгулявшая охрана устраивала построения, переключки, гоняла в баню — «мыть ноги». В 5.30

утра — подъем, «построение», переключка, получение скудного завтрака и развод на работы. И так — день за днем — пока хватало сил и здоровья. А если кто не выдерживал, то дорога одна для всех — в дым.

БАБУХИНА
Александра Кузьминична

ЧТО ПЕРЕНЕСЛИ ДЕТИ-СИРОТЫ, ОДИН БОГ ЗНАЕТ

Я родилась 25 мая 1929 г. в городе Воронеже. Моя профессия — кондитер.

Место пребывания в Германии — город Пархим. В 1942 году в феврале месяце меня, воспитанницу колхоза «Путь Ленина», сироту, из Курской области (Стакановский сельсовет, деревня Б.-Выселки) насильно вывезли в Германию, в район города Пархим. Возле этого города был лагерь за колючей проволокой под током. В лагере находились больные туберкулезом и калеки, которые получили увечья на заводах Германии. В 1943 году в декабре немцы всех больных и калек вывезли в Минск и расселили по деревням. Нас, 5 человек,

привезли в село Калиновка (Минская область, Пуховический район). Двое умерло, а когда освободили Минск, нам приказали немедленно выехать туда, откуда вывезли в Германию. В деревню я вернулась в 1944 г. и сразу пошла работать в колхоз. В 1949 году я приехала во Львов, устроилась на работу на кондитерскую фирму «Свиточ» (раньше она называлась фабрикой имени Кирова), жила в общежитии. Вышла замуж. Председатель фабкома тогда заявляла: «Ни кола, ни двора, а выходят замуж». Что перенесли дети-сироты, один Бог знает. Да это еще не все понимали, что я была в концлагере не по своей воле. Я все думала, что о нас никогда не вспомнят. Но в 1988 году о нас вспомнили, я была на встрече в Киеве. Нас было 860 человек со всего Союза. А после конференции — поиски документов. В Германии одна треть осталась документов. Сейчас я инвалид 2-ой группы. Я сирота. За свои муки ада получила 660 марок. У меня есть свидетель того, что было со мной — женщина, с которой я была в одном концлагере. Она без правой руки — ей оторвало руку на заводе. Живет она в Белоруссии: Могилевская область, Чаусский район, сельсовет Волковичи, деревня Сутоки. Это — Розентова Ульяна Власовна.

ЗИЛЬБЕРМАН (ГЕРЖБЕРГ)
Любовь Ефимовна

**МЫ ОЧЕНЬ ГОЛОДАЛИ,
БЫЛИ ГОЛЫЕ, БОСЫЕ**

Я 1928 года рождения. До войны вместе со своими родителями проживала в селе Дзыговка Ямпольского района Винницкой области.

Нас было семеро детей: 5 сестер и 2 брата. Старший брат 1906 года рождения, младший — 1924 года рождения. Оба брата ушли на фронт. Во время войны мы получили сообщение, что они пропали без вести. Нас осталось пятеро сестер: сестра Нина — 1911 года рождения, Маня — 1912 года рождения, Поля — 1916 года рождения, Оля — 1922 года рождения. До войны мы жили очень бедно. Отец был инвалидом, а мама — лежачая. Семья наша была религиозная. Каждую пятницу мы ставили свечи и молились Богу. Моя сестра Оля ходила в школу, умела читать и писать по-еврейски. Я помогала родителям зарабатывать на кусок хлеба. Ходила по чужим людям, носила воду с речки, стирала белье, несмотря на то, что приходилось стоять зимой в холодной воде. У старшего брата осталась очень больная жена и трое детей. Вскоре она умерла, а детей на воспитание забрала моя мама.

Когда немцы зашли в наше село, мы боялись выходить на улицу. Кушать было нечего. Я собирала крапиву, шкарлупу от картошки.

В гетто я находилась со своими родителями и сестрами с 1941 года по 1944 год. Гетто было окружено колючей проволокой, охранялось румынскими и немецкими солдатами. Спали мы одетые, по ночам нас пересчитывали полицейские. Под конвоем нас выводили на работу, а тех, кто не мог идти, немцы били и очень издевались. Мы очень голодали, мы были голые и босые. Освободили нас только в 1944 году. Оставшиеся в живых считались самыми счастливыми людьми, за что мы благодарны своему Богу.

МЕЛЬНИЧУК
Сергій Васильович

**ВСІ БУЛИ ВИСОХЛІ,
МАЛО СХОЖІ НА ЛЮДЕЙ**

Я, Мельничук Сергій Васильович, народився 17 травня 1935 року в селі Нова Носовиця Рівненської області.

На початку березня 1944 року село було оточено німецькою польовою жандармерією. Жандарми в хатах ногами вибивали вікна, прикладами виганяли людей на двір. О 10-ій годині ранку погнали нас до райцентру, де закрили всіх у зерносковищі. Чоловіків було дуже мало, в основному були жінки з дітьми. Вночі підігнали вантажні машини і повантажили нас. Везли нас на великій швидкості. Нас з матір'ю було шестеро: мати Мельничук Ганна Федорівна, сестри Мельничук Варвара і Галина Василівни, я, Мельничук Сергій Васильович, брати Мельничук Микола Васильович та Олександр Васильович. Сама старша була сестра Варвара — 1931 року народження, брату Олександру було 4 роки. Жінки з хвилюванням стали вести розмову на тему «кому ми з такими дітьми потрібні». Одна жінка казала: «Мабуть, будуть з дітей брати кров». Одна молода жінка з пов'язаною дитиною на руках піднялася і сказала: «Я не дозволю знущатися над дитиною і мною», — кинула дитину в бік з машини на ходу і сама скочила. То було перед містом Броди.

В Бродах на станції погрузили нас в товарні вагони, закрили і так привезли в Перемишль, де розмістили в концтаборі і посортували. Через декілька днів повезли далі в товарних вагонах. Привезли в Лерте під Ганновером, у Німеччину.

Всіх заводили в табір великою чергою. В таборі всіх опитували, хто спроможений був говорити. Питали, звідки ти і де твій батько. Після того завели в приміщення великої лазні. Всіх стригли, роздягнули догола, одержу складали на кінці, на руку зав'язували на шнурку номер. На візку одіж везли в прожарку, а після миття її підвозили до нас.

Через тиждень знову по черзі повторно робили допит, після чого вішали стрічку — кому білу, кому синю, кому чорну, і відповідно до кольору стрічки, розділивши, вантажили у вагони. Привезли нас, п'ятьох дітей, вже без матері, у місто Гитцаккер Данненберзького округу в табір остарбайтерів VI PO-2, на будівництво підземних нафтоховищ. Дві сестри працювали на земляних роботах, а троє нас, братів, не працювало — наш вік був до 10 років. В таборі були росіяни, українці, білоруси, поляки, серби, чехи, військовополонені голландці.

Їжа була одноразова: черпак баланди з брукви і 150 г хліба на день. Всі були висохлі, мало схожі на людей, дорослі люди виглядали, як діти. В таборі лікаря не було. Лагерфюрер бив особливо поляків. Його замісником був офіцер гестапо, а другим замісником був чех Войтал — він був як перекладач, над людьми не знущався.

Завдяки клопотанням поляків через чотири місяці нам у табір привезли нашу матір. Вона також працювала на земляних роботах.

Під кінець війни авіація американців розбомбила табір та все навколо розбомбила. Нас переправили через Ельбу поромами. Потім їхали машинами. Не доїжджаючи Грабова, при бомбардуванні міста, багато людей порозбігалось, а деякі машини поїхали далі. Я був відокремлений від сім'ї, їхав в другій машині, яка ще проїхала за місто Грабов кілометрів з 20. Доїхавши до лісу, шофер машину і нас кинув. Я пішки повернувся по тій самій дорозі до Грабова і далі аж до Ельби, до міста Деміц. Але матері я так і не знайшов, бо на дорогах

було безліч німецьких громадян на підводах. Я спустився вниз до Ельби, де розташоване село біля міста Деміц, і в сараї побачив людей з табору, які ховались там, бо снаряди вже рвалися на нашій стороні. Американці робили сильний обстріл. На ранок на бронетранспортерах прийшли американські війська, а за два з половиною кілометра від міста Деміц були вже радянські війська.

На протязі двох тижнів я не міг перейти через КП американців, вони мене відганяли назад, та я все продовжував крутитися. Раптово пішов сильний дощ, їхала машина, зупинилася, і мене взяли в машину. Шофер щось говорив до мене, але я його не розумів. Я сказав йому, що не розумію вас, що хочу додому, що я з табору — тут недалеко. Тоді один з солдатів на польській мові сказав мені, що вони англійці і запитав, хто не пускає мене додому. Я відповів. Тоді цей солдат взяв мене за руку, провів через американське КП до радянського. Там англієць передав мене перекладачу, а сам повернувся назад. Мене забрала радянська санітарна машина, завезла мене до шпиталю, де я був місяць. Через місяць військовий лікар покликав військового коменданта Ганапольського, і він здав мене у дитячий будинок. Нас там було вже 34 неповнолітніх. Під осінь нас відправили автоколоною в Брест. Звідти супроводжуючий військовий привіз мене в наш райцентр Вербу. Але вдома нікого не було. І мене знову завезли назад і здали у дитячий будинок в Полторановичі Пінської області, в Білорусії.

В 1949 році мене направили в спецучилище № 12 міста Тарту, в Естонії, яке я закінчив в 1953 році, і працював у цьому місті на заводі п/я 32. В 1958 р. був призваний в армію. Працював в шахтах. В 1978 р. я знайшов сестру Варю, братів Миколу і Олександра. Сестра Варя живе в місті Маріуполі, брат Микола в місті Дубно. Я вже пенсіонер, інвалід 3-ї групи. Живу в Львівській області, в місті Червонограді, на вулиці Шептицького, 20/80.

Дмитро МІНЬКОВЕЦЬКИЙ

Міньковецький Дмитро Йосипович – кандидат історичних наук, багато років працював директором Дублянської середньої школи в Самбірському районі Львівської області. В 1941 році, хлопчиськом, у складі Народного ополчення брав участь у обороні столиці України. Роки фашистської окупації прожив під чужим прізвищем, як на лезі ножа. 16-річним хлопцем був забраний гітлерівцями на примусові роботи. Його батько та дві маленькі сестрички (2 і 3 років) не змогли вирватися з окупованого Києва і загинули від рук фашистів в Бабиному Яру. Після визволення воював проти фашистських загарбників на 2-му і 3-му Українських фронтах. Подаємо його вірші з циклу «Бабин Яр».

Дмитро Міньковецький з батьком і сестрою. Київ, 30-і роки

**З ПОЕТИЧНОГО ЦИКЛУ
«БАБИН ЯР»**

У БАБИНІМ ЯРУ

У Бабинім Яру стою над ровом... —
Чи чуєш, батьку, поруч я, прийшов... —
І серце стукає, тріпоче слово,
Я збив сюди немало підошов,
А ти мовчиш, як ті в яру, знімілі,
Що впали разом в сорок першім тут.
О батьку мій, сестрички мої милі, —
І з рук паде троянд червоний жмут... —
Я пережив тебе на тридцять років.
Я вже старий, на скронях сивина.
Я, мабуть, ще зроблю з десяток кроків...
Ми стрінемось. І це не дивина.
У мене є сини — твої онуки.
Є правнучки — дівчата золоті.
Люблю я дуже брати їх на руки.
Моїх синів не зміг тримати ти...
Така ось доля. В серці моім щема.
Пройшли десятки років тій війні.
Ми вірили, що всіх убивць зітремо.
Твою загибель як забудь мені?
Ще й настає така лиха година,
Із шпарок чуємо фашистський клич:
«Лише для українців Україна!
Всі інші з України — пріч!»
Та цього, батько, на землі не буде!
Піднять фашизму зброю не дамо!
Поки живуть на Україні люди,
В ній буде мир!
Й на тому стоїмо!

ВДИВЛЯЮЧИСЬ У ДИВНУ СИВИНУ

Вдивляючись у дивну сивину,
Що котиться знімілим яром,
Я бачу постаті, і не одну.
Всі, як живі, а не примари.
Вони такі, як то було колись.
Тільки похмурі і скорботні.
Я бачу їх таких не тільки нись,
А також і у дні суботні.
Вони ідуть, старі і молоді.
Стривожені, в яру кружляють.
В імлі я бачу батька іноді,
Сестричок. І вони зникають.
Стрічав я там дніпровських моряків,
І друзів, тих, з ким вчився в школі —
Не продались вони за тридцять срібняків.
І образи зникають їх поволі.
Під сонцем розсівається імла,
Прозоро, як у чистім полі.
Хоча видіння мить була мала,
Убитих бачив я доволі.
Для мене це важкий скорботний час.
Скажіть мені, я так вас заклинаю:
Чому страшна біда торкнулась нас,
Чому і досі ми страждаєм?

ПРОШУ СЛОВО...

До краю рова вбивці підвели
Жінок з дітьми, старих, німечних.
Неподалік їх щойно роздягли.
Катам усе це стало звичним.

Тілами був заповнений весь рів
Людей шматованих, побитих.
Тут не один під кулями згорів,
Якими вцілили бандити.

Там біля мами сплаконе дитя.

— Я, мамо, цих дядьків боюся... —

Тріпоче ще не знищене життя.

— Не бійсь, моя маленька Нюся...

— А, може, нас дядьки ці не уб'ють?

— Ні, донечко моя чудова... —

Мати ховає їх звірячу лють,
З любов'ю мовить кожне слово.

— Ти відвернися, не дивись туди,

Очі заплющ, моя єдина...

Нас не уб'ють, хоч привели сюди.

Не холодно? Не мерзне спина?

Цілує їй знекровлені уста,

Сльозами личико вмиває.

Сама стоїть Велика і Свята.

Як дочку врятувати не знає.

Мала не слуха матері наказ.

Лиш тіла чує її дотик.

— Рятуй мене! — І раптом спалах враз —

Стріля фашист в дитячий ротик.

В його руках танцює автомат.

Надломлені летять до рова.

Сказати мушу, що накоїв кат —

Прошу надати мені слово!

РОЗПРАВА

— Хай буде це мое останнє слово, —
Старого кат за бороду вхопив, —
— Відкрий-но писок, ти, стара корово,
Поки тебе я, жидику, не вбив.
Де золото та інші цінні речі?
Признайся ти, і ми не вб'ємо вас.
Не скажеш нам — усіх до ями змечем.
Для нас це просто плюнути як раз.
...Скидали всі годинники й каблучки.
Хтось кинув батьків портсигар.
Сережки зняли навіть і в онучки,
Щоб обминуть жахливий Бабин Яр.
Потім стояли за грабунок вдячні,
За ніби ще й дароване життя.
Невже минулися години лячні,
Здалося їм не буде вороття.
Та речі ті, що скинули на купку,
В кишені поліцаї розтягли.
Й таку там влаштували м'ясорубку,
Що жодному життя не зберегли.
...Лежать край лісу й досі в рові,
Забуті і затоптані вони.
О друже мій, поки живий, здоровий,
Це місце ти ніяк не обмини.
І поклади там квіточку чи віти
Від мене теж, ти добре знаєш як.
На місці тім, де покладають квіти,
Нехай зросте меморіальний знак...

ВІД ВИДАВЦЯ

**ЗБЕРЕГТИ ПАМ'ЯТЬ ПРО ЖЕРТВИ
ФАШИЗМУ, НЕ ДОПУСТИТИ ЙОГО
ВІДРОДЖЕННЯ**

Видавничий дім «Цивілізація» приступив до створення цієї книги в першій половині 1999 року. Ми кілька років ретельно працювали над цією книгою разом з авторами-упорядниками — відомими, шанованими людьми, які в дитячому віці пізнали страхіття фашистської неволі, Олегом Васюковим (кандидат філософських наук, доцент, який багато років викладав етику і естетику у Львівській Академії Мистецтв, поет, журналіст, науковий редактор цієї книги), Миколою Петренком (поет і драматург, автор понад 40 книг, лауреат літературних премій імені Павла Тичини і Юрія Яновського), Семеном Подольським (голова Львівського обласного відділення Української спілки в'язнів — жертв нацизму), разом з багатьма іншими колишніми малолітніми в'язнями фашистських таборів і гетто, які стали авторами спогадів про трагічні, жахливі події минулої війни. Адже ми всі добре розуміли, що ця книга — не данина минулій моді, що вона важлива, необхідна і зараз, на межі тисячоліть, і буде такою ж — важливою і необхідною — через багато років, в майбутньому. Бо пам'ять про звірства фашизму, про колосальні, безпрецедентні людські жертви, про опір цьому всесвітньому злу, про боротьбу з ним повинна бути збережена і для теперішнього, і для грядущих поколінь. Ця пам'ять повинна бути збережена, щоб не допустити відродження фашизму в будь-якій формі, в будь-якій країні.

Одна з головних особливостей, незвичність цієї книги в тому, що її численними авторами є колишні **малолітні** в'язні фашизму. Страхіття фашистських концтаборів і гетто вони пізнали дітьми, за юних літ і навіть немовлятами. Є серед авторів книги і такі, що народились в гітлерівській не-

волі. Фашистська людиноненависницька машина не знала жалю ні до кого.

Серед авторів книги — українці, євреї, росіяни, поляки, білоруси. Вони пишуть про своє скалічене фашизмом дитинство, про переслідування, муки, загибель своїх рідних, близьких, одноплемінників. Про геноцид, про тотальне, за расовою ознакою, винищування гітлерівцями євреїв, яке увійшло в історію під назвою Холокост. Вони із співчуттям пишуть і про страждання людей багатьох інших національностей. В цих спогадах жертвами фашизму постають також голландці, французи, британці, чехи, серби, американці, датчани... І, зрозуміло, самі німці, серед яких також були противники фашистського режиму і які стали його в'язнями, були знищені ним. Фашизм, який створив індустрію смерті, не милував нікого.

Трагічне дійство показано в книзі на величезному просторі: від українського Причорномор'я, Таврії, Поділля, Карпат до Балтики; від Дону і Кубані, псковських і брянських лісів до Альп, Нижньої Саксонії, Шлезвіг-Гольштейну. В книзі описуються злочини фашистів, які скоєні на території цілого ряду держав; назвемо їх, враховуючи сучасну політичну карту Європи: Україна, Росія, Польща, Білорусь, Естонія, Литва, Німеччина, Австрія, Чехія. В ній названо багато десятків місць фашистського терору, мучеництва, через які пройшли автори спогадів, їх рідні і близькі. Згадаємо тут лише деякі з вказаних в книзі місць «чорної слави» фашизму — і «знамениті», і маловідомі: Освенцім, Равенсбрюк, Бабин Яр в Києві, Бухенвальд, Дахау, Маутхаузен, Майданек, Янівський концтабір у Львові, Білосток і Замосьць у Польщі, Озаричі і Вітебськ в Білорусі, Дробицький Яр в Харкові, Мінське, Бершадське, Львівське гетто, Балта в Одеській області, Печери на Вінниччині, Ідриця на Псковщині, Палдиски і Клоога в Естонії, Майнсдорф і Грац в Австрії, Ліберець в Чехії, Каунас і Алітус в Литві... За цими назвами — масові звірства фашизму, мільйони смертей, скалічених долей.

Але ця книга не тільки про зло, причому, концентроване зло. Ця книга і про добро, про любов, гуманність, жертвність. Колишні малолітні в'язні фа-

шизму наводять численні приклади, факти того, як їх рятували, безкорисливо допомагали люди різних національностей — українці, росіяни, поляки, євреї, білоруси, чехи, німці... Рятували, допомагали, ризикуючи власним життям, життям членів своїх сімей. До того ж, ці рятувальники, ці помічники самі часто знаходились в гітлерівській неволі або ж були по іншу сторону колючого дроту — «на свободі», якщо, звичайно, взагалі можна говорити про свободу в умовах фашистського режиму. Приклади мужності, стійкості, сили духу, благородства колишніх малолітніх в'язнів фашизму посилені наведеними фактами, роздумами про те, як і для чого фашизм ламав, знищував добре в людях, і про те, як в них, однак, знаходились сили до опору. «Властиво, все діялося на безправ'ї, — подає в цій книзі, фактично, квінтесенцію філософії і практики нацизму в'язень Равенсбрюку Андріяна Гурна. — Безправно заарештовували, засаджували за дроти, карали (били) на праці, при роздачі їжі, прибиранні. В'язень втрачав рівновагу духу і ставав напівзвіром, що керувався інстинктом самозбереження». А в'язень концтабору «Штрассгоф», тоді восьмирічний, Олександр Геринович наводить приклад, як в нелюдських умовах Люди, навіть ціною свого життя, залишались Людьми: «Ніколи не забуду, як фашисти заставляли одного з полонених стояти всередині кола своїх же товаришів, змушуючи їх бити його. Полонені не погодились на це. Тоді на них всіх нацькували собак». А такі слова в'язня кількох таборів Баварії Ніни Корнієнко **«загибель людини починається з втрати волі до опору»**, погодьтеся, достойні бути визнані «крилатими». Вона ж наводить приклади, в яких ми бачимо зовсім різних, протилежних за духом, за мораллю, німців. Німців, які вважали її, дівчинку-невільницю, і інших в'язнів не людьми, а «свинями». Саме такі німці привели її до недитячого питання: «Як я, дитина, в чужій країні, відірвана від своєї землі, рідних, голодна, в обносах, яка працює і бита по голові майстром-німцем з причини і без причини, можу бути до всього того ще й «свиня»?» Але в цих же спогадах ми бачимо й інших німців — німців, які допомогли вижити їм, в'язням фашизму з далеких країн.

В книзі подані і свідчення про героїзм. Хай негучний, скромний, але все ж таки героїзм мирних людей, які не тримали в руках зброю, проте здійснили подвиги. Про українських селянок Килину Рябу і Килину Безсмертну, які врятували на Черкащині єврейську сім'ю Клауз; про родину Шевчуків, які вирвали з гетто прикарпатського Борислава Дзюню Вандер і прийняли її до своєї родини; про білоруську сім'ю Щекало, що дала притулок на хуторі Ячонка Мінської області Розі Відерман, яка втекла з гетто... А скільки безіменних героїв, про яких з вдячністю згадують колишні в'язні. Чехи з Ліберця, які сховали на горищі свого будинку Таню Лимар; росіянин, який врятував в Бершаді від лап поліція 11-річну єврейську дівчинку Ріву Гуревич; ув'язнена єврейка-лікар, яка в освенцімському «ревірі» врятувала від зараження тифом Лідію Писаренко; в'язні поляки, які зуміли домогтися навіть в неволі, в північнонімецькому Данненберзі, возз'єднання п'ятерох українських дітей Мельничуків з їхньою матір'ю, яка працювала в іншому таборі...

З великою теплотою і вдячністю згадують колишні малолітні в'язні фашизму і про своїх визволителів — радянських, американських, британських солдатів.

Все це — **добре серед зла, світле серед темряви, людське серед нелюдяного** — також повинне залишитись в пам'яті нинішнього і прийдешніх поколінь.

В ім'я такої високої мети ми всі разом створювали цю книгу.

Олег ЛЮТИКОВ,
керівник і головний редактор
Видавничого дому «Цивілізація»

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ О ЖЕРТВАХ ФАШИЗМА, НЕ ДОПУСТИТЬ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Издательский дом «Цивилизация» приступил к созданию этой книги в первой половине 1999 года. Мы несколько лет тщательно работали над этой книгой вместе с авторами-составителями — известными, уважаемыми людьми, которые в детском возрасте познали ужасы фашистской неволи, Олегом Васюковым (кандидат философских наук, доцент, много лет преподававший этику и эстетику во Львовской Академии Искусств, поэт, журналист, научный редактор этой книги), Мыколой Петренко (поэт и драматург, автор более 40 книг, лауреат литературных премий имени Павла Тычины и Юрия Яновского), Семеном Подольским (председатель Львовского областного отделения Украинского союза узников — жертв нацизма), вместе со многими другими бывшими малолетними узниками фашистских лагерей и гетто, ставшими авторами воспоминаний о трагических, ужасных событиях минувшей войны. Ведь мы все хорошо понимали, что эта книга — не дань преходящей моде, что она важна, необходима и сейчас, на грани тысячелетий, и будет такой же — важной и необходимой — спустя многие годы, в будущем. Ибо память о зверствах фашизма, о колоссальных, беспрецедентных людских жертвах, о сопротивлении этому всемирному злу, о борьбе с ним должна быть сохранена и для нынешнего, и для грядущих поколений. Эта память должна быть сохранена, чтобы не допустить возрождения фашизма в какой бы то ни было форме, в какой бы то ни было стране.

Одна из главных особенностей, необычность этой книги в том, что ее многочисленными авторами являются бывшие **малолетние** узники фашизма. Ужасы фашистских концлагерей и гетто они познали детьми, в юном возрасте и даже в

младенчестве. Есть среди авторов книги и родившиеся в гитлеровской неволе. Фашистская человеконенавистническая машина не знала жалости ни к кому.

Среди авторов книги — украинцы, евреи, русские, поляки, белорусы. Они пишут о своем искалеченном фашизмом детстве, о преследованиях, муках, гибели своих родных, близких, соплеменников. О геноциде, о тотальном, по расовому признаку, истреблению гитлеровцами евреев, которое вошло в историю под названием Холокост. Они с сочувствием пишут и о страданиях людей многих других национальностей. В этих воспоминаниях жертвами фашизма предстают также голландцы, французы, британцы, чехи, сербы, американцы, датчане... И, конечно же, сами немцы, среди которых также были противники фашистского режима и которые оказались его узниками, были физически уничтожены им. Фашизм, создавший индустрию смерти, не щадил никого.

Трагическое действо показано в книге на огромном пространстве: от украинского Причерноморья, Таврии, Подолья, Карпат до Балтики; от Дона и Кубани, псковских и брянских лесов до Альп, Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейна. В книге описываются злодеяния фашистов, совершенные на территории целого ряда государств; назовем их, учитывая современную политическую карту Европы: Украина, Россия, Польша, Беларусь, Эстония, Литва, Германия, Австрия, Чехия. В ней названы многие десятки мест фашистского террора, мученичества, через которые прошли авторы воспоминаний, их родные и близкие. Упомянем здесь лишь некоторые из указанных в книге мест «черной славы» фашизма — и «знаменитые», и малоизвестные: Освенцим, Равенсбрюк, Бабий Яр в Киеве, Бухенвальд, Дахау, Маутхаузен, Майданек, Яновский концлагерь во Львове, Белосток и Замосьць в Польше, Озаричи и Витебск в Беларуси, Дробицкий Яр в Харькове, Минское, Бершадское, Львовское гетто, Балта в Одесской области, Печеры на Винничине, Идрица на Псковщине, Палдиски и Клоога в Эстонии, Майнсдорф и Грац в Австрии, Либерец в Чехии, Каунас и Алитус в Литве... За этими названиями — массовые зверства фашизма, миллионы смертей, искалеченных судеб.

Но эта книга не только о зле, причем, концентрированном зле. Эта книга и о добре, о любви, гуманности, жертвенности. Бывшие малолетние узники фашизма приводят множество примеров, фактов того, как их спасали, бескорыстно помогали люди разных национальностей — украинцы, русские, поляки, евреи, белорусы, чехи, немцы... Спасали, помогали, рискуя своими жизнями, жизнями членов своих семей. Причем, эти спасители, эти помощники сами, зачастую, находились в гитлеровской неволе или же были по другую сторону колючей проволоки — «на свободе», если, конечно, вообще можно говорить о свободе в условиях фашистского режима. Примеры мужества, стойкости, силы духа, благородства бывших малолетних узников фашизма усилены приведенными фактами, их раздумьями, о том, как и зачем фашизм ломал, уничтожал хорошее в людях, и о том, как, тем не менее, у них находились силы к сопротивлению. «Собственно, все делалось на бесправии, — представляет в этой книге, фактически, квинтэссенцию философии и практики нацизма узница Равенсбрюка Андрияна Гурна. — Бесправно арестовывали, сажали за проволоку, карали (били) на работе, во время раздачи еды, уборки. Узник терял равновесие духа и становился полуживотным, который руководствовался только инстинктом самосохранения». А узник концлагеря «Штрассгоф», тогда восьмилетний, Александр Геринович приводит пример, как в нечеловеческих условиях Люди, даже ценой своей жизни, оставались Людьми: «Никогда не забуду, как фашисты заставляли одного из пленных стоять внутри круга своих же товарищей, принуждая их бить его. Пленные не согласились с этим. Тогда на них всех натравили собак». А такие слова узницы нескольких лагерей Баварии Нины Корниенко **«гибель человека начинается с утраты воли к сопротивлению»**, согласитесь, достойны быть признаны «крылатыми». Она же приводит примеры, в которых мы видим совершенно разных, противоположных по духу, по морали, немцев. Немцев, которые считали ее, девочку-невольницу, и других узниц не людьми, а «свиньями». Именно такие немцы привели ее к недетскому вопросу: «Как я, ребенок, в чужой стране, отор-

ванная от своей земли, родных, голодная, в обносках, работаю, избиваемая по голове мастером-немцем по причине и без причины, могу быть ко всему тому еще и «свинья»?» Но в этих же воспоминаниях мы видим и иных немцев — немцев, которые помогли выжить им, узникам фашизма из далеких стран.

В книге представлены и свидетельства о героизме. Пусть негромком, скромном, однако, тем не менее, героизме мирных людей, не державших в руках оружие, но совершивших подвиги. Об украинских крестьянках Килине Рябой и Килине Бессмертной, спасших на Черкашине еврейскую семью Клауз; о семье Шевчуков, вырвавшей из гетто прикарпатского Борислава Дзюню Вандер и принявшей ее в свою семью; о белорусской семье Щекало, приютившей на хуторе Ячонка Минской области бежавшую из гетто Розу Видерман... А сколько безымянных героев, о которых с благодарностью вспоминают бывшие узники. Чехи из Либерца, укрывшие на чердаке своего дома Таню Лымарь; русский, спасший в Бершади от лап полиция 11-летнюю еврейскую девочку Риву Гуревич; заключенная еврейка-врач, которая в освенцимском «ревире» уберегла от заражения тифом Лидию Писаренко; узники поляки, сумевшие добиться даже в неволе, в северогерманском Данненберге, воссоединения пятерых украинских детей Мельничуков с их матерью, работавшей в другом лагере...

С огромной теплотой и благодарностью вспоминают бывшие малолетние узники фашизма и о своих освободителях — советских, американских, британских солдатах.

Все это — **доброе во зле, светлое во тьме, человеческое в бесчеловечии** — также должно остаться в памяти нынешнего и грядущих поколений.

Во имя такой высокой цели мы все вместе создавали эту книгу.

Олег ЛЮТИКОВ,
руководитель и главный редактор
Издательского дома «Цивилизация»

**ЗМІСТ
СОДЕРЖАНИЕ**

Васюков Олег Казимирович	
...Родом з дитинства, обпаленого війною	10
Васюков Олег Казимирович	
...Родом из детства, опаленного войной	13
Подольский Семен Рафуилович	
Помнить о погибших, заботиться о живых	16
Васюков Олег Казимирович	
Наш перший скромний ювілей	23
Петренко Микола Євгенович	
<i>Не маємо права забувати</i>	25
Куди вони всі, найдорожчі, куди позникали?	25
№ 9264	30
Розлука з сестрою	30
«Розділили: два різні конвої»	31
«Відлине все — і сум, і глум, і відчай»	31
Музика для кобри	32
Співучі коні	33
Нескорений «Кобзар»	34
Трибунал	36
Пролісок	37
Визволення	37
Музей дитячого взуття в Освенцімі	38
Жінка в чорному	39
Вічне повернення	40
Сестра співала... ..	40
Ми діти таборів і гетто	41

Писаренко Лидия Тихоновна

Крематорий не гас ни днем, ни ночью	43
1. Прибытие в Освенцим	43
2. Первый рабочий день в Освенциме	46
3. Болезнь	47
4. Ревир	48

Васюков Олег Казимирович

<i>Дзвони пам'яті й перестороги (триптих)</i>	50
Були і в жертв нацизму різні долі	50
Не забудемо, не простимо!	52
<i>Дзвони пам'яті й перестороги</i>	53

Петренко Микола Євгенович

Яків Шудріх — нескорений співець Львівського гетто	56
--	----

Шудріх Яків

<i>Чесним гнівом наснажена пісня...</i>	57
Пісня моя	57
«Я всміхаюсь»	57
Руки	58

Подольский Семен Рафуилович

По ту сторону жизни	59
---------------------------	----

Трусов Евгений Антонович

Весь путь в Германию был дорогой смерти	62
---	----

Кратасюк Галина Филимонівна

Кликали нас тільки по номерах	63
-------------------------------------	----

Дибман Лев Иосифович

Я стал инвалидом на всю жизнь	65
-------------------------------------	----

Карпенко Іван Федорович

Я був у дистрофічному стані	66
-----------------------------------	----

Вонсик (Гуро) Алла Алексеевна

Детская память способна долго помнить	68
---	----

ПОДСНЕЖНИКИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Зукина Софья Григорьевна Я упала в яму с убитыми	69
Мясковская Полина Рувиновна Мы благодарны тем украинцам, которые помогали нам ..	70
Дубно Ванда Станиславовна Фашисты гнали нас, как живой щит, впереди себя	71
Забурко Олександр Ілліч Там били до втрати свідомості	73
Атаманюк Михайло Андрійович Освенцімське пекло	75
Половинкина Тамара Андреевна Еще помню, как умирала от тифа	77
Фаншель Семен Львович Нас избивали палками и нагайками	78
Баран Мира Гецковна На всю жизнь осталась боязнь полицаев и собак	80
Кузнєцова Олександра Микитівна Господар наказав покарати мене	81
Филоненко Мария Григорьевна Убегала дважды неудачно	82
Тараканов Микола Наумович Нас боялися переховувати	84
Судиловская Людмила Васильевна Очень много умирало детей	87
Резник Айзик Мишеевич Группа молодых евреев была расстреляна за антифашистские листовки	89

Гуревич Рива Ихіловна

Фашистський изверг страшно издевался над нами 91

Любко (Федорова) Александра Ільїнічна

Находились мы в лагере в ужасном положении 94

Дробышева Маргарита Павловна

Меня спасла молитва 96

Новиков Владимир Петрович

Я родился в лагере «Хорольская яма» 97

Богданова Надежда Максимовна

Каратели живыми закапывали евреев 98

Дзюба-Проць Татьяна Семеновна

На допросе я теряла сознание 100

Хлесткова Неля Георгиевна

Спаслись благодаря помощи советских воинов 102

Моргунова (Видерман) Галина Антоновна

Никогда не забудем этот кошмар! 103

Барон Александр Иосифович

Расстреливали на месте 105

Васюков Олег Казимирович

Слухати і вчитися, і завжди пам'ятати..... 108

Завалій Оксана Максимівна

Навіть зараз страшно про те згадувати 122

Лимар Тетяна Михайлівна

Хворих ніхто не лікував 124

Каблучко Лідія Володимирівна

Нехай більше нікому не випаде така доля 126

Машталер Ганна Іванівна

Поліцаї і староста сказали: «Збиратися!» 128

Шварц Рухля Вольковна Немцы подождгли деду бороду	131
Пустельник Фрида Мойсеевна Того, кто не мог идти, убивали	132
Клауз Евдокия Иосифовна Вечно помним наших спасительниц	134
Сметанина Людмила Менделевна Из нашей семьи осталось только двое	136
Флейдер (Герценштейн) Клара Вениаминовна Отца били, а мы плакали и молились	138
Чернер (Гержберг) Ольга Юхимівна Вижили завдяки терпінню і милості Бога	139
Трусова Вера Ивановна Я из партизанского края	140
Петренко Микола Євгенович Борг за маленьку полонянку (слово про Лідію Кузьменко)	142
Васюков Олег Казимирович <i>Никто не забыт, ничто не забыто!</i>	145
Память родной земли	145
«AVE MARIA!»	151
Ширман Григорий Моисеевич Лесничий брал меня к себе	163
Корниенко Нина Климовна Песня «Катюша» нас подбодрила	164
Лисицын Павел Егорович Многие погибли, а мне удалось убежать	169
Гурна Андріяна Михайлівна Равенсбрюк — один з найстрашніших таборів	170
Воля уві сні	173

Хом'як Софія Дмитрівна	
У господаря я була рабинею	174
Пирогов Анатолій Андреевич	
Автограф на Рейхстаге	175
Каплан Клара Львовна	
Мы прятались несколько месяцев	178
Фельдман Беття Ихимовна	
Мертвых узнавали по одежде	180
Геринович Олександр Олександрович	
Над нами знущались есесівці	182
Андреевкова Анна Федоровна	
Всех мужчин из нашего поселка расстреляли	183
Данькова Домініка Петрівна	
Я народилася в Україні і в Україну повернулася	186
Масна Юлія Олексіївна	
Ось таке дитинство у мене було... ..	188
Петренко Микола Євгенович	
Слово про Зіновію Шульжук	190
Шульжук Зіновія	
З невірничої поезії	191
Сиджу за верстатом	191
З листа до матері	191
Так хочеться смерті... ..	192
Зустріч колишніх полонянок	192
Даровані квіти	193
Кондратенко Анна Михайловна	
Фашиста радовал вид крови	194

ПОДСНЕЖНИКИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЮ

Торюша Семен Кондратьевич

Из лагерьа я убагал трыжды 196

Кальман Арон Борисович

Умירалі от голода, холода, тифа 198

Шевчук (Ванднер) Дзюня Моисеевна

Я потеряла надежду, что останусь жива 201

Носов Вадим Григорьевич

Для того, кто не выдерживал, дорога была одна — в дым 204

Бабухина Александра Кузьминична

Что перенесли дети-сироты, один Бог знает 206

Зильберман (Гержберг) Любовь Ефимовна

Мы очень голодали, были голые, босые 207

Мельничук Сергій Васильович

Всі були висохлі, мало схожі на людей 209

Міньковецький Дмитро Йосипович

«Бабин Яр» 212

У Бабинім Яру 213

Вдивляючись у дивну сивину 214

Прошу слово... 215

Розправа 216

Лютіков Олег Юрійович

Від видавця. Зберегти пам'ять про жертви фашизму,
не допустити його відродження 217

Лютиков Олег Юрьевич

От издателя. Сохранить память о жертвах фашизма,
не допустить его возрождения 221

Сторінка щирої вдячності

ВИДАННЮ КНИГИ

**«ПРОЛІСКИ ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ
СПОГАДИ
КОЛИШНІХ МАЛОЛІТНІХ В'ЯЗНІВ ФАШИЗМУ»**

СПРИЯЛИ:

**Львівське регіональне відділення
Партії регіонів,
голова відділення
Олексій Васильович Радзієвський**

**Президент Клубу бізнес-асоціації «Династія»
Михайло Сергійович Плесков**

**Львівське обласне відділення
Української спілки в'язнів — жертв нацизму**

Страница искренней благодарности

ИЗДАНИЮ КНИГИ

**«ПОДСНЕЖНИКИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ»
ВОСПОМИНАНИЯ
БЫВШИХ МАЛОЛЕТНИХ УЗНИКОВ ФАШИЗМА»**

СОДЕЙСТВОВАЛИ:

**Львовское региональное отделение
Партии регионов,
председатель отделения
Алексей Васильевич Радзиевский**

**Президент Клуба бизнес-ассоциации «Династия»
Михаил Сергеевич Плесков**

**Львовское областное отделение
Украинского союза узников — жертв нацизма**

РЕЦЕНЗІЯ

на книгу «Проліски за колючим дротом. Спогади колишніх малолітніх в'язнів фашизму» (Видавничий дім «Цивілізація», автори-упорядники Олег Васюков, Микола Петренко, Семен Подольський, головний редактор та керівник видання книги Олег Лютіков)

Книга «Проліски за колючим дротом. Спогади колишніх малолітніх в'язнів фашизму», яка підготовлена Видавничим домом «Цивілізація», є вагомим документальним внеском в історичну науку. Вона сприяє отриманню більш глибоких знань та кращому розумінню періоду Другої світової війни, який віддалений від теперішнього дня багатьма десятиліттями.

Книга має яскраво виражену гуманістичну спрямованість, дозволяє її читачу усвідомити антилюдську сутність нацизму, виховує його, читача, в антифашистському дусі.

Вона викриває нацизм як явище, показує його неймовірні звірства в Україні та в багатьох інших країнах Європи. Особливу цінність надає книзі те, що авторами численних спогадів, які подані в ній, є колишні малолітні в'язні фашизму, люди багатьох національностей — українці, євреї, росіяни, поляки, білоруси, чие дитинство, юність були скалічені гітлеризмом. Жертвами фашизму в ній постають люди вказаних, а також багатьох інших національностей, а серед них — і самі німці, мешканці не тільки країн Східної, але й Західної Європи.

Вміле компонування книги, високоякісне редагування робить її доступною розумінню читача, незалежно від його політичних поглядів, національної та релігійної належності, рівня освіти. Її зміст та форма потужно впливають на розум читача, на його емоційний стан. Навіть загартована людина, яка дуже багато бачила в житті, не в стані залишатися байдужою, зберігати душевну рівновагу під час читання поданих в ній описів жахів фашистських концтаборів, гетто та інших місць мучеництва ні в чому невинних людей — жертв нацистського терору.

Особливу яскравість, соковитість надають книзі документальні свідчення фашистського терору, які подані у віршованій формі, філософські роздуми про злочинську сутність нацизму.

Книга переконливо, доказово викриває такі мерзотні явища як нацизм, ксенофобію, расизм, антисемітизм. Вона закликає людство всіма доступними силами не допустити їхнього розповсюдження, не допустити відродження фашизму, повторення Холокосту. Це забезпечує актуальність книги, її попит і в теперішній час, і в майбутньому, причому влюбій країні світу.

В той же час книга містить і світлий початок, показує силу людської волі, духу, доброти, подає численні факти гуманності, самовідданості, героїзму як в'язнів фашизму, так і інших осіб, які безкорисливо допомагали їм.

Без сумніву, величезна робота авторів-упорядників — Олега Васюкова (кандидат філософських наук, доцент), Миколи Петренка (письменник), Семена Подольського (голова Львівського обласного відділення Українського союзу в'язнів — жертв нацизму), які в дитячому та юнацькому віці самі пізнали страхіття фашистської неволі, головного редактора книги, керівника Видавничого дому "Цивілізація" Олега Лютікова заслуговує на саму високу оцінку.

Книга «Проліски за колючим дротом. Спогади колишніх малолітніх в'язнів фашизму» завдяки важливості, актуальності тематики, глибині змісту, науковій обґрунтованості та об'єктивності висвітлення історичних фактів, високій якості літературної обробки матеріалу та редагування заслуговують на видання та самого широкого розповсюдження.

Рудольф МИРСЬКИЙ,
доктор філософських наук, професор,
директор Регіонального науково-освітнього центру по вивченню проблем Холокосту при Національному університеті «Львівська політехніка»

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу «Подснежники за колючей проволокой. Воспоминания бывших малолетних узников фашизма» (Издательский дом «Цивилизация», авторы-составители Олег Васюков, Микола Петренко, Семён Подольский, главный редактор и руководитель издания книги Олег Лютиков)

Книга «Подснежники за колючей проволокой. Воспоминания бывших малолетних узников фашизма», подготовленная Издательским домом «Цивилизация», является крупным документальным вкладом в историческую науку. Она содействует обретению более глубоких знаний и лучшему пониманию периода Второй мировой войны, отдалённого от сегодняшнего дня многими десятилетиями.

Книга имеет ярко выраженную гуманистическую направленность, позволяет её читателю осознать античеловеческую сущность нацизма, воспитывает его, читателя, в антифашистском духе.

Она обличает нацизм, как явление, показывая его немыслимые зверства в Украине и во многих других странах Европы. Особую ценность придаёт книге то, что авторами многочисленных воспоминаний, представленных в ней, являются бывшие малолетние узники фашизма, люди многих национальностей — украинцы, евреи, русские, поляки, белорусы, чьё детство, юность были искалечены гитлеризмом. Жертвами фашизма в ней предстают люди названных, а также многих других национальностей, включая и самих немцев, жителей не только стран Восточной, но и Западной Европы.

Умелая компоновка книги, добротное редактирование делает её доступной пониманию читателя, независимо от его политических взглядов, национальной и религиозной принадлежности, уровня образования. Её содержание и форма мощно воздействует на разум читателя, на его эмоциональное состояние. Даже закалённый, повидавший многое в жизни человек не в силах оставаться безразличным, сохранять душевное равновесие при чтении представленных в ней описаний ужасов фашистских концлагерей, гетто и других мест мученичества ни в чём неповинных людей — жертв нацистского террора.

Особую красочность, сочность придают книге документальные свидетельства фашистского террора, представленные в стихотворной форме, философские размышления о злодейской сущности нацизма.

Книга убедительно, доказательно изобличает такие гнусные явления как нацизм, ксенофобию, расизм, антисемитизм. Она призывает человечество всеми доступными силами не допустить их распространение, не допустить возрождение фашизма, повторение Холокоста. Это обеспечивает актуальность книги, её востребованность и в настоящее время, и в будущем, причём в любой стране мира.

В тоже время книга содержит и светлое начало, показывает силу человеческой воли, духа, доброты, представляет многочисленные факты гуманности, самоотверженности, героизма как узников фашизма, так и других лиц, бескорыстно помогавших им.

Без сомнения, огромная работа авторов-составителей — Олега Васюкова (кандидат философских наук, доцент), Мыколы Петренко (писатель), Семёна Подольского (председатель Львовского областного отделения Украинского союза узников — жертв нацизма), которые в детском и юношеском возрасте сами познали ужасы фашистской неволи, главного редактора книги, руководителя Издательского дома «Цивилизация» Олега Лютикова заслуживает самой высокой оценки.

Книга «Подснежники за колючей проволокой. Воспоминания бывших малолетних узников фашизма» благодаря важности, актуальности тематики, глубине содержания, научной обоснованности и объективности освещения исторических фактов, философским обобщениям, высокому качеству литературной обработки материала и редактирования заслуживает издания и самого широкого распространения.

Рудольф МИРСКИЙ,
доктор философских наук, профессор,
директор Регионального научно-образовательного центра по изучению проблем Холокоста при Национальном университете «Львовская политехника»

**В ЦІЙ КНИЗІ ПОДАНІ ТРАГІЧНІ ПОДІЇ,
ЯКІ МАЛИ МІСЦЕ ПІД ЧАС
ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ В**

АВСТРІЇ

БІЛОРУСІ

ЕСТОНІЇ

ЛИТВІ

НІМЕЧЧИНІ

ПОЛЬЩІ

РОСІЇ

УКРАЇНІ

ЧЕХІЇ

**В ЭТОЙ КНИГЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ТРАГИ-
ЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, ИМЕВШИЕ МЕСТО
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В**

АВСТРИИ

БЕЛАРУСИ

ГЕРМАНИИ

ЛИТВЕ

ПОЛЬШЕ

РОССИИ

УКРАИНЕ

ЧЕХИИ

ЭСТОНИИ

ПРОЛІСКИ ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ СПОГАДИ КОЛИШНІХ МАЛОЛІТНІХ В'ЯЗНІВ ФАШИЗМУ

Автори-упорядники

**О. К. Васюков, М. Є. Петренко,
С. Р. Подольський**

Головний редактор, керівник видання книги

О. Ю. Лютіков

Науковий редактор кандидат філософських наук, доцент

О. К. Васюков

Редактор

С. П. Лютікова

Художник

І. М. Корчевський

Рецензент доктор філософських наук, професор

Р. Я. Мирський

Оригінал-макет та плівки Видавничого дому «Цивілізація».
Підписано до друку 07.11.2004. Формат 84x108 1/32. Папір офсетний.

Гарнітура Baskerville. Друк офсетний. Тираж 4000 екз.

**Видано в Україні
Издано в Украине
Published in Ukraine**

**Видавничий дім «Цивілізація»
Издательский дом «Цивилизация»
The publishing house «Civilization»**

Адреса для листування:

**Україна, 79008, м. Львів, вул. Короленка, 1а
Украина, 79008, г. Львов, ул. Короленко, 1а
1а, Korolenko St., Lviv 79008 Ukraine**

E-mail: civilization@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єкта видавничої справи ДК № 1816 від 27.05.2004 р.
Надруковано в ПП «Галас»: м. Львів, вул. К. Левицького, 60/6

SNOWDROPS BEHIND BARBED WIRE
Memoirs of former children's prisoners of fascism

SCHNEEGLÖCKCHEN
HINTER DEM STACHELDRAHT
Erinnerungen von den ehemaligen
minderjährigen Faschismusgefangenen

DES PERCE-NEIGE DERRIÈRE
LES BARBÈLES
Souvenirs d'anciens enfants prisonniers du fascisme

PIERWIOSNKI ZA DRUTEM KOLCZASTYM
Wspomnienia byłych niepełnoletnich więźniów faszyzmu

ПАДСНЕЖНИКИ ЗА КАЛЮЧЫМ ДРОТАМ
Успаміны былых малалетніх вязней фашызма

פֿעמוניוֹת שלג מאחורי גדר תיל
זכרונות ילדי השואה על הפאשיזם

ISBN 966-7719-01-4

THE PUBLISHING HOUSE «CIVILIZATION»

ПРОЛІСКИ ЗА КОЛЮЧИМ ДРОТОМ

Спогади
колишніх малолітніх в'язнів фашизму

ВИДАВНИЧИЙ ДІМ «ЦИВІЛІЗАЦІЯ»

ПОДСНЕЖНИКИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Воспоминания
бывших малолетних узников фашизма

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»